

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОВЫМ-84

5 МАЙ

К маю цветы на Урале
еще не цветут,
Но посмотрите
на праздничность
гордого Мая:
Рдеют гвоздики —
и к сердцу,
и к знамени льнут,
Значит, от наших сердец
и знамен
расцветают.
Л. РУМЯНЦЕВ

Снимки А. Лысякова.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ-84

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Главный редактор
Станислав МЕШАВКИН

Редакционная коллегия:

Муса ГАЛИ
Спартак КИПРИН
Владислав КРАПИВИН
Юрий КУРОЧКИН
Давид ЛИВШИЦ,
заместитель главного редактора
Геннадий МАШКИН
Николай НИКОНОВ
Анатолий ПОЛЯКОВ,
заведующий отделом краеведения
Лев РУМЯНЦЕВ,
заведующий отделом прозы и поэзии
Константин СКВОРЦОВ
Владимир СТАРИКОВ,
ответственный секретарь

№ 5 МАЙ

ВТОРОЙ ВАРИАНТ

Повесть

Павел
КОДОЧИГОВ

Рисунки
Н. Мооса

2.

Время было послеобеденное, ленивое. Не спеша помыли котелки, кому положено, ушли на посты, кому стоять ночью, спать завалились. Бахтин попросил Бербица, чтобы анекдоты потравил, но тот рыкнул, чтобы Вася отвалился. Бахтин улегся на нары поудобнее и пообещал:

— А я тебя вечером снова уделаю, Миша.

— Обязательно. Ты из каких краев на фронт пожаловал?

— Я-то? — удивился Бахтин. Сколько раз говорил Бербицу, а он все не запомнит.

— Не говори, не говори, — запрещающе вытянул длинную руку Бербиц. — Как ты спросил ласково: «Я-то?» — я сразу и смекнул. Это у вас: «От Мельничи до Котельничи двадцать верст, а от Котельничи до Мельничи — пятнадцать?» Это вы так говорите: «Двадцать на двадцать — будем дратя, а ежели двадцать один, то котомки отдадим?»

В шуме и калгатне не заметили, как в землянку вошел связной полка, достал из противогазной сумки пачку писем, газеты и стоял, помаргивая и не понимая, почему так развеселились разведчики. Постоял, постоял и гаркнул:

Окончание. Начало см. в № 4.

— Тихо! Почта пришла!

Письма разбирали, еще похохатывая, начали было читать послания из дому и прервались, услышав от Шарапова:

— Письмо от Скубы, ребята!

— Читай, командир. Вслух читай.

Костя писал, что спина его поправляется, скоро обещают выписать, и он желал бы вернуться в свой взвод, если, конечно, примут.

— Какой разговор? Пусть возвращается! — обрадовались разведчики.

— Я думаю, командир, надо написать хорошее письмо и всем подписаться, — Вашлаев оглядел всех ясными голубыми глазами и добавил: — Как хотите судите, но я тогда загадал: выдержит Скуба — живой с войны вернусь. И вот видите — живой! Хорошее письмо надо написать.

— Договорились. А что с фрицами будем делать? — Противник упорно не раскрывал свои огневые средства и начатая была схема оставалась почти пустой. — Как раздражить их, чтобы взбесились? — продолжил свою мысль Шарапов.

— Я давно говорю, что надо костерок запалить на нейтралке, — сказал Бахтин.

— Правильно. Кубометров двадцать дровишек погрузить на сани, и Вася на тракторе их в любое место доставит, а Карянов на его пути будет мины снимать, — гоготнул Бербиц.

— Согласны, если ты костерок поджигать будешь, — рассмеялся Карянов.

— Костерок ерунда, а вот дымовые шашки можно попробовать. И тащить легче, и в разных местах гореть будут. На них лучше купятся, — перевел разговор в деловое русло Спасских.

— А ты подумал о том, что пока шашки растаскивать будем, все минные поля перепашем, — возразил Вашлаев. — Тут надо все основательно взвесить.

— Пока ты «взвешиваешь», командиру втык сделают.

— Ребята, взгляните-ка на этот рисунок, — снова подал голос Карянов.

На только что полученном конверте была карикатура на Гитлера.

— Хочешь фрицам письмо отправить в этом конверте? — усмехнулся Шарапов.

— Да не-е-ет. Нарисовать покрупнее и повесить. Вот тут-то они огонь откроют.

— По фюреру?

— По карикатуре.

Конверт пошел по рукам. Ребята заинтересовались. Половину разведчиков война, как и Шарапова, оторвала от школьных парт, и поозорничать они любили, а тут представлялась такая возможность. Даже «старички», Родионов и Селютин, одобрили предложение Карянова, даже Вашлаев не предостерегал. Латыпов внес контрпредложение:

— Если рисовать, так мою, — достал давно вырезанную из журнала карикатуру на Гитлера и пояснил: — Это он после Сталинграда. Все лицо в наклеях.

— А где найти художника? — спросил Полуэкт.

— Фью, сами будто не нарисуете? — разведчики давно обращались к нему на «ты», но иногда по непонятным причинам начинали вдруг выкать.

— На листок бы перерисовал, а тут же большую надо.

— Сумеете, товарищ младший лейтенант. Здесь важно сходство уловить, а чем дурнее получится, тем лучше.

Один раз Полуэкт карикатуру рисовал. В третьем классе, на Мистера-Твистера миллионера, и получил за нее первую премию — линейку и резинку. Домой мчался со всех ног, распахнул дверь и крикнул с порога: «Мама, мне премию дали! Вот посмотри!» Протянул зажатые в потной руке сокровища. Мать поняла его, полюбовалась подарками и похвалила: «Постарался — и получил. Надо, сынок, все по уму делать, в любую работу усердие вкладывать, тогда и уважение к тебе будет». Слова матери запомнились. Он и учиться стал лучше, и ни от какого дела ни в школе, ни дома не отлынивал, и через два года получил такую премию, о которой и мечтать не смел — заводские никелированные коньки «нормис». Они кое-где поржавели, наверно, долго лежали на складе, но после деревянно-проволочных самодельных, на которых катался раньше, казались настоящим чудом. Перед уходом в армию мать по какому-то случаю вспомнила и рассмеялась: «Коньки-то твои я на базаре купила. Не было у школы денег на такую дорогую премию, вот меня и попросили. Пять рублей отдала, но уж раз заслужил...»

Мистер-Твистер у него получился, а Гитлер?..

— Не рисовать мне, ребята. Да и на чем?

— Сходите к Лобатову. Пусть простыней привезет. Остальное сами достанем.

Упоминание о Лобатове и совсем расхолодило. Высмеет, детский сад упомянет, а помогать не будет. Но ребята завелись, пригрозили, что сами пойдут к ПНШ-2 и рисовать будут сами, если он отказывается. Пришлось пойти. Лобатов — пойми его! — тоже в азарт вошел:

— Дело придумали! На Новый год мы им такой «праздничек» устроим, что не вытерпят, раскошелятся.

Съездил Лобатов в тыл, привез четыре сшитые вместе простыни и ведро колесной мази. Взводные умельцы тут же растолкли ее, добавили уголь, чтобы была почернее, сделали кисти и выровняли площадку. Все готово, рисуй, командир!

Шарапов хотел сначала сделать углем контур, но всмотрелся в карикатуру и решил, что этого изверга носатого «схватит» и без наброска. Храбро ступил на полотно, фуражку помятую с высокой тульей нарисовал, челочку из-под нее растрепанную выпустил, нос, глазки маленькие и растерянные изобразил, поднялся на вал к многочисленным зрителям, чтобы взглянуть на работу издали, и дальше рисовал еще смелее. И получилось! Подпись после жарких споров сделали самую простую: «Не стрелять!». Решили на психику давить, чтобы упрямство фашистское зыгло.

Ночью на двух жердях, поверху и понизу, карикатуру водрузили на обстановочный столб речников, сохранившийся на берегу Волхова в том месте, где из него берет начало Малый Волховец.

Первый день нового тысяча девятьсот сорок четвертого года начинался медленно и неуверенно. Долгое время карикатура была не видна, но вот огромное красное солнце приподнялось над землей, бледнее, поползло вверх, на какое-то время скрылось за тучей, а когда вышло из-за нее, высветило полотно так, что рисунок стал виден и с обратной стороны.

Ликующие возгласы пронесли по окопам, а на обороне противника — первозданная тишина. Как будто ничего не случилось, как будто не карикатуру, а настоящий портрет повесили русские, и все радуются этому и почтительно взирают на своего фюрера. Полуэкт недоуменно взглянул на Лобатова.

— А ты как думал? Стрельни, и загремишь в концлагерь, если на месте не шлепнут.

— Согласовывают. К начальству побежали, — расплылся в улыбке Латыпов.

— В Берлин звонят: «Мой фюрер, русский Иван ваш портретик повесил, так снимать его, сбивать или еще как?» — прогудел Бербиц.

Через час с южной стороны без маскхалатов, не оказалось, видно, под рукой, поползли шестеро. Это днем-то, при ясном солнышке!

— Не стрелять! — крикнул Лобатов. — Пусть поползают в праздничек.

— Надо было мины поставить, маленькие, пехотные. Почему не подсказал Вашлаев? — подковырнул, приплясывая от холода и нетерпения, Тинибаев.

— И без них не снимут, — не сводя глаз с немцев, отмахнулся Вашлаев.

С остановками, медленно немцы ползли вперед и были уже метрах в ста от столба. Лобатов попросил пулеметчиков пугнуть их. Очередь только началась, а шестерка вскочила и, петляя, понеслась назад под улюлюканье и свист разведчиков. Через полчаса еще четверо показались. В маскхалатах. Эти сначала двигались короткими перебежками, затем деловито поползли. Шустряков пришлось отгонять по-настоящему. Одного убили или ранили, и снова наступила тишина.

В полдень гитлеровцы где-то в глубине улицы остановили противотанковую пушку. Первый снаряд продырявил Гитлеру щеку, второй — слизнул челочку. Появилась дыра на подбородке, слетела фуражка, но, видно, подрагивали руки у наводчика, отказывал глаз — не мог он попасть в столб или перекладыны, а от соприкосновения с тонкой простыней снаряды не рвались, и карикатура продолжала висеть, пока не была искромсана в клочья.

Номер не прошел. Систему огня фашисты не закрыли, даже частично. Но стрелять по Гитлеру им все-таки пришлось, и разведчики были довольны. Латыпов и Шиканов на радостях устроили борьбу. Тинибаев кружился в каком-то казахском танце, Андрейчук передразнивал его. Глядя на них, посмеивался Вашлаев, улыбался даже самый невозмутимый и тихий во взводе Селютин.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На четвертый день нового года Лобатова и Шарاپова неожиданно вызвал командир полка. Едва поздоровался, объявил:

— Обстановка сложилась так, что через три дня, не позднее, «язык» должен стоять во́т тут, — ткнул пальцем на дверь землянки. — Никакие трудности и чрезвычайные обстоятельства во внимание приниматься не будут. За пленными пойдут разведки всех полков, но пора его взять и нам. При выполнении задания, отличившихся представим к наградам, а тебе, Шарапov, при первой возможности сверх того обещаю отпуск на десять дней. При невыполнении — не взыщи.

Обратную дорогу ехали в кошеве бок о бок и молчали. Полуэкт успел прикинуть несколько вариантов поиска, выбрать наиболее выгодный и подумать о том, как хорошо бы съездить в отпуск, появиться дома в новеньком обмундировании, с погонами на плечах и наганом на боку. Замечавшись, спросил:

— Как вы думаете, товарищ старший лейтенант, Ермишев не обманет.

— Ты о чем? — не понял Лобатов.

— Отпуск даст, если притащим пленного?

Лобатов отстранился от него, чтобы рассмотреть получше.

— Дитя ты, дитя. Поманили игрушкой, и обрадовался. Какой отпуск, если со дня на день наступление начнется! К маме ему захотелось!

— Точно, товарищ старший лейтенант, я ее почти год не видел. А вам разве не хочется побывать дома?

— Мне отпуск не обещали, — отрезал Лобатов. — Я кто? Всего пэ-эк-ша-два, все время «околачиваюсь» в тылу, с артиллеристами, чтоб лучше вас прикрыли, договариваюсь, простыни шью, колесную мазь во-рую. — В голосе Лобатова звучала обида, но закончил он мирно, хотя и не без иронии: — Обмозговывай операцию со своими орлами и приходи.

Лобатов предлагал обсудить предстоящий поиск с разведчиками! Это было до того ново, что Полуэкт не нашелся, что и ответить.

А разведчики засиделись без дела и известие о новом и спешном задании восприняли с радостью. Выдвинутое для затравки предложение брать пленного на той стороне Волхова, в районе быков, отвергли категорически.

— На тропу надо идти. Мы уже думали.

Шарапov сидел веселый, светлые глаза его довольно шурились и поблескивали.

— Интересно у вас получается: я всего два часа назад узнал о задании, а вы уже все решить успели.

— Так ведь не отдыхать нас сюда послали, — отозвался Вашлаев, — когда-то и поработать надо.

— Ну что ж, давайте обсуждать конкретно, — предложил Полуэкт, убедившись, что разведчики пришли к той же мысли, что и он.

О тропе в Кириллов монастырь рассказали местные солдаты. Шла она почему-то не напрямик от вала восточной части города, где между ним и монасты-

рем было кратчайшее расстояние, а с южной стороны подходила к левому рукаву Волховца — Лешошине, какое-то время шла вдоль нее, потом пересекала речку и устремлялась к монастырю. Ходили по ней немцы два раза в сутки, в вечерние и утренние сумерки. Видимо, доставляли гарнизону пищу и боеприпасы. Подходы к тропе тоже казались удачными: от вала недалеко до Правошны, по ней пройти к Лешошине и там, где тропа ближе всего подходит к берегу, сделать засаду. Крюк придется большой делать, но зато под прикрытием берегов можно идти в рост. И мин на речках наверняка нет.

— А если тропа прикрыта спиралью и заминирована? — вспомнил Шарапов о первой неудаче под Зарельем.

— Так сейчас у нас все саперы, командир. Разминировем.

О деталях договорились быстро, а вот сколько народа брать, Шарапов решил не сразу. Встреча предстояла, скорее всего, с большой группой противника, но есть ли смысл уравнивать силы? Не лучше ли отобрать самых надежных? Меньше будет шума, потерь и всяких неожиданностей. Еще раз взвесив возможности каждого, объявил:

— На задание пойдут: Спасских, Бахтин, Бербиц, Тинибаев с Андрейчуком, Карянов с Калининым, Латыпов и Шиканов. Идем завтра. Готовым быть всем. Вопросы есть?

— А нас когда возьмете?

— Мы тоже хотим, — обиделись новенькие.

— Не беспокойтесь. Еще находитесь.

— Хотя бы фриц попался маленький да тошенький, чтобы тащить легко было, — пробасил из своего угла Бербиц и этим как-то смягчил возмущение «обойденных».

Утром разведчики, к удивлению местных солдат, высыпали из землянки в сапогах. Вырядились в них потому, что всю ночь топили печку и сушили валенки — в мокрых, как ни осторожничай, снег скрипит под ногами.

К четырем часам дня поисковая группа была готова. Встали кругом и тихо запели любимую песню волховчан:

...Вспомним о тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая врагу.
Пусть вместе с нами семья ленинградская
Рядом сидит у стола,
Вспомним, как русская сила солдатская
Немцев за Тихвин гнала.
Выпьем за тех, кто неделями долгими
В мерзлых лежал блиндажах,
Бился на Волхове, бился на Ладого —
Не отступал ни на шаг...
Вспомним и чокнемся кружками стоя мы —
В братстве друзей боевых,
Выпьем за мужество павших героями,
Выпьем за славу живых!

Хороша песня, будто специально для разведчиков написана. Перед поиском ее только и петь, когда жизнь свою наизнанку выворачиваешь, перебираешь по косточкам и гадаешь, вернешься невредимым, калекой или фриц тебе на тот свет подорожную выпишет. Разбередила душу песня почти до слез, и не удержались, повторили две последние строчки:

Выпьем за мужество павших героями,
Выпьем за славу живых!

Вышли из землянки, на вал поднялись, от него на Правошню двинулись. Берега ее оказались не такими высокими, как предполагали. Местами пришлось в три погибели сгибаться, кое-где и ползти. Из Лешошны, еще светло было, разглядели спины четырех немецких солдат. Они опередили группу. Полуэкт не выдержал и побежал и бежал до тех пор, пока его не схватил за руку Спасских:

— Не успеть!

Еще раз прикинул расстояние. Чуть-чуть бы пораньше выйти! Пришлось залечь и пропустить четверку в монастырь. Может, еще пойдут? Другие?

На тропу сползал Спасских и доложил:

— Метров пятьдесят до нее. За тропой на колыях телефонная связь. Удобное местечко.

Часа три пролежали в засаде — и новые не идут, и четверка не возвращается. До утра осталась в монастыре, а возможно, и до следующего вечера.

На обратном пути, чтобы выиграть время при следующем выходе, спрямили угол между Лешошной и Правошной, проторили между ними борозду и как-то не особенно расстроились, что вернулись пустыми. Настроения не испортил даже Лобатов, накинувшийся на Шарапова:

— Надо было дожидаться возвращения четверки, а то сходили на прогулочку.

— Вот утром и дождемся.

— Если они опять раньше вас не проскочат...

В землянке, остыв после стычки с Лобатовым, Полуэкт поделился с разведчиками мыслями, которые донимали его всю обратную дорогу:

— А что, ребята, на тропе «языка» взять можно. Если даже пошлют погоню, то она нас в Лешошине искать станет, а мы в это время уже в Правошне будем.

— Возьмем, командир, такого вариантника у нас еще не было, но бери-ка ты нас всех, чтобы в случае чего и от погони отбиться.

— Правильно! Пойдем всем взводом!

Ребята предлагали дело, и Шарапов с ними согласился.

Остаток ночи прошел в тихих разговорах, а под утро, когда настала пора собираться в дорогу, дремавший Вашлаев вдруг поднял вверх указательный палец:

— Лучше на вечер отложить, командир, чтобы впереди ночь была, а не светлое утро.

— Проснулся! И как всегда вовремя! — развел в крайней досаде руками Спасских.

— Я не спал. Я думал, как сделать лучше, а вы смотрите,— миролюбиво возразил Вашлаев.

— Стратег! — начал заводиться Спасских, но тут же и замолчал и продолжил с сожалением в голосе: — А ведь он прав, ребята.

Спасских недолюбливал Вашлаева, но был справедлив и объективен даже в гневе, а вот что скажет ПНШ-2?

Лобатов, узнав о новом решении, взвился по-настоящему:

— Вы же там наследили! Нельзя тянуть до вечера!

— Следы заметены. Не обнаружат.

— У тебя все легко получается, вот только дела не видно.

— Товарищ старший лейтенант! — повысил голос и Полуэкт, но Лобатов оборвал его.

— Тебе старшего лейтенанта мало, тебе надо с командиром полка поговорить. Я ему сейчас и доложу о твоих фокусах.

И доложил. С улыбкой протянул трубку:

— Ему все объясни, если ты такой грамотный.

Пришлось выслушать еще один разгон.

— Что молчишь? Я тебя слушаю,— раздался сердитый голос Ермишева.

— Товарищ пятый, задание будет выполнено. Откладываю его по сложившимся обстоятельствам. Больше по телефону ничего добавить не могу.

Ермишев долго молчал, потом жестко сказал:

— В случае срыва пеняй на себя. Миндальничать больше не буду.

— Приказал идти утром? — с надеждой спросил Лобатов.

— Нет, пойдем вечером,— подражая в тоне Ермишеву, ответил Шарапов.— Вы-то чего боитесь, товарищ старший лейтенант? Вся ноша теперь на мне, а с вас, как с гуся вода: «Не послушал, сделал по своему».

— Но-но-но, не зарывайся.

— Где уж мне. Разрешите идти?

— Иди, иди,— с угрозой в голосе разрешил Лобатов.

Плохо начинался этот день для Полуэкта. К ругани Лобатова он привык и сносил ее легко, осадок же от слов командира полка и особенно от его тона остался тяжелый. Не заходя к себе, поднялся на вал — еще раз прикинуть план операции, новую расстановку сил,— и не успел. Деньги к деньгам, беда к беде. В траншее вдруг появился незнакомый младший лейтенант, маленький, худощавый. Спросил неожиданно громким басовитым голосом:

— Где здесь разведчики располагаются?

— А тебе зачем? — учитывая возраст и равное звание, сразу перешел на «ты» Шарапов.

— Назначен командиром взвода.

— Вот как? Ну что ж, пойдем провожу к пэ-эн-ша-два.

Еле затолкал бинокль в футляр и пошел, придерживаясь рукой за стенки окопа, ненавидя и себя и своего преемника, который заявился на все готовень-

кое и вечером, конечно же, возьмет пленного. Обида копилась в сердце и толчками отдавалась в висках: «Лобатовское дельце! Позвонил Ермишеву и еще что-нибудь наядбедничал».

— А что случилось? — спросил младший лейтенант, заметив, что Шарапову не по себе.

Шарапов не ответил, дверь землянки ПНШ-2 рванул без стука, вошел в нее с польхающим лицом:

— Прибыл новый командир взвода. Знакомьтесь, товарищ старший лейтенант,— со злостью выговорил Лобатов. Увидел, как у того забегали глаза, как суетливо он заперевирал какие-то бумаги, опасно взглянул на телефон. Еле сдерживаясь, чтобы не сказать лишнего, спросил: — Разрешите идти?

— Погоди, Шарапов, надо объясниться.

— Зачем? Мне все ясно.

— Далеко не все. Товарищ младший лейтенант, посидите у меня. Мы скоро вернемся.— На улице предложил: — Вот на бревнышке и устроимся. Садись, Шарапов.

— Перед начальством привык стоять,— продолжал дерзить Полуэкт.

— Да не петушишься ты! Нашел время. Да, я просил дать еще одного офицера, но не на должность командира взвода, а дублером, помощником, если хочешь...

— Вместо Спасских? Так Олег же разведчик, а этот пока кот в мешке,— неприязнь к Лобатову невольно перешла и на прибывшего младшего лейтенанта.— Два офицера в одном взводе! Это что-то новое, товарищ старший лейтенант.

— Опять за свое,— повысил голос и Лобатов.— А нового-то как раз ничего и нет. Ты был стажером-наблюдателем? В стрелковых взводах были стажеры при командирах? Вот и его считай стажером. Ты не двуличный, а взводу скоро придется действовать на два фронта. Разве плохо, если вторую группу поведет офицер. И, если откровенно, все мы под богом ходим, Шарапов. Сегодня ты есть, а завтра тебя нет. Кого тогда прикажешь назначить командиром взвода?

В словах Лобатова была своя логика, но было и такое, что не укладывалось в сознании Полуэкта, и он решил выяснять все до конца:

— Кто поведет разведку?

— Ты, ты, а Смирнов возглавит группу прикрытия. Сразу и проверим, на что он способен.

— Вы могли об этом стажере раньше сказать? — еще не уступал Полуэкт.

— Мог, и надо было, но не хотел тебя волновать до разведки — Смирнова позднее должны были прислать. Удовлетворен?

— Не знаю, как его примут ребята. Мне они вон какую проверку устроили.

— А вот это во многом будет зависеть от тебя,— отрезал Лобатов.

— Хвалить должен? А за что? Я же его не знаю.

— Сейчас узнаешь. Остыл? Тогда пойдем побеседуем.

Новенький оказался вологодским паренком. До ранения служил в разведке, имел тогда звание стар-

шины. участвовал в четырех поисках, в одном из которых был взят пленный. За эту операцию награжден медалью «За отвагу», а офицерское звание получил после окончания курсов «Выстрел». Держался Смирнов независимо, чувствовалось, что парень с характером. Понравилось Шарапову и то, что известие о стажировке Смирнов принял без обиды, даже с некоторой радостью. И отошла, смягчилась готовая было озлобиться душа Полуэкта, на веселых ногах побежал подготовить ребят к встрече с новеньким, расположить к нему, дела кое-какие сделать и нос к носу столкнулся с Селютиным. Разведчик попросил не брать его на операцию.

— Почему, Селютин? — удивился Полуэкт. — Все рвутся, даже повар Забаров решил отличиться, а вы?

— Предчувствие имею плохое, товарищ младший лейтенант.

Шарапов взглянул на него внимательнее, вспомнил, что дня два уже Селютину не по себе, он все старался уединиться, непрерывно курил, представил, как нелегко было Селютину обратиться с такой просьбой, и сказал как можно мягче, чтобы не обидеть человека:

— Мне надо кого-то оставить у пулеметчиков. Вот вы с ними и побудете, пока ходим. Договорились?

— Спасибо, товарищ младший лейтенант, — повеселел разведчик, — а то давит меня и давит, как будто смерть свою чувствую.

— Ладно, чего там. Со всяким бывает. Вы не переживайте.

Известие о Смирнове разведчики встретили холодно, но когда узнали, что он «из своих», потеплели и спросили, посмеиваясь:

— Испытывать будем?

— Обязательно. Возглавит группу прикрытия.

— Так сразу?

— Он же разведчик.

— Но надо бы присмотреться.

— Вопрос решен.

— А как с Лобатовым?

— «Заложил» я себя и без пленного не вернусь.

Прихвачу сухарей, ночь пролежу, но возьму.

— Не переживай, командир, и мы прихватим. Надо будет, все останемся.

— Спасибо, ребята!

Вышли на этот раз пораньше. Знакомая дорога давалась легко, и в Левовшне оказались быстро. Но едва Шарапов выглянул из-под берега на поле, увидел — идут восемь человек и почти там же, где и вчера. Выдохнул:

— Группа нападения за мной! Прикрывающим не шуметь!

И снова бегом к месту засады. Только бы успеть, только бы не упустить! Сердце рвется и режет в груди, не хватает дыхания. Скорее! Скорее! Вот оно, место засады. Опередили!

Рядом задышливо падали в снег разведчики. Пока бежали, группы нападения и прикрытия перепутались и залегли не в том порядке, как намечали, но перестраиваться поздно. Сойдет.

Немцы приближались. Тропа все ближе подводила их к берегу. Метров на десять еще можно подпустить и — подавать команду. И тут не выдержал нервного напряжения, нажал на спусковой крючок повар Забаров. Ему дали тумака, но дело было сделано, пришлось пустить в ход автоматы, нападающим ринуться на немцев — положение мог спасти лишь стремительный бросок на сближение. Справа от Полуэкта, грудь в грудь, неслись Спасских, Бахтин, Бербиц, Андрейчук и... Смирнов. Он-то почему? Крикнуть, вернуть назад некогда, и сердцу не выдержать крика — и так бьется в груди молотом.

Фашисты лежат, как поленья. Крайний слева вскакивает, оглядывается, чтобы бежать, и меняет решение: хлесткая автоматная очередь от живота. Кровь заливает лицо, но Шарапов продолжает бежать. Бежит от него и немец, спотыкается, падает. На ходу автоматом по голове ему и дальше — к проводу. Связь не должна работать, и эта обязанность на нем. Выпластал кусок гупера, осмотрелся.

Двое фрицев убегают. По ним не стреляют, чтобы не вызвать ответный огонь. Правильно. Четверо, кажется, убиты, а один окружен, но не дается. Бербиц валит его мощным ударом. «Не убил бы, черт окаянный!» — вздрагивает Полуэкт, но немец кошкой вскидывается с земли, выхватывает гранату. Еще удар. Лежит. Его подхватывают и волокут к реке.

Хорошо сработали. Молодцы! И еще одного можно прихватить, которого он автоматом стукнул. Шарапов бежит к нему. Не двигается. Притворяется, гад! Проверил пульс, дыхание. Мертвый! Со страха, что ли, скончался? Он же его совсем легонько ударил. Забрал автомат, документы и бегом к реке. Там собрались уже все.

— Отходим, быстро! — командует Полуэкт, а Смирнову напоминает: — Ты возглавляешь прикрытие.

Бербиц взваливает пленного на плечи, как когда-то Бахтина, и бежит первым. Пропустив вперед группу нападения, отходит и Шарапов, на ходу бинтуя голову. Рядом пристраивается Карянов.

— Еле иду, — жалуется, — так пнул фрик чертов, что чуть ногу не сломал.

В землянке Шарапов увидел кровь по правому боку и рукаву Бербица.

— Тоже ранили? Сильно?

— От него вон, — кивнул Бербиц головой на пленного.

У Полуэкта подкосились ноги:

— Опять ранен? Куда?

— Сейчас посмотрим. В ногу, кажется.

Стянули с дрожавшего пленного белые, все в крови, бурки.

— Икра прострелена, командир, — поднял голову Бахтин и рассмеялся. — Мужественным разведчиком Забаровым.

— Посмотрите, нет ли еще ран?.. По-русски понимаешь? — спросил у пленного.

Тот промычал что-то невразумительное.

— Все остальное в порядке. Пахать на нем можно, — доложил Бахтин.

Шарапов облегченно вздохнул и, почувствовав головокружение, слабость, привалился к стене. Рана начала рвать и «токать».

Сестра прибежала, взглянула на него и рассмеялась:

— Кто это вас так укутал, товарищ младший лейтенант?

— На ходу бинтовался. Сначала его перевяжите, — указал на пленного.

— Вот еще! Подождет, — фыркнула сестра и, все еще посмеиваясь, начала разматывать бинт. Осмотрела рану и сдвинула брови. — Будь иной поворот головы, и не в ухо бы вышла, а в затылок. Повезло вам, товарищ младший лейтенант!

— Повезло?! Если так везти будет, то, пока до Берлина дойдем, без ушей останемся, — не согласился с ней Вашлаев.

Засмеялись. И шутка была удачной, и настроение подходящее.

— Его перевяжите, укол и все что надо сделайте, — снова попросил сестру Шарапов, боясь, чтобы не началось заражение и не умер их первый пленный.

Шумно в землянке и дружно. Все довольны, ни у кого никаких огорчений. Всем поговорить хочется, впечатлениями поделиться. Не заметили, как пулеметчик вбежал, услышали только его голос:

— С фрицем веселитесь? А вашего разведчика убило. Эх, вы!

— Когда? Где? Кого?..

Оказалось, Селютин. Пока были на нейтралке, немец бил по валу. Вспомнили, что и разрывы слышали, и свежие воронки видели — одну совсем недалеко от землянки, — да на радостях не обратили внимания. По той же причине и о Селютине забыли. Что ему сделается, если дома оставался?

Ринулись на вал, в траншею. Выбросило из нее Селютин взрывной волной и изрешетило так, что сразу и не узнаешь.

В тыл на одной подводе ехали четверо: Лобатов и пленный в штаб полка, Шарапов туда же, а потом в медсанбат, Селютин в свой последний путь на кладбище дивизии в деревне Мшага. Разведчики похоронят его завтра.

Полуэкт лежал рядом с Селютиним и ругал себя за его смерть. «Помог, называется, человеку. Оставил дома!» Понимал, что вины его в случившемся нет, но все равно было не по себе, как будто вина в чем-то и была. Откажи он в просьбе, и жив бы был Селютин, веселился бы теперь вместе со всеми. Смерть свою он чувствовал верно, а где было от нее спасение, не отгадал.

— Как Смирнов? — прервал тяжкие размышления Полуэкта Лобатов.

— Все в порядке.

— Вот видишь, прав я был, прав, — обрадовался Лобатов. — Человек и в деле побывал, и себя показал. Легче ему с твоими орлами управляться будет.

— Да, все так, — согласился Шарапов и не стал

рассказывать о том, как Смирнов, забыв о своих обязанностях, ринулся на немцев с группой нападения. — Все хорошо получилось, — подтвердил он, прислушиваясь ко все усиливающейся боли.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1.

«Счастливая рана» Шарапова оказалась серьезней, чем думала сестра. Пуля отбила осколок кости и его пришлось вытаскивать, потом — загноение, и отлеживался он уже не в медсанбате, а в госпитале. Здесь узнал о начавшемся четырнадцатого января наступлении Ленинградского и Волховского фронтов, об освобождении Новгорода и о снятии блокады Ленинграда. Радостная весть пришла и от разведчиков: ему присвоили звание лейтенанта и наградили орденом Красной Звезды.

Целый месяц провел Шарапов в госпитале, а когда выписался, вышел на крыльцо и вдохнул полной грудью чистый морозный воздух, то захлебнулся им — такой он был густой и свежий, не пах ни карболкой, ни кровью, ни гнойными бинтами. Пожмурился от удовольствия, радостного чувства свободы и поспешил на дорогу.

Машин в Новгород шло много, и через пять минут Полуэкт лежал на горе новеньких полушубков, крепко увязанных поверху толстой веревкой. После своротка на Новоселицы прямая, как стрела, дорога понеслась к городу. Слева остались дома деревни Мшага, еще несколько километров, и машина выскочила на простор. Вдали замаячили маковки церквей и соборов.

Шарапов невольно вцепился в веревку, напрягся, чтобы в любую минуту прыгнуть за борт. Он знал, что в городе и далеко за ним давно нет немецких батарей, но не мог переубедить себя в этом и все ждал орудийного выстрела, свистящего полета тяжелого снаряда, который разобьет грузовик вдребезги.

Миновали Малый Волховец, слева остались развалины Кириллова монастыря. Машина въезжала в город. Месяц назад Шарапов часами разглядывал его в бинокль, запомнил многие разрушения и привык к ним, но то, что увидел теперь, потрясло: города не было совсем, он просматривался от края до края.

Со стесненным сердцем и горечью в душе пошел посмотреть кремль. Увидел то же, что и всюду: взорванные и покалеченные дома, башни и крепостные стены, в здании театра глыбы навоза и остатки сена — у немцев была тут конюшня; ободранные, раннее золотые купола знаменитой на весь мир Софии. Напротив нее, в снегу, чернел разобранный на части и приготовленный к отправке в Германию памятник Тысячелетию России. Сфотографировать бы все это и показать снимки ребятам, чтобы дрались еще яростнее и беспощаднее!

Добраться до места на попутке не удалось. Километров десять, сказал шофер, придется протопать. На машине, может, и десять, а на своих двоих все пят-

надцать будет, прикинул Шарапов и не ошибся. В госпитале он все время занимался гимнастикой, если прибывали раненые, охотно помогал разносить их по палатам и в операционную, давно считал себя вполне здоровым, но так только казалось. Непривычная усталость разливалась по телу, пришлось пересиливать себя, чтобы не присесть где-нибудь.

Ясный февральский день начинал блекнуть, когда вдали, за белым косогором, показались крыши большой деревни, может, Малиновки, в районе которой должна находиться дивизия. Пошел быстрее, и все мысли были уже в полку, уже видел и слышал своих разведчиков, пытался представить встречу с ними и не мог, даже начал беспокоиться, что произойдет она совсем не так, как думалось. Он месяц бездельничал, потому и соскучился, а они при деле были и все вместе, поди, и не обрадуются его возвращению? И наступление, новую передовую не мог создать в воображении. В долговременной обороне все было ясно и привычно, а теперь двинулись армии.

Нетерпение гнало Шарапова вперед, но ноги спотыкались все чаще, и он то и дело оглядывался, не едет ли кто, не подкинет ли до деревни, где, пожалуй, и заночевать придется. Уже недалеко до нее было, когда позади раздался скрип полозьев. Черная лошадка бежала резво, в кошеве сидели двое. Вгляделся и узнал знакомого командира пулеметной роты.

С ним ехала какая-то девушка, санинструктор, наверно. Капитан придержал лошадь:

— Садись, лейтенант, подбросим.

А он заметил, как девушка отстранилась от капитана, догадался, что будет лишним, и вместо того, чтобы завалиться в сани, отказался:

— Езжайте. Мне спешить некуда.

Капитан пожал плечами, но уговаривать не стал, поторопился даже хлестнуть лошадку. Полуэкт поплелся следом, на чем свет стоит ругая себя: «Оболда оболдуев! Дурень стоеросовый! Не помешал бы, если до деревни довели, а и помешал, так беда небольшая». Шел, понуря голову и от усталости, и от своей оплошности: не поехал, ладно, так не спросил даже, Малиновка впереди или какая-то другая деревня.

Правее, над лесом, шла стая «юнкеров». Полуэкт равнодушно присмотрелся к ней и ствернулся, но скоро пришлось остановиться — самолеты входили в боевой разворот, послышались взрывы, пулеметные очереди, в разных концах деревни поднялись в небо огненные языки.

Деревня оказалась не Малиновкой, и военных в ней не было. У горящих домов стояли женщины и ребяташки и скорбно смотрели, как огонь пожирает деревянные жилища. С другого конца улицы неслись причитания и крики. Капитана и его повозки не

видно. «Успели проскочить»,— поразился Полуэкт и пошел дальше, решив не ночевать в этой деревне. В конце ее на всякий случай спросил согбенную, всю в черном, старушку с палкой в руке, не видела ли она кошевы с военными?

— Как это не видела? — удивилась та. — Они у нашего дома в проулок сиганули. Там их и убило. Мужик-то в годах, а девка совсем молоденькая.

У разведчиков были в ходу две поговорки: «Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь». И — «Что хуже, то, может быть, и лучше». Верно ведь, черт возьми! Еще как верно!

2.

В поздние сумерки на какой-то пробитой войной дороге Шарапов встретил старшину первой минометной роты Рыбакова. Было Рыбакову за сорок, в плечал он узок, сутуловат, лицо худощавое, нос же задиристый и широкий, весь в черных точечках, как весенний снег. Минометчики звали его Гаврюшей и Рыбаком и уважали за то, что в любую погоду и в любых условиях они без мин не останутся, термоса со щами и кашей старшина тоже доставит вовремя.

Рыбаков был при лошади и в коробе саней вез какое-то барахло.

— Здравия желаю, товарищ лейтенант! — поприветствовал простуженным голосом, покосился на старенький бушлат Шарапова. — «Раздели» вас в госпитале-то?

— Раздели и вот одели. Шинели даже не нашлось, — покраснел за чужую вину Полуэкт.

— Жулья там немало развелось, — согласился старшина. — Хотите телогреечку? Почти новая, и вам в ней сподручнее.

— Давай, если не жалко. До штаба далеко?

— Километра три. Только в обратную сторону, — усмехнулся Рыбаков. — А передовая рядом. Вчера ночью ваши туда проходили. Может, все еще там лаят. Если в штаб, то нам по пути.

Шарапов заколебался: воз у старшины тяжелый, идти придется, передовая ближе, и ребята там.

— Масккостюм и что-нибудь скорострельное найдется?

— Найдем, найдем, — проговорил старшина, ныряя головой в короб. — Вот автоматик, вот халатик и пара «лимонок» на закуску. Вы по этой дороге идите, потом влево тропка пойдет, а там у солдат спросите, где ваши.

Телогрейка пришлась впору, масккостюм — тоже, а когда Полуэкт почувствовал на шее привычную тяжесть автомата, и совсем повеселел.

— Откуда добра столько? — спросил у старшины.

— Дык валяется. Вперед мины вожу, а обратно, что попадет, а то засыплет снегом и пропадет. Уперлись тут немцы, и сбить пока не можем.

Полуэкт распрощался со щедрым старшиной, прошел немного и услышал, как впереди «максим» чижика-пыжика завел, и так хорошо, что хоть пляши, хоть подпевай.

У станка оказались двое чем-то похожих друг на друга молодых солдат. Один назвался Колькой Баламутом. Второй улыбнулся на это:

— Шутит он, товарищ лейтенант. Багмут у него фамилия, а Баламутом в роте прозвали. А вы кто будете?.. О, так мы ваших знаем. Казах Тинибаев, кажется, и Андрейчук ваши? Были у нас. Стреляют ничего, но до Кольки им далеко.

— Ну уж, — ревниво отозвался Шарапов.

— Они днем приходили. Тоже моей стрельбой заинтересовались, — вступил в разговор Багмут. — Говорили, сколько мне патронов выпустить. Я стрелял. Потом они. Ничего, получалось. А вот в сочетаниях три-пять-два-семь-четыре и так далее — не потянули, меня победителем признали.

— Даже так можно? Ну-ка покажи, — не поверил Полуэкт.

Багмут мгновенно сменил обычные патроны на трассирующие.

— Как стрелять?

— Два-четыре-один-три-два, — назвал Полуэкт небольшие цифры, чтобы считать было легче, а стрелять труднее.

Багмут задрал ствол пулемета в небо и сыпанул желтыми светлячками точно по заказу. Увидев восхищение на лице лейтенанта, расплылся в улыбке:

— Хотите, «Барыню»?

Безошибочно отбил ее, потом «Барабанщика» и в заключение сыпанул такую очередь, которая могла скосить на своем пути все живое.

— Молодец! Ну и молодец! — не удержался от похвалы Шарапов. — Не знал, что на пулемете можно выделывать такие штучки. Вам бы позицию почаще менять. Пусть фрицы думают, что здесь несколько «максимов».

— Не получится. Они мой почерк знают.

— Жаль. Оборона у вас тут не очень.

— Зато поле чистое и до немцев с километр. Пока дойдут, я их в поленицы уложу.

— Это днем. А ночью?

— Пробовали и утерлись. Нас тут и поставили для прикрытия левого фланга.

— Немцы мстительны. Будьте осторожнее, — сказал Полуэкт и покачнулся, очутившись в чьих-то медвежьих лапах. Вырвался. Увидел сияющее, все в угрях лицо Скубы.

— Товарищ лейтенант, вы как здесь оказались? Я бачу — знакомый кто-то, — повернулся к Багмуту: — А ты что лупишь, як скаженный? Мы думали, чепэ у вас.

— Тоже мне разведчики! Было бы чепэ, он бы другому разговаривал, — ласково кивнул Багмут на «максима».

Снова кто-то обхватил Шарапова сзади, оторвал от земли и закружил, обдавая смешливым и жарким дыханием.

Андрейчук! Его сибирская хватка!

— Потощал, командир, на госпитальных харчах. Легонький стал, — смеялся Андрейчук, ставя Полуэкта на землю.

А ему тепло и счастливо стало от объятий ребят. Хотел сказать что-нибудь хорошее, да Скуба перебил:

— Откормим. Только что вспоминали, а он и легок на помине.

— Как взвод, Костя? Потери большие?

— Пока все живы, но и царапинки почти у всех.

— Смирнов как?

— Хороший парень. Старается.

— А что делаете на передовой?

— Да на задании.

Во взводе никогда не говорили «идем в разведку». Всегда: «на задание», «на работу». Но теперь это «на задании» неприятно кольнуло. Шарапов уже дома себя почувствовал, прикидывал, как бы забрать к себе понравившихся пулеметчиков, и вдруг, как от чужого, отмахнулся от него Скуба. Мог бы и сказать, на какое задание прибыли на передовую. И о другом подумал Шарапов: как к его приходу отнесется Смирнов? Вряд ли ему будет приятно возвращаться на роль стажера.

— Идем, командир. Нам пора,— позвал Скуба.— А ты,— повернулся к Багмуту,— в случае чего чижика сыграй, чтобы мы зря к тебе не бегали.

— Пошли, командир. Устроим ребятам праздник,— обнял Шарапова за плечи Андрейчук.

И второй раз за этот день Полуэкт сказал и поступил не так, как хотел и думал:

— Я на должность еще не назначен, а вы «на задании». Вот завтра схожу в штаб, тогда и к вам приду.

— При чем тут штаб? Все равно к нам назначат, не в пехоту же,— возмутился Андрейчук.

— Устал я, ребята, мне бы куда-нибудь кувырнуться поскорее.

— Да где вы тут ночевать будете?

— У пулеметчиков и пересплю.

— Правильно,— обрадовался Багмут,— у нас рядом отличная землянка есть. Ребята покажут.

Обиженные разведчики проводили Полуэкта до места и по пути оттаяли, сообразив, что и правда устал командир, отдохнуть ему надо, а к ним попадет, так разговоров до утра не оберешься. Часового предупредили:

— Ты лейтенанта зря не буди. Дай ему выспаться как следует.

Простились хорошо, как будто и не было никакой размолвки.

У часового была странная фамилия — Змий, он тоже обрадовался новому человеку и говорил без умолку.

— Может быть, Змей? — переспросил Полуэкт.

— Нет, Змий. Я украинец,— привычно пояснил сержант.

— Ну Змий так Змий. Сторожи как следует, чтобы меня немцы не утащили,— пошутил Шарапов и пошел спать.

«Отличная» землянка оказалась наспех вырытой ямой, покрытой в один накат тоненькими жердями, кое-как присыпанными сверху землей и снегом. Сле-

ва от входа, завешанного плащ-палаткой, был оставлен земляной выступ, для мягкости застланный ветками лозняка. У самой двери, уткнувшись лицом в стену, спал сменщик Змий. Посередине, воткнутый одним концом в стену, коптил телефонный провод.

— Сторишь тут,— вслух сказал Полуэкт и загадил его. Потом, рассмеявшись, спросил у темноты: — А кофе будет?

В госпитале на третий день наступления рядом с ним положили старого солдата. Чтобы как-то завязать с ним разговор, спросил, откуда тот родом. Раненый не ответил. Полуэкт подумал, что он к тому же контужен, и несколько дней они провели в обоюдном молчании. Но однажды, после обеда, сосед вдруг заговорил: «А кофе будет?» В палате засмеялись: «Будет, со свежими сливками».

Старый солдат к всеобщему удивлению оказался немцем. Он был ранен днем, до ночи скрывался в лесу, потом вышел на дорогу, проголосовал и оказался на госпитальной койке. «Так ты же был в немецкой форме!» — не поверили ему. «Сказал, что из разведки». — «Угу, а документы у тебя, конечно, не догадались проверить?» — «Разведчики ходят без документов или, как это — с фальшивками», — резонно возразил немец. Он хорошо говорил по-русски. «Рана у тебя не ахти какая, мог бы и к своим утопать». — «Зачем? В плену лучше. Жизнь. Жизнь. Я и в ту войну был, знаю...»

— А где простыни, одеяло, подушка? — вновь спросил Шарапов голосом того старого немца, рассмеялся, потом забрался на нары в дальний от двери угол, скинул автомат, блаженно вытянулся и мгновенно заснул.

Он слышал чижика, всполошенные очереди «максима», артиллерийскую стрельбу, но принял это за обычный сон. Проснулся оттого, что кто-то стягивал его с нар. «Уже утро,— удивился Полуэкт,— и этот чертов Скуба не может разбудить по-человечески!»

Направленный в глаза луч сильного электрического фонарика заставил зажмуриться и потянуться к автомату. Его не оказалось, и до еще скованного сном, не проснувшегося окончательно Шарапова дошло, что не приснилась ему стрельба, и не Скуба его будит, а немцы!

Они были мастера своего дела. Завернули руки назад и повели из землянки. Луч света выхватил из темноты скрюченную фигурку солдата. Его лицо и шинель были в крови. Убили! А Змий, Багмута, его напарника? Тоже! Потому и молчит «максим», потому и ворвались в землянку.

Из траншеи передали из рук в руки и погрузили спиной к спине на немца ростом с Бербица. Второй, поменьше, поддерживал сзади ноги. Еще двое бежали чуть сзади. За ними поднялась и стала отходить группа прикрытия.

«Командира взвода разведки выкрали немцы! Завтра об этом узнает весь полк! Стыд-то какой, позор!» Шарапов представил искаженное гневом лицо Ермишева, вздернутые вверх тонкие брови Лобатова, виноватые лица ребят, которые не могут ответить на

без конца задаваемые им вопросы: «Почему Шарапов оказался на передовой, не зайдя в штаб полка? Почему не пошел с Андрейчуком и Скубой, а остался у незнакомых пулеметчиков? Раньше вы ничего подозрительного за ним не замечали?» Вторая мысль была еще тяжелее: «В левом кармане гимнастерки карточка кандидата в члены ВКП(б), офицерская и вещевая книжки. В них данные и о нем, и о полке, и о дивизии!» Одежда задрана вверх. Незаметно дотянулся подбородком до кармана и облегченно вздохнул — документы на месте!

Скрипит снег под ногами немцев. Качается над головой звездное небо. Закричать, позвать на помощь? Нельзя. Засунут кляп или пристукнут. Лучше притвориться покорным, а там видно будет. Багмут говорил, что нейтральная полоса около километра. Время есть...

Каждый фронтовик задумывается над тем, как быть, если по каким-либо независящим от него обстоятельствам окажется пленным. Разведчик — тем более. Шарапов решал этот вопрос просто: будет возможность, пустит пулю в лоб, возьмут раненым, выберет момент, бросится, ударит, вцепится зубами в первого подвернувшегося, чтобы пристрелили. В этот вариант придется вносить поправку — если исчезать с лика земли, то вместе с документами. Немецкие разведчики поспешили, не обыскали, и гранаты остались в карманах. Нужна секунда, руки все равно когда-нибудь освободят, рванет гранату у сердца и уничтожит документы.

Это крайний выход. Должны быть и другие. Страх не пробрал в душу Полуэкта, не парализовал волю. Голова работала ясно, по привычке анализируя создавшуюся ситуацию. Дать заднему ногой, а «носильщика» перебросить через себя? Не получится! Руки намертво прижаты к бокам и вес немца в его пользу. Ударить переднего головой? Свой затылок расколешь, а ему что сделается?

Луна поднялась над землей. Светит ярко. Кренится, подрагивает над головой небо — устал «носильщик». И задний все время спотыкается. Скоро должны меняться. Тогда сначала надо притвориться беспомощным, потом вырваться, отпрыгнуть в сторону, схватить гранату и упасть на нее, чтобы не отобрали... Идиот! Граната для немцев полная неожиданность. Если испугаются — должны испугаться! — побегут или залагут, он станет хозяином положения. Вот это уже дело! А то упасть, подорвать себя...

Треск ППШ прорезал морозный воздух, звонким эхом пронесся над тихой землей. Засвистели на все лады, запели над головой пули. Ребята! Видят, если ведут прицельный огонь! И не от страха, а от дикой радости забилося сердце. Один из бежавших следом немцев по-звериному рыкнул и ткнулся головой в снег. Второй склонился над ним и потащил. Они стали отставать.

Автоматные очереди приближались. Шарапов догадался, что ребята нашли в землянке его шапку, организовали погоню и выручат его, живого или мертвого.

Артиллерийские разрывы плотной стеной встали на пути немецких разведчиков. Они кинулись назад, потом побежали влево. Куда-то пропала группа прикрытия. Всего двое с ним осталось. Обстановка резко изменилась. Смена «носильщиков» отпала. «Надо начинать, пока снова не сбежались, — решил Полуэкт. — Первого бью головой, заднего ногой, а там посмотрим, что получится!»

Ослепительно-яркая вспышка внизу, грохот. Взрывная волна подбрасывает немца вместе с Шараповым. Мрак и тишина, словно в могиле. Соленый привкус крови во рту. Руки свободны! Начинает прорезываться звездное небо, глухо доносятся разрывы снарядов. Контузило! Приподнялся: не снаряд рванул, оказывается, а задний немец наступил на мину. Шарапов выхватил гранату. Рядом голос: «Иван, сдаюсь! Сдаюсь!»

Занесенная для удара рука повисает в воздухе — немец лежит на боку, он ранен. А где «носильщик»? Не видно. Сбежал!

Шарапов вырывает у раненого автомат. Под его стволом немец ползет обратно.

— Цурюк! Шнель! Шнель! — подгоняет его Шарапов.

— Я быстро, быстро, — отвечает немец на русском.

— Цурюк! — приказывает Шарапов, а сам бросается в снег, кричит: — Ребята, не стреляйте! — Бойтесь, что автоматные пули сразят его, чудом спасшегося и неизвестно каким образом уцелевшего.

Автоматы смолкают. Слышны голоса. Шаги. Или ему кажется? Да нет, он слышит, слышит, а подниматься и идти навстречу сил нет. К нему бежит Скуба.

— Ранен, командир?

— Живой!

— Он еще и с пленным! — оборачивается Скуба к Андрейчуку.

Тот снимает шапку и надевает на Полуэкта:

— Уши не поморозил? Холод сегодня наш, сибирский. А я слышу, ползет кто-то. Думаю, не немцы же, и тут твой голос, — не упускает возможности похвастаться острым слухом Андрейчук, но Скуба обрывает его:

— Тихо ты. Больше никого не утаскивали? — спрашивает Полуэкта.

— Нет.

Полуэкт вспоминает о своих гранатах, про то, как хотел распорядиться ими, и приказывает обыскать пленного. Андрейчук отбирает у немца гранату, вынимает из ножен кинжал, спрашивает:

— Сам сдался?

— Так куда ему было деться?

— А гранату приберег, гад!

— Я его сразу развернул и под автоматом держал. В землянке Андрейчук осматривает раны пленного и ворчит:

— Вся стопа разворочена и выше колена рана большая. Придется жгут накладывать. Снарядом, что ли?

— На mine.

— На своей, значит. Так и надо.

Андрейчук перевязывает раны и между делом успевает допросить пленного. Немецкая разведка хотела захватить пулеметчика, но он заметил ее и открыл огонь. Немцы резанули из автоматов и убили обоих пулеметчиков. При этом были ранены и отправлены в тыл трое немцев. В поисках другого «языка» пошли по траншее. Часовой у землянки встретил гранатами. Убил двоих и одного ранил.

Во время допроса пришли Спасских и Тинибаев. Спасских слушал внимательно и все время беспокойно поглядывал на телефон. Его мужественное красивое лицо было озабоченным. Он что-то решал для себя, а решив, тихо заговорил:

— Лейтенант, скоро восстановят связь. Станут спрашивать, как и что? Кто будет докладывать? Я думаю, лучше мне.

— И что же ты доложишь?

— Была вражеская разведка с целью захвата пленного. Отбили. Двое фашистов убиты, четверо ранены...

— И все? — прищурился Полуэкт.

— Не докладывать же, что пытались утащить вас! Начнутся допросы, расспросы, а нам надо дело делать.

— Правильно, пусть Олег докладывает,— поддер-

жал Скуба.— Вы же сами говорили, что в должность не вступили, поэтому вас здесь нет и вообще...

— А пленный?

— Хорошо, что успели его допросить.

— Его еще не раз будут допрашивать.

— Он умер. Проверьте пульс,— невозмутимо ответил Спасских, поднялся, передернул плечами.— Всем слушать меня: командиру — снять халат и ликвидировать на лице копоть! Скубе и Андрейчуку — продолжать наблюдение, Тинибаеву связаться с Бербицем. Кровь из носа, а к утру водка должна быть! Отпразднуем возвращение командира, его спасение, «звездочку» и наши медали. И помните: разведка не только глаза и уши, но и умение держать язык за зубами. А документы, командир? — запоздало вспомнил, будто споткнулся Спасских.

— При мне,— уже рукой нащупал тугой карман Шарпов.

— Не взяли? Вот шляпы!

— Нашумели много. Некогда было.

— Тогда порядок. И по местам!

Разведчики с готовностью поднялись выполнять распоряжения помощника командира взвода. Встал и Полуэкт, протянул руку Спасских.

— Спасибо, Олег! Спасибо, ребята! Я, честно сказать, кое о чем не подумал, а теперь вот колени задрожали,— рассмеялся.

— На вас всегда страх позднее находит. Почему так, не понимаю,—развел руками тощий Тинибаев.

— Молодец, земля, в яблочко попал,—хлопнул его по спине Скуба.—Идем «уголек рубать».

Полуэкт скинул грязный маскостюм, телогрейку и пошел умываться. Над головой все еще было распахнутое настезь небо, но оно начинало бледнеть, готовясь уступить место серому утру. Шарапов засмотрелся на опрокинутый ковш Большой Медведицы, вспомнил, как качалась она, когда его тащили немцы, вспомнил Багмута и его виртуозные очереди, его напарника, словоохотливого Змия, и звезды расплылись, затуманились.

Он поспешил нагнуться за пригоршней свежего снега.

3.

Несколько дней прошло после возвращения Шаропова из госпиталя, не успел он привыкнуть к условиям временной обороны, снова новичком себя чувствовал, как получил приказ — «срочно пленного». Срочно — значит этой же ночью, без подготовки, без наблюдения. Вернулся во взвод расстроенным, а ребята, выслушав его, поулыбались.

— Какая подготовка, какое наблюдение, лейтенант? Здесь не через Волхов плыть, не от Кириллова монастыря брать. Пойдем на запад и где-нибудь найдем, но предупреждаем: орденов и медалей за «языков» уже не дают, кончилось время.

Разведчики были в благодушном настроении, смеялись, подначивали его и, казалось, совсем не думали о ночном поиске. Раньше всегда переживали, а нынче будто на прогулочку собирались. Или он что-то не понимает, или у ребят от успехов голова закружилась — на непрочной обороне немцы еще бдительнее должны быть. До сумерек, однако, снарядились, прыгнули, не бряцает ли что, и пошли к реке Мшаге, где у Спасских оказалось «в заначке» хорошее местечко. Здесь под берегом, ютясь в снежных норах, стояло заслоном отделение второго батальона. Грязные, в прожженных шинелях, заросшие щетиной старички-поскребыши из тыловых служб полка так обрадовались разведчикам, словно те им письма из дома доставили.

— Сменять нас прибыли, да?

— Нет, папаша, пленного брать.

— Тоже хорошо. Мы хоть на живых людей посмотрим. Стоим тут, как на необитаемом острове. По стрельбе знаем, что и справа наши есть, и слева, а кто и где, сам черт не разберет... Не найдется ли у вас закурить, ребятки?

— Началось! Нет ли у вас бумажки закурить вашего табачку, так как у нас нет спичек,—пробурчал Бербиц, но папаша его «не услышала».

— Третий день без махорки и на одних сухарях сидим,—с наслаждением задымили, закашлялись натурно и дальше свою линию повели: — Поди, у вас и фронтовые имеются? Нам по сто не надо, нам бы

и по половиночке хватило бы для сугреву души и тела.

При этих словах Бербиц поднялся и, заинтересовавшись чем-то, пошел «наблюдать за противником».

— Бербиц! — окликнул его Шарапов.

— Что Бербиц, Бербиц? Если мы всех поить будем, так нам в святые надо записываться,—не сразу отозвался добытчик и хранитель водочного запаса взвода.

— Бер-биц! — построжел голос Шарапова и сразу смягчился: — Ты же старшиной на складе был, ты все можешь, и запасец у тебя имеется.

— Запас карман не дерет. А если ранят кого и тоже «для сугреву» потребуется?

— Что-то много разговариваешь, Миша. Вот оставляю тебя комендантом этой «крепости», тогда по-другому запоешь.

— Я о себе забочусь, да? — еще сопротивлялся скупой Бербиц, но руки стали развязывать затянутый морским узлом мешок, и тот наконец распахнулся. — Пожалуйста, пожалуйста. Если всем до Проньки, то и мне тоже.

Нахохлившиеся солдаты оживились, вождельно завздохали, а когда увидели, что своенравный старшина стал вдруг щедрым и наливает по полной мерке, совсем повеселели.

— Пейте, пейте, солдатки — brave ребятаки, не думайте, что Миша Бербиц скупой рыцарь, что ему больше всех надо,—приговаривал Бербиц, наполняя очередную мерку и с ехидцей поглядывая на Шаропова.— У нас лейтенант рубашку последнюю отдал, он всех обнять готов. Кому мало, еще добавлю.

Тут уж разведчики встревожились — раздаст все, чтобы досадить командиру. И солдаты — тоже.

— Вам-то останется?

— А нам не надо. У нас «до» — сухой закон, а потом... если доживем, то посмотрим.

Выпили солдаты, закусили хлебом с салом, которого давно в глаза не видели, согрелись и рассказали, что против них, на той стороне излучины, немцев немного, тоже не больше отделения. Постреливают редко, и они не усердствуют во избежание потерь. Подобраться к фрицам можно берегом, если идти в обход и нападать с тыла, можно и напрямую. До них близко. Гранату, конечно, не докинешь, но каждый звук слышать.

Еще побеседовали, и на той стороне котелки забрякали. Решение созрело немедленно. Вася Бахтин предложил:

— Рванем напрямую, а? Пока не поужинали.

Рванули, на ходу побросали гранаты, нагрянули на немцев так неожиданно, что те кинулись наутек. Один только, раненный в ногу, убежать не смог. На плащ-палатку его, и быстренько в полк.

Видя такую легкую победу, солдаты прибежали, немецкие термоса с горячей пищей в свои норы поволокли, одеяла из землянок, гранаты немецкие с деревянными ручками, даже часы настенные.

— Зачем таскаете? — пытался остановить их Шарапов.— Занимайте землянки и оставайтесь здесь.

— Да, вы уйдете, он нас и выкурит. Мы уж лучше дома побудем.

И то верно: немцы привыкли к тихим солдатам, не ожидали от них активных действий и прозевали разведчиков, а когда разберутся, то могут и накостылять. Разведчики между тем обследовали берег. Землянки, неглубокие окопы, никаких минных полей и никакой проволоки. Невдалеке пушка подбитая. Латыпов сразу к ней. Прицела нет, поворотный механизм не работает, но если развернуть, стрелять можно.

— Старшина Бербиц, на выход! Требуется пять лошадиных сил,— скомандовал Бахтин.

— Есть, товарищ командир отделения,— козырнул Бербиц, схватил Бахтина за шиворот и потащил к пушке, приговаривая: — Не брыкайся, Вася, наводчиком будешь, а Латыпов начальником артиллерии. Приказывает командир крепости Бербиц.

Снова прибежали солдаты, смеются, помогают развернуть пушку на немцев.

— Ты, Вася, в ствол гляди. Как увидишь бугор, останавливай. Через ствол наводка самая точная,— советует Латыпов.

Гомонят разведчики, радуются. Из многих видов оружия настрелялись, а пушка в руках впервые, ждут не дождутся, когда фрицы контратаковать начнут. Они уже, кажется, собираются. Слышно, как кто-то команды подает.

Вылезли из-за бугра, в цепь развернулись. Пошли!

— Наводчику Бахтину, орудие на-водить! — кричит во все горло «начальник артиллерии» Гриха Латыпов.

— Товсь,— отвечает Бахтин.

— По своей земле, но по фашистам, огонь!

И пушка выстрелила, оглушила, ослепила мгновенной вспышкой. И снаряд из нее вылетел, блеснул впереди редкой цепочки противника красным пламенем, взметнул к небу комья земли и снежную пыль.

— Выше, Вася, бери. Огонь! — снова командует Латыпов.

Но что-то заело у Бахтина, и пока копался, вгоянял новый снаряд, фрицы за бугор попрятались.

— Еще полезут, стреляйте, а мы из автоматов врежем, чтобы туда-сюда не бегали,— приказал Шарпов.

Еще раз ахнула пушка, автоматные очереди положили немцев на землю и те уже не убегали, а отползали под прикрытие бугра. Больше не показывались.

— Вы не уходите, побудьте с нами до утра. Выспитесь хорошо, а мы вас покараулим,— просят солдаты.

До полка идти далеко и добрая землянка там разведчиков не ждала, а здесь целых три и все теплые. Почему бы и не поспать? Задание выполнено, имеют они право один раз в жизни выспаться по-настоящему? Остались. Часового на всякий случай своего поставили, печки подтопили и со спокойной совестью зашвистели простуженными носами.

А Шарпову не спалось. Все казалось, что немцы,

получив подкрепление, могут вернуться и тоже напасть неожиданно. Выходил наружу, слушал ночь, проверял часовых и удивлялся беспечности храпевших ребят.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1.

Еще под Шимском ходили упорные слухи, что дивизию отведут на переформировку, однако свежие части прибыли, а ее в тылу не оставили, стали пополнять на ходу. Около месяца разведчики вели полк по следам отступающего противника, то и дело ввязываясь в стычки с вражескими заслонами, группами диверсантов и отдельными разрозненными частями. Остались позади города Сольцы, Дно, Порхов. И всюду на дорогах, в лесах, в городах и деревнях — мины. Ни в один дом не зайдешь без проверки. Веревку за ручку двери, сами за угол соседнего дома. Распахнется дверь без взрыва, можно и порог миновать.

На днях увидели опрокинутую взрывом машину. Ящики, галеты, буханки хлеба и даже бутылки вокруг нее. Между разбросанным добром следы сапог, будто кто ходил от кучки к кучке, не то отыскивая что-то, не то пряча. Следы и насторожили. Даже Бербиц не захотел поинтересоваться содержанием бутылки. Прошли вперед несколько сот метров, и позади прогремел взрыв — какой-то солдат решил заpastись на дорогу пачкой галет.

Чуть раньше на краю гибели были и разведчики. В небольшой, покинутой жителями деревушке проникли в дом через выбитое окно, чтобы не возиться с веревкой. Послушали — часового механизма не слышно, — проверили подозрительные места миноискателем, завесили окно и спокойно улеглись на полу, кроватях и на теплой еще печке. Засыпать начали, и вдруг котенок замыкал. При приближении фронта жители часто уходили в леса и возвращались, когда бои откатывались на запад. Наверное, так поступили и хозяева, а котенка, чтобы не замерз, в русскую печь за заслонку упрятали.

— Если до нашего ухода не явятся, заберу его с собой и буду для тепла таскать за пазухой,— загорелся Гриха Латыпов и направился к печке, но путь ему преградил Вашлаев.

— Не трожь заслонку!

— Это почему?

— Не мне тебе объяснять,— отрезал Вашлаев.

— Ой, прости. Не учел,— начал заводить Вашлаев Гриха.— Немцы поймали котенка, привязали к хвосту противотанковую мину и спрятали в печь с надеждой, что зайдет Иван погреться, откроет заслонку, котенок выскочит, вильнет на радостях хвостом, мина ударится о печку и взорвется. Так, Вашлаев, да?

— А ты не смейся. Не слышал разве, что такой же олух полез в печь за щами, а похлебать не удалось.

— Слышал звон, да не знаешь, где он.

— Так или не так, а человека нет. И не одного. Пять, если не шесть, солдат в той хате находилось. Надо проверять, лейтенант,— решительно заявил Вашлаев.

Шарапова одолевал сон, гудели натруженные за день ноги, и он спросил, чтобы отвязаться от Вашлаева:

— Что предлагаешь?

— Покинуть дом, а заслонку открыть, как двери. Вставать, вылезать на улицу и мерзнуть никому не хотелось. Лейтенанту тоже.

— Послушай, Вашлаев,— сказал раздраженно,— может, сначала поспим, а уходить будем, тогда и проверим.

Но упрямец не сдавался:

— Заснешь тут, на горячих угольчиках. Вы как хотите, а я лучше на улице у костерка посижу.

До чего же вредный человек! Вечно что-нибудь придумает, и не отвяжешься от него.

— Всем подняться, вещички с собой— Вашлаев проверять будет!— приказал Шарапов.

Ох и позлословили над Вашлаевым, пока он осторожно крепил веревку к ручке заслонки, вылезал из окна, привязывал к одной веревке другую, чтобы укрыться подальше, а потом, когда поднялась и осела от взрыва избенка, его же едва не затискали в объятиях.

Не думали и не гадали тогда, что через несколько дней при разгроме вражеского обоза под деревней Лютые Болота сразит Вашлаева фашистская пуля. Похоронили его и долго не отходили от могилы.

Шарапов стоял над свежим холмиком, одиноко чернеющим близ усыпанной свежим снегом дороги и вспоминал разговор о Вашлаеве со Спасских при первом знакомстве со взводом: «Этот вологодский. Исполнительный, аккуратный, уравновешенный. Все делает без срывов, но на среднем уровне. Резонер». — «Как это понимать?» — «Да загадки любит загадывать», — рассмеялся Спасских. — Договариваемся о чем-нибудь, обсуждаем, он помалкивает, а под конец бражнет: «А вот об этом вы подумали?» И такое завернет, что все перекраивать приходится. Стратег, одним словом!»

Точную характеристику дал тогда Олег. От многих бед предостерег Вашлаев, а погиб — не успели глазом моргнуть.

2.

Полдня разведчики шли густым корабельным сосняком, потом он стал редеть, обрастать пышными кронами и кудрявиться, что указывало на близкий конец леса. Так и оказалось. Впереди простиралось неоглядное поле. Прямая снежная канава начиналась на опушке у поленицы дров и исчезала на половине высокого взгорка.

Пошли по ней. Канава перешла в нору, нора закончилась сенями с деревянной дверью, за ней, как в сказке, жили старик со старухой. Разведчикам обрадовались несказанно, особенно старик, у которого

кончилась махорка. Не знал, куда посадить и чем попотчевать, а угощение было одно — холодная картошка.

— Вот говорил, что дождемся, и дождался! — выговаривал старухе. — Освобожденные мы теперь? — спрашивал, пытливо заглядывая в глаза.

— Полностью и навсегда.

— А когда «Пантеру» будете брать?

— Какую еще «Пантеру»? Где она?

— За моим бугром поле, за ним и она. Новая оборона германцев. Почище линии Маннергейма будет. Не слышали разве?

— Да нет... Посмотрим.

— Посмотрите, а дом наш за этой «Пантерой» был. Сожгли его, проклятые.

В новом «жилище» старики поселились осенью. Место высокое, сухое и бурт картошки рядом. Разведчики посоветовали уйти в освобожденную деревню, но дед отказался:

— Где там жить будем и кто нас кормить станет? Да и привыкли здесь.

— Так бои начнутся, вас и побить могут.

— Э, сынки, я тоже воевал и соображаю, что к чему. За бугром мою землянку ни один снаряд не достанет. Переживем как-нибудь.

На этом и расстались.

«Пантеру» войска пробовали брать с ходу. Не получилось. Она строилась основательно: густо заминированное широкое предполье, глубокий ров, вал за ним с укрытиями от бомб и снарядов, многочисленными дзотами, бронированными полусферическими колпаками, привезенными из Германии, открытыми и закрытыми площадками для пушек и минометов и за всем этим еще несколько запасных линий в глубине.

В конце марта был предпринят новый штурм более мощными и свежими силами. После небывалой артиллерийской и авиационной подготовки померк солнечный день, черная пелена заволочла землю и поднялась в небо. По нему невиданно и страшно, накатываясь друг на друга, заходили черные волны.

Казалось, такой огонь сметет все живое, но оборона выстояла. Ожесточенные бои продолжались долго и закончились захватом плацдарма на западном берегу реки Великой. Пришлось встать в оборону, строить макет «Пантеры» и учиться штурмовать ее, чтобы с меньшими потерями взломать настоящую.

Дивизию отвели во второй эшелон. Ничего серьезного вроде бы и не делали в это время разведчики — узнать то, выяснить другое, а потерь понесли едва ли не больше, чем в наступлении. Были ранены и не вернулись из госпиталей младший лейтенант Смирнов, Рыжов, Забаров. Шарапову противопехотная мина сорвала подметку с сапога, вогнула шпильки в стопу. Боялся, что без ноги останется, но обошлось. Побывали в медсанбате Спасских, Бахтин, Скуба, Романов и Бербиц. Последнему пуля угодила в большой палец ноги, и попотешались над Бербицем

волю, особенно Бахтин: «Ты, Миша, ногу-то бы не поднимал, не голосовал ею». Бербиц сокрушенно потряхивал кудлатой головой и удивлялся: «Надо же, куда влетела! И правда, в медсанбат с такой раной стыдно показываться». — «Не бойсь, Миша, — хохотал Карянов, — мы тебе справку напишем, что в честном бою ты потерял свой большой палец».

Вскоре и с Каряновым пришлось расстаться. Взяти как лучшего сапера для выполнения специального задания в тылу врага. Не хотелось ему взвод покидать, отказывался вначале. На малограмотность ссылался, другие доводы приводил. На него напирала. «Ладно, пойду, если Петька согласится, а без него и не уговаривайте». — «Какой Петька?» — «Калинин, друзья мы». — «Вот и хорошо. Твой Петька не такой упрямый оказался. Вместе и пойдете».

Лобатова тоже перевели в другую часть. Нового ПНШ-2 не нашлось, и Полуэкт имел дело с начальником штаба капитаном Цыцеровым.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1.

Дивизию ввели в бой в начале июля. Развернули фронтом на юг, и пошла она брать Красногородское, а от него, обойдя «Пантеру», стала продвигаться к Латвийской ССР.

В представлении разведчиков Латвия была настоящей Европой, «заграницей», а перешли после трехдневного гула артиллерии и штурмовиков речку Лжа и ничего особенного не обнаружили. И речка обыкновенная, каких форсировали немало, с поросшими высокой травой обрывистыми берегами; и кусты, и поля, и леса за нею тоже самые обычные. Но скоро и в другом убедились. После разбитых, сожженных и опустошенных деревень Новгородчины и Псковщины нетронутый хутор увидели с большим садом, ульями, добротными постройками для скота и ухоженным домом. Хозяйская семья смылась, прислуга разбежалась, остался лишь один работник, големский паренек, застрявший здесь с довоенных времен. Повел на радостях в подвал, а там чего только нет. Под потолком висят домашние колбасы и окорока, полки забиты салом, сырами, в бутылках и банках фруктовые напитки, сиропы и компоты...

Устроили небывалое почти праздничное застолье, пробовали и то, и другое, и третье, запивали холодными напитками и снова налегали. В разгар пиршества вернулись дозорные, доложили, что в следующей деревне немцы организовали оборону.

Первый батальон капитана Демьянюка подошел, сунулся было вперед, но попятился. Атаку решили повторить ночью, а разведчикам поручили пробраться в тыл и побить побольше немцев, когда те отходить начнут, а заодно и панику навести. До захода солнца прощупывали в разных местах позиции врага, искали уязвимые места. Слева деревню обтекал лес. Немцев в нем не было, но подходы к нему и сам лес были густо заминированы.

— На каждом шагу «злодейки», — доложили Тинибаяв и Андрейчук.

— Вы там лазили, вам и проход делать, — приказал Шарапов.

— Добро, лейтенант. Мины наспех натыканы, у некоторых даже уголки видать. Не подорвемся, пройдем, — заверил Андрейчук.

Июльский день умирал медленно и неохотно. Часов до десяти гуляло на небе солнце, потом начались затяжные вечерние сумерки. Еле дождался, пока мгла надежно укрыла землю. Немцы беспокоились, все время пускали ракеты. Слухачи поползли вперед с катушкой немецкого кабеля, по нему след в след двинулись остальные. Прошли. За деревней разделились на две группы. Одна, во главе со Спасских, осталась для удара во фланг, свою Шарапов увел дальше, чтобы перекрыть дорогу.

В назначенное время зачастили «сорокапятки», открыли огонь «дегтяри» и «максимы», ночь засветилась строчками трассирующих пуль, всполохами разрывов.

— Побегут! Не любят они ночью драться, — прокричал в ухо Шарапову Гриха Латыпов.

Полуэкт тоже на это надеялся, но фашисты не отходили, сарай только подожгли, чтобы светлее стало. План боя рушился, лежать и ждать, пока пехота выкурит немцев, нечестно, и Шарапов поднял своих. Связи со Спасских не было, но он тоже пришел к такому решению. Ударили почти одновременно, и у фашистов началась паника. Одно дело биться с противником, наступающим по фронту, и совсем другое, если он вдруг в тылу появляется и неизвестно какими силами. Снялись немцы и спешно отступили через оставшийся открытым левый фланг.

Обычный ночной бой, каких провели немало. Все целы, никого даже не царапнуло. Так все считали, пока Бербицу Бахтин не понадобился. Позвал — Бахтин не откликнулся.

— Лейтенант, куда ты дел Васю? Опять «особое задание» дал? — спросил у Шарапова.

— Да нет. Ребята, кто видел Бахтина?

Видели все, лежал у дороги, поднялся, побежал вперед, а дальше...

Пошли искать и нашли самого неуязвимого, как казалось, разведчика взвода Васю Бахтина мертвым. Поверили в это не сразу. Пульс стали щупать, к дыханию прислушиваться, искусственное делать. Убит! Скинули пилотки, подняли над головами автоматы, до боли в пальцах нажали на спусковые крючки и не отпускали, пока не разрядили диски. Прибежал вполношенный командир роты:

— Что тут у вас случилось?

— Бахтина потеряли!

— Стрельбу почему открыли, спрашиваю? — закричал еще громче.

— Умолкни, ротный! И уйди с глаз долой!

Подняли, понесли Васю в деревню. Полуэкт шел спотыкаясь, ничего не видя перед собой и жалея, что бой уже закончился. Копившаяся месяцами и годами ненависть к фашистам переполнила сердце и искала выхода. За автомат бы снова взяться и бить, бить,

бить. С того поиска, где лежал Вася у проволоки, притворяясь раненым, даже раньше, когда ходили на дзот у Зарелья, не чаял он души в Бахтине, надеялся на него, как на себя. На самые опасные дела Вася всегда сам напрашивался: «Поручи мне, командир, сделаю». Он прикинет — и другие справятся, Бахтина побережь бы надо, впереди еще посложнее дела будут, но как-то надежнее, если Бахтин сам пойдет. В умелость его верил и в везучесть необыкновенную...

— Разведчики, где ваш лейтенант? К начальнику штаба его, — дошел до сознания Полуэкта голос связного.

Пошел за ним, думая о том, что же и как он напишет Марии Ивановне — матери Васи в деревню Косаряна, как оправдается перед ней за смерть сына, где взять на это сил и мужества?..

Цыцеров дал приказ вести полк на север, на приграничную станцию Пундуры.

— У нас Бахтина убили, — выдал из себя Полуэкт. — Пока не похороним, не пойдём.

— Без вас управимся, — рассердился начальник штаба.

— Нет, товарищ капитан, своих мы хороним сами.

И так твердо выговорил эти слова Полуэкт, что готовый взорваться Цыцеров уступил:

— Пусть так. Меня позовите, когда будет готово.

— Есть.

Землю копали ожесточенно и молча. Тело завернули в плащ-накидку, бережно опустили, бросили по горсти земли. Могилу засыпали медленно и тоже бережно, словно боясь причинить Васе боль, сокрушаясь, что нет времени сделать гроб и похоронить Бахтина по-настоящему. Столбик с дощечкой и надписью на ней все же установили, дали салют и потянулись вслед за Бербицем. Не выдержал Миша, пошел, потом побегал, чтобы никто не видел его лица и содрогающихся плеч.

2.

Перед Пундуры снова копали могилу. Проходили мимо мельницы, грянул выстрел, и упал, сраженный пулей, недавно прибывший во взвод разведчик Скворцов.

Злые были ребята, остервенелые. Двое убитых за несколько часов! С ненавистью разглядывали станцию — кого она еще унесет?

Шарапов достал карту. Речка перед станцией обозначена, Утроей называется. Не видно ее, в кустах, наверно, прячется. С правой стороны, от Острова, повозка приближается. Машина ее обогнала. Еще дальше автобус показался. Его решили перехватить, вдруг штабной да еще с документами. Бегом к речке, переплыли, подпустили поближе и — короткими очередями по скатам, а автобус идет себе, только газу поддал. Еще больше озлились, мазилами друг друга пообзывали и скорее на станцию.

Мокрый, задыхающийся ворвался Шарапов на вокзал. В кабинете за столом пожилой человек, рядом

девица в черном. Не обрадовались, но и не испугались. Не давая опомниться, вопрос в лоб:

— Немцы на станции есть?

— Нет, — отвечает девица.

— Кто стрелял по нам?

— Охранники, должно быть.

— Сколько их.

— Всего четверо, — скользит улыбка по лицу девицы.

Начальник станции молчит. Не понимает? Полуэкт скосил глаза на раскрытый журнал. Записи в нем на русском.

— Вы ведете журнал?

— Я.

— Так какого черта не отвечаете? Есть поезда на подходе?

— Есть, — подтвердил после небольшой паузы. — От Резекне идет на Остров.

— Какой? — продолжал напирать Полуэкт.

— Воинский эшелон.

— Как знаете? Они под строжайшим секретом следуют.

— Да, под литерами, но от нас разве что скрещь?

— Будет делать остановку?

— Нет, должен проследовать.

— Когда?

Начальник станции посмотрел на часы.

— Минут через двадцать — двадцать пять. Следом идет бронепоезд.

— Вот как?! Предупреждаю: если врете, разговор с вами будет короткий.

— Понимаю. Чем могу еще служить?

— Кто эта... женщина, почему она здесь?

— Моя дочь. Мне помогает.

Врет, или говорит правду? Неужели на самом деле идет бронепоезд?

— Если что, дочь разделит вашу участь. Немцы поблизости есть?

— Ремонтная рота стоит в трех километрах по дороге на Балтинаву. Больше никого.

— Теперь слушайте: никуда не звонить. Если позвонят вам, отвечайте, но о нас ни слова. С вами останется наш товарищ, — кивнул на Бербица. — Он знает и немецкий и латышский. — Соврал, не моргнув глазом, Полуэкт, а Бербиц согласно покивал головой. — Вам тоже придется побыть здесь, — сказал девице в черном.

На улице вопросительно посмотрел на разведчиков.

— Слышали? Как нравится?

— Если останвятся, съедят заживо.

— До этого, думаю, не дойдет, а заваруха крепкая может быть. Олег, давай со своими на дорогу к Острову и окопайтесь как следует, а мы дома осмотрим, не прячется ли там кто-нибудь.

Спаских ушел, а дома осмотреть не удалось. Появился, как из-под земли вынырнул, комбат-1, капитан Демьянюк, сказал, что поезда надо пропустить — их дальше встретят.

— А ты иди со своей группой вперед. Если что сорвется, подорвете полотно. Противотанковые есть?

— Всегда с собой.

— Ну и добро. Всем замаскироваться, ни одного чтобы не видел,— отдал приказ прибывающим ротам.

— Бербиц на вокзале начальника станции сторожит. Смените его, а то у меня всего восемь человек осталось,— попросил Шараров.

— Ладно, догонит вас Бербиц. У него ноги длинные.

Тропкой по левой стороне полотна пробежали с полкилометра, укрылись за сложенными на лето деревянными щитами. Вылили воду из сапог, портянки перемотали. Пока нет поезда, перекусить решили — со вчерашнего пиршества на хуторе маковой росинки во рту не было,— достали сухари да тут же обратно в мешки побросали. Перед станцией пушкари прямо на полотне дороги устанавливали «сорокапятку». Другой приказ пришел? Биться решили? Узнавать об этом некогда — с другой стороны дымок показался. Закрутили головами: на поезд, на пушкарей и снова на поезд. А пушкари снаряды подтаскивают, пушчонку свою нацеливают.

Машинист из окна выглядывал и артиллеристов, конечно, видел, но ход не сбавил, раздавить, видно, решил, а они чего-то тянули. Три вагона мимо разведчиков проскочили, только тогда выстрел раздал-

ся. Сноп искр из паровоза, будто клюкой по большой головешке ударили. Скрежет металла, ляг буферов, грохот небывалый. Головы в землю, думали, состав на них повалится, но он поспотыкался, поспотыкался и встал. Полураздетые немцы из передних вагонов высыпали, ничего спросонья понять не могут, по лесу строчат. Из автоматов по ним, гранатами по ним — загнали на другую сторону полотна. Там немцы опомнились, огонь открыли. Автоматов у фрицев в десять раз больше, всех бы перерезали, если бы не щиты. Пушка тоже стреляет, и от ее снарядов щепки летят. Не знаешь, откуда и смерть ждаты.

Батальоны на станции в цепи развернулись, в наступление пошли. Мало снарядов, так еще и пули от своих полетели. Надо отходить, неизвестно только как и в какую сторону. Позаглядывали в придорожную канаву: прямая, узкая, мазута в ней до черта и перекладины поверху. Ни идти, ни ползти, и выхода иного нет. Попрыгали, к своим на полусогнутых начали пробираться. Выскочили из канавы перед «сорокапяткой» и увидели около пушки Демьянюка. Светлые голубые глаза комбата налиты кровью.

— Почему стрельбу открыли? Кто приказал? — кричит, размахивая пистолетом перед носами артиллеристов.

— Сержант, командир расчета.

— Где он? Пристрелю, как собаку!

— Убег от греха подальше. Не знали мы... Думали, как лучше.

Всего и дела: прозевали пушкарей, не предупредили вовремя, а командир расчёта инициативу проявил.

Увидев перевязанного разведчика, Демьянюк еще больше рассвирепел:

— У меня впереди люди были! Вы же их всех могли перебить, мать вашу так-перетак... Вот, полюбуйтесь на свою работу!

Всегда спокойного, выдержанного Демьянюка не узнать. Не удалось сорвать злость на сержанте, на разведчиков накинулся:

— Вы почему здесь? Я где приказал вам быть?

Только что вырвавшийся с ребятами из лап смерти Шарапов из последних сил сдерживал себя, ответил с иронией:

— Не захотели умирать попусту, — щелкнул вхолостую затвором автомата. — На заправку прибыли.

Комбат бешеные глаза на него в упор, всем телом к нему. Шарапов своих тоже не отводит, и Демьянюк приходит в себя, бросает пистолет в кобур, говорит, отворачиваясь:

— Ладно, идите заряжайтесь.

На станции хоть шаром покати. Повозки стоят неразгруженные, противогазы валяются в кучи сваленные, шинели. Один начальник штаба на станции и четыре автоматчика с ним. Бегом к нему:

— Где заправиться?

— Вон за сараем кухня стоит. Там и боепитание.

По диску набили, за вторые принялись — Цыцеров появился:

— Немцы со стороны Балтиनावы прут! Иди отбивай!

Началось! И здесь они будут в каждой дыре затычкой. Набили карманы патронами, два ящика эфок расхватили и бегом на западную окраину станции к домам, которые не успели осмотреть. Цыцеров своих автоматчиков подослал. Стало одиннадцать человек.

За домами поле с некошенной травой. Немцы идут в полный рост. Воротники френчей расстегнуты, рукава загнуты, автоматы наизготовку, но молчат. Непобедимым видом хотят запугать. И откуда их принесла нелегкая? Из эшелона не могут быть... Ремонтная рота, о которой говорил начальник станции? Ну, с этими как-нибудь.

Дома к наступающим глухими стенами обращены. Из окон не постреляешь и на чердак не заберешься. В прогалах между домами придется становиться. Обзор будет неполный, но можно перекрывать друг друга. Еще бы человек пять для резерва... Оглянулся на станцию и понял, что помощи ждать неоткуда. Рассказал ребятам о плане боя, разослал по местам и предупредил, чтобы без команды не стреляли.

Немцы близко, а это еще что? Вгляделся и ахнул: между цепью и домами, параллельно им, стадо свиной шествует. Рядом все грохочет и рвется, а они идут себе как ни в чем не бывало.

Цыцеров кричит, чтобы огонь открывал. Цыцерева понять можно: он не о себе беспокоится, а о том, чтобы полк между двух огней не оказался. Полуэкт же

видит, что начинать пальбу и раньше времени обнаруживать себя невыгодно. Надо ближе подпустить.

— Не стрелять! — предупреждает своих, а автоматчикам даже кулаком грозит, чтобы те ему всю обедню не испортили.

— Огонь, Шарапов! Огонь! — пуще прежнего кричит начальник штаба.

— Не стрелять! — запрещает Полуэкт, отменяя команду старшего и по положению, и по званию и соображая, что должен подпустить немцев на верный бросок гранаты и на прицельный огонь автоматов, ошеломить, сбить спесь сразу, иначе сомнут.

Нервы и у него на пределе, самому не терпится открыть огонь скорее. «Чего орешь? — злится на Цыцерева. — Мне здесь виднее, что делать». Еще подпускает, не сводя глаз с совсем уже близких немцев, выбирает, где они идут погуще, и жмимает на спусковой крючок. Все автоматы вцепились в наступающих. Из-за боя у эшелона их едва слышно, но рванули хорошо и, самое главное, неожиданно. Ни один не устоял, все в траву попадали.

— За Бахтина и Скворцова! Гранатами!

Хорошо, что эфками запаслись. Осколки у них летят далеко, под их разрывами долго не належишь. Вскочили ремонтники и назад понеслись, а цепь редкой стала, словно гребенка с выломанными зубьями.

Отбежали метров на пятьдесят, залегли. Но радоваться рано, еще пойдут. Два пулемета у немцев оказалось. По чердакам прошлись — не разобрались, откуда по ним стреляли, — потом по домам стали бить. С такого близкого расстояния пули стены насквозь пробивали. Пришлось за торцами укрываться и диски одновременно заряжать.

Поднялись. Пошли. Но уже под прикрытием пулеметов, с изрыгающими огонь автоматами. На этот раз раньше начали их выкашивать и гранатами забрасывать. Не отходят, вперед ползут, а патроны снова на исходе и эфок почти не осталось. Оглянулся Шарапов — кто-то на помощь спешит. Вгляделся и узнал командира первой минометной роты — светловосого и рослого капитана Якимова со связистами. Сколько раз Якимов выручал разведчиков, помог и на этот раз. Как начали мины на поле чечетку отбивать, так и попятнулись немцы, а Якимов их все подгонял и подгонял, пока с глаз не скрылись.

— Цыцеров приказал тебе пока здесь оставаться. Патроны доставят, — сказал Якимов Шарапову и ушел разворачивать батарею для стрельбы по другой цели.

У домов отбились, а у эшелона бой затянулся. Бронепоезд подошел, стал тяжелыми бить. Пришлось командиру дивизии полковнику Песочину еще один полк на помощь посылать, и дрались за эту маленькую, вдрызг разнесенную бронепоездом станцию трое суток без перерывов и перекуров. Имела, видно, она какое-то большое значение в планах командования, не поспешилось оно на награды и вручение их не задержало. К двум «Звездочкам» Шарапова — вторую он получил за зимнюю

кампанию — прибавился орден Отечественной войны II степени.

После Пундуры жестокие бои были в лесах перед Балвами. Думали, что и город гитлеровцы будут удерживать, а сходили проверить — пуст, даже заслонов нет. Шарапов сияет, докладывая о такой удаче Ермишеву, а командир полка не верит:

— Иди еще раз и убедись, прежде чем докладывать. Американцам они города даже по телефону сдают, а нам — не слышал что-то.

Снова сходили — нет противника.

— Товарищ подполковник, как и раньше докладывал, немцы в Балвах не обнаружены, — вытянулся Шарапов перед Ермишевым.

— Вы что же, второй раз там побывали? — раздался из темноты незнакомый голос.

Шарапов глаза в угол палатки, а там генерал поднимается, идет к нему.

— Виноват, товарищ генерал, не заметил вас...

— Вы на мой вопрос отвечайте, — прервал Полуэкта генерал.

— Так точно, товарищ генерал. Вторично все обшарили. Ушли немцы из города.

Генерал к Ермишеву развернулся:

— Так какого дьявола вы здесь прохлаждаетесь? Занимайте Балвы, пока немцы не передумали.

И вот впереди Гулбене. Тоже оставят, или организуют оборону.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В начале лета, в лесах Псковщины, вовсю резвились кукушки. «При первой кукушке брякни деньгами, чтобы водились», — вспомнил кто-то из разведчиков. И о другой молве не забыли: «Сколько раз кукушка натошак кого обкукует, столько лет тому и жить». Денег у ребят не было, и к первой примете отнеслись равнодушно, на вторую же погадали вдоволь, и всем выпадало жить долго, все после войны домой должны были вернуться. Шарапов однажды тоже спросил: «Кукушка, кукушка, сколько мне жить?» Досчитал до пятидесяти и бросил — пустое дело.

Пока ему везло. Сколько раз мог быть убитым, изувеченным, но пронесило. Как многих. Любои фронтоник мог привести десятки примеров небывалых избавлений от смерти: сделал шаг вперед — и уцелел; снаряд в двух метрах упал, но не взорвался почему-то; граната совсем рядом рванула, и ни одного осколка. Все это до поры до времени, а еще шагать и шагать до Германии и по ней. Сколько впереди будет хуторов, деревень и городов, которые надо «проверять» и брать. Тысяча смертей впереди! От одной утром спас автомат. Не попади пуля в его диск, прошила бы живот, и лежать бы ему рядом с Капитоненко, безучастным ко всему на свете...

Балвы немцы оставили без боя, а за Гулбене будут драться. Это угадывалось по возросшему в последние дни сопротивлению фашистов и по усилива-

ющемся впереди с каждым часом бою — батальоны, видимо, вступили в соприкосновение с противником.

Укрытый высокой травой Шарапов лежал в своем случайном прибежище между хутором, где были ребята, и лесом, с засеваемыми в нем немцами, и благодарил судьбу за то, что избавила его от курения.

На хуторе раздался звук пилы. Она была старая и тупая, а дерево свежее, и пила вгрызалась в него немощно, часто останавливаясь и спотыкаясь. Шарапов насторожился: что там задумали ребята, и как на эту затею отреагируют немцы?

Лес молчал. Огрызнулся утром пулеметом, подбил Капитоненко и Скубу, и затих.

Сначала пилили размеренно, потом начали злиться: вжик, вжик, вжик. Застучал топор. Тесали умело, не торопясь. Гриха Латыпов! И тут нашел какое-то дело. Изгородь решил починить или калитку поправить? Чуть выкроится свободная минута, достает Гриха свои инструменты и давай «молотить». Всем ребятам портсигары, украшенные орденами, мундштуки наборные сделал и рукоятки для ножей — гляди на них и не наглядись, и рука потная не соскользнет. Тисочки ручные, резцы, напильники — все с собой таскает.

Утром, когда немцы только положили Полуэкта, ему вспомнились слова Лобатова: «Умный найдет выход из затруднительного положения, а мудрый не попадет в него...», застучали молоточками в голове, и он начал лихорадочно отыскивать свой единственный верный выход. В предельно простой ситуации: он не может отойти без трупа Капитоненко, ребята — без них обоих. Перебрав десяток вариантов, остановился на двух. Первый привлекал быстротой и привычностью исполнения. Он отходит немедленно короткими из стороны в сторону бросками, каждый раз подтягивая за собой труп Капитоненко. Ребята прикрывают. В веревке пятнадцать метров. Десять раз перебежать, упасть, отползти, подтянуть... Стоп! Стоп! Здесь его укрывает трава, метров через двадцать начнется чистое поле, взгорок к тому же. Он будет виден немцам, как на ладони, и они подшибут его тоже десять раз, если не больше. Ребята бросятся на выручку, и их перебьют. Нет уж, двоих потеряли и хватит, больше он не отдаст ни одного!

Второй выход — схорониться в ямке до наступления темноты — замаячил одновременно с первым, казался надежнее, но был не по душе тем, что обрекал на бездействие и полную зависимость от немцев. Перед тем как принять окончательное решение, Полуэкт взвесил возможности ребят, не попытаются ли они обойти фрицев лесом, ударить по ним с флангов или тыла, чтобы отогнать от опушки? Немцы «показали» им пока один пулемет. Что у них еще в запасе и сколько их, неизвестно, а вязываться в бой, не зная сил противника, опрометчиво. Ребята так не поступят. «Снова придется действовать по «второму варианту», — усмехнулся Шарапов, — Ни у меня, ни у ребят другого выхода нет».

Раскаленное, обезумевшее от собственной жары солнце занимало все небо, накалило стволы автоматов, землю, воздух. Одежда давно не защищала от его прицельно бьющих лучей, сама накалилась и жгла распластанное на земле тело. Воздух был сух, как в парилке, даже ветерок унялся, и наступило, как казалось истомленному жарой Шарапову, душливое предгрозовое затишье.

Помимо непроходящей настороженности — лежал он совсем недалеко от немцев — Полуэтку приходилось бороться с собой, чтобы ежеминутно не смотреть на стрелки. Он ненавидел их, почти остановившиеся, и все-таки смотрел, запрещал себе думать о воде, и думал безотрывно, мысленно тянулся к ней спекшимися черными губами, всем своим маленьким, усохшим на жаре телом.

Едва ли не первый раз за полтора года пребывания на фронте лейтенант был один и ему нечем было заняться. О многом передумалось, но почему-то чаще всего вспоминались не бои, а тяжкий воинский труд. На особой полочке память хранила дожди, холода и слякоть. Без конца виделось глиняное поле. По нему надо ползти. В проложенной борозде копится вода. Весь ты в глине и жмешься к ней же, холодной и мокрой. Ползешь, думая о том, как лучше выполнить задание, и подспудно — о теплой землянке, в которой можно обогреться и обсушиться. Возвращаешься полуживой от усталости, с тебя течет ручьями, ножом соскабливаешь с одежды и сапог грязь, а порой и на это не хватает сил... Остановились где-то — надо копать ячейки, потом окопы, строить землянки. Все сделали, не успели обжиться, и снова вперед, до следующей остановки, а там опять зарываться в землю и начинать все сначала. Но лучше бы холод и голод, чем эта адская жара, это остервеневшее солнце, немилосердная жажда и томительное, изнуряющее бездействие.

Лес безмолвствовал. В нем начали копиться вечерние тени. Жара пошла на убыль, а солнце, перед тем как уйти на отдых, стало полнеть и набирать красноту. Лейтенант дал зарок пролежать еще час, честно выдержал его — кто бы знал, чего это стоило! — и стал готовиться к отходу. Загнул усики чек, пристроил гранаты на одном боку, чтобы не мешали ползти на другом, оба автомата закинул за спину, пополз, подтягивая за собой Капитonenко.

Где-то вдаль, за лесом, позеленело и косо понеслось к земле посветлевшее небо, донесся слабый хлопок ракетницы. Через несколько секунд, уже ближе, взвилась вторая зеленая ракета и с опушки, в обратную сторону, — третья. Ракеты были сигнальными и приказывали либо атаковать хутор, либо отходить от него.

Шарапов вернулся в ямку. Снова два автомата под рукой, снова разогнуты усики чек, и каждая жилка трепещет: «Естро не наткнутся, пропущу и ударю с тыла — устрою им, гадам, заварушку!»

На опушке по-вечернему гулко загрохотали пулеметы. Строчки трассирующих пуль прошлись по хутору. Разведчики на огонь не ответили, но через

некоторое время раздался трубный голос Бербица:

— Заходите, гости дорогие, чего стучитесь? Для вас и чаек готов и кое-что на присыпку.

Из леса прокричали что-то на немецком, рассмеялись, но стрелять не стали. Послышалось, что в глубине леса стихают шаги.

Страдальчески-счастливые изумление охватило Шарапова. Верить или нет? Он поверил и пополз, потянул за собой Капитonenко. На половине пути встретил Шиканова и Латыпова. Они удивленно посмотрели на лейтенанта, но ничего не спросили. И у ребят на хуторе был непривычно-растерянный вид, словно они провинились. Шарапов опустился на ступеньки первого крыльца и прохрипел:

— Пи-и-иты!

Он молчал весь день, и у него пропал голос.

Пил долго и жадно, захлебываясь, заливая водой одежду и радуясь, что она намокает и холодит тело. Остаток воды вылил на голову, мокрыми руками обтер соевшую шею и откинулся к стене, щурясь от удовольствия, непередаваемого чувства избавления.

— Скуба жив?

— Метрах в пяти от дома еще и в ногу ранили. Дополз, а дальше утащили. Вы-то как?

— Ничего, — Шарапов улыбался — не напрасны были его муки и не подвел он ребят. — Поесть найдется? И воды еще. Побольше.

В ямке он ни разу не подумал об еде, сейчас хлеб и американская консервированная колбаса — «второй фронт», как называли ее солдаты, — оказались такими вкусными, что таяли во рту.

Разведчики терпеливо ждали.

— Могила готова?

— Да, командир, только...

— Что «только»?

— Сами увидите.

Повели к могиле, куда Шиканов и Латыпов сразу же подтащили Капитonenко. Полуэкт удивился ее необычной ширине, нагнулся к свежеебтесанному столбику со звездочкой на нем из дранки и прочитал: «Лейтенант Шарапов П. К., 1924 г. рожд. Сержант Капитonenко П. А., 1915 г. рожд. Погибли в бою с фашистами 15.8.1944 г. Вечная слава героям!»

Так вот почему с таким удивлением и смущением встречали его разведчики! Не верили, что в такую адскую жару он был способен, мог пролежать под носом у немцев целый день и ничем себя не выдать.

— Это я уберу, лейтенант, — засуетился Латыпов. Ухватил столбик, три точных удара топором — и надпись исчезла. Гриха стал делать другую.

— Так даже лучше, командир... Ну, что мы вас вроде бы как убитым посчитали, а вы живы. Таким, значит, и домой вернетесь. Не обижайтесь на нас, ладно? — оправдывался Гриха и ребята уверенными кивками подтверждали, что такая примета есть, и она верная.

Из окружающего поляну леса низом выползала густая черная мгла, гася на земле остатки света. Шагов сто прошел Шарапов, оглянулся на хутор — его дома, недалеко от них деревья слились с вороненым небом и стали неразличимыми.

На гравийке разведчики встретили группу Спасских. Цыцеров послал ее на подмогу, но Шарапов узнал об этом позже всех, на рассвете. Как отошли от хутора, Шиканов подхватил его под руку и «повел». Спать на ходу разведчики научились во время длинных зимних переходов, знали кого при этом «уводит» направо, кого налево, кто натывается на передних. Таким давали «поводырей». Разведчики не остановились при встрече. Примкнув друг к другу, пошли дальше, чтобы не разбудить своего лейтенанта.

В приметы либо верят, либо нет. Разведчики в них верили. И оказались правы: вышло так, что и кукушка правильно «наворожила», и могилой на двоих они как бы отогнали смерть от Полуэкта Шарапова. Через два дня во время очередной разведки он был тяжело ранен и после войны — в госпиталях лежал долго, несколько операций перенес — вернулся домой живым.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

«На Ярославине, в небольшом городке Данилове, живет Полуэкт Константинович Шарапов. После окончания художественного училища много лет он учит ребят рисованию. Он же на общественных началах директор городского народного музея. Сколько им разыскано предметов старинного быта, уникальных книг, документов! Все, что заслуживает внимания, как-то раскрывает страницы истории родного края, — все находит место на музейных стендах. Большинство экспозиций с любовью и большим вкусом оформлено самим П. К. Шараповым. Особенно он потрудился к 200-летию родного Данилова.

Но не всем известно, что человек такой мирной профессии, в прошлом — отважный разведчик и снайпер, кавалер многих орденов и медалей. И, может быть, именно фронтовая сноровка помогла ему совершить героический поступок в наши дни.

На проезжую часть привокзальной площади Ярославля выбежал парнишка. Кто-то из стоящих на тротуаре испуганно вскрикнул. Люди оцепенели в ожидании беды. И только Шарапов, рискуя жизнью, буквально в последнюю секунду выхватил школьника из-под колес автомобиля...»

«Учительская газета» от 30 сентября 1978 года.

БЫЛАЯ БОЛЬ У НАС

В ЭТОЙ ПОДБОРКЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ СТИХИ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПОЭТОВ БОЛЕЕ МЛАДШИХ ПО ВОЗРАСТУ, ОТЦЫ И ДЕДЫ КОТОРЫХ ЗАВОЕВАЛИ ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ.

**Василий
ТУЛИН**

Память

Опять трава пробила твердь земную
И рвется к свету, солнцу и теплу.
На плесе гуси-лебеди ночуют
И улетают рано поутру.
Они опять в родную даль стремятся.
Плывут под ними горы и леса.
И мне б, как птице, на крыло

подняться
в зовущие, родные небеса.
И пусть шальные ветры хороводят.
А я б летел, буксируя рассвет,
Туда, где юность, заблудившись,

бродит
в заброшенных окопах давних лет;
Туда, где злая смерть, свистя,

косила,
Где, глаз прищурив, смотрит
злобно дзот.

Упал бы я на братскую могилу
Средь ленинградских сумрачных
болот.

Своим теплом тот холмик согревая,
Все окликал бы, окликал ребят.
Они б, травой весенней прорастая,
Пришли ко мне, как много лет назад.
И мы бы вместе, празднуя Победу,
Друг друга узнавали без труда:
Хоть я и сед и вот уж в званье

деда,

Они же молодые, как тогда.
Ах, память, память, майскими

ночами
Никак уснуть спокойно не дает.
Былая боль у нас не за плечами.
Она в сердцах до этих пор живет.

* * *

Капли с крыши падают в ладонь.
Тает снег.
И все идет как надо...
У забора бьется серый конь,
Рвется на свободу из огады.
Выпустите серого коня!

Не держите красоту в неволе!
Пусть он мчит, копытами звеня,
Вдоль села, в сиреневое поле;
Пусть играют в грибе ветерки,
В ноздри бьет весны пьянящим
духом.

Тихое журчание реки
Пусть коснется нежно его слуха.
Пусть летит, подковами звеня...
Отпустите серого коня!

**Борис
КАРПЕНКО**

Фотография

Отошли давным-давно бои!
Как там ни стригись — светлеет темя,
и блестят зальсины мои —
две тропы, что вытоптало время.
Голова кудрявая за ночь
поседела, побелела рано
на снегу под огневою точкой
черного полка Гудериана.
Как тогда я вышел из огня,
как потом пошли бои не легче...
День придет, и помянут меня
Родственники временем прошедшим.
И уже не лысым и не дедом,
а кудрявым я шагну в альбом,
в Шахтах зафиксированный «Фэдом»,
в тертом полушубке фронтовом.

**Виктор
ТОЛОКНОВ**

*Памяти ветерана войны
Ивана Журова.*

Первый урок

Шли поезда с фронтов кровавых.
Мы шустро прятались в кусты.
С разбитых танков тупоглавых
Глядели черные кресты.
Смотрели мы не без опаски
На этот сумрачный парад,
Казалось, там,

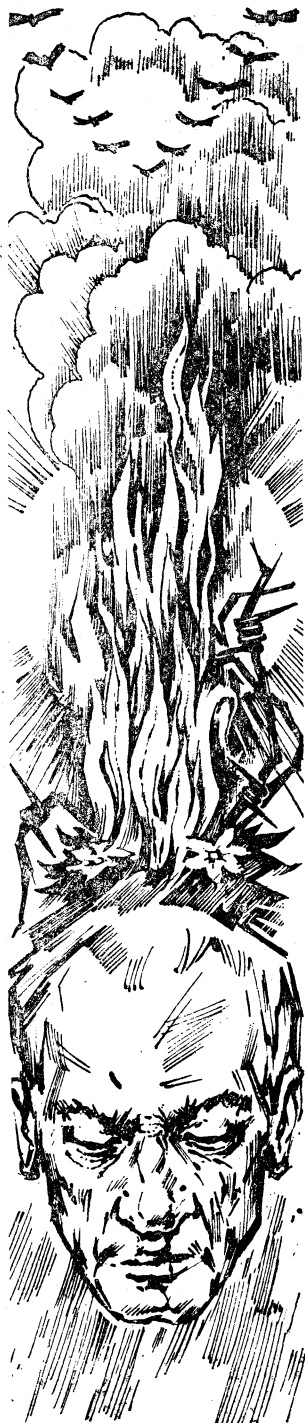
в рогатой каске,
Притих фашист, и автомат
Его

на нас, мальцов, нацелен...
А смазчик Журов напевал,
Рукою левой клок кудели
Он с силой в буксу забивал,
А правой не было,

качался,
Как на веревочке бельё,
Пустой рукав.

Солдат смеялся:
— Ну что, отпрыгалось, зверье?!
Затем, достав кусочек мела,
Окинув «тигров» и «лантер»,
По борту вывел неумело:
«Знай наших! Мы — СССР!»
И я запомнил слово в слово,
В тот год взяв в руки карандаш...
Шли поезда с металлоломом
На переплав,

на Уралмаш.

НЕ ЗА ПЛЕЧАМИ

**Гавриил
СМОЛИН**

Там, на изломе брони

Низкое небо. Подводоы.
Ночь..Непокой. Неуют.
Дождь сорок первого года
Падает в память мою.
Медленно. Тускло. Отвесно.
Кажется, это звенит
Старая-старая песня
Там, на изломе брони.
Брызги осели на сердце.
Дождь. Неуют. Непокой.
И не могу я согреться
Этою ночью глухой.

**Владимир
ЛАПТЕВ**

Аттестаты зрелости

Войны последние солдаты,
Как только годы подошли,
По школам нам военкоматы
Повестки пачками несли.
Мы очень рано повзрослели,
Боялись опоздать на фронт.
Не по годам пришла к нам зрелость
Под посвист пуль, фугасов гром.
Учились мы из пулеметов
«Пахать» на фронтовых полях.
На век отметки и зачеты
Нам пули ставили в боях.
Войны последние солдаты,
Пройдя сквозь дым седых руин,
Мы получали аттестаты
В боях за Прагу, за Берлин.

**Владимир
УНЖАКОВ**

Накануне

Алел рассвет. Ни шороха, ни звука.
Они стояли в пламени зари.
Впервые однокласснице-подруге
Шептали губы парня: «Говори!»
Но не смогла соседская девчонка
Ему слова — «Люблю тебя» —

сказать...

А до войны осталось ровно столько,
Чтобы его успеть поцеловать.

**Евгений
РАЗУМОВ**

«Щ-204»

По ком звонят колокола
и сорок лет спустя над морем,
над местом, где на дно легла
стальная тень,— над вечным горем?..
Стальные люки вместо плит.
Под ними — братские останки.
Могила братская молчит.
Радисту не отбить «морзянки».
И перископа не поднять
над мирным морем командиру.
И только колокол опять
звонит, напоминая миру
о сорок первом. Корабли
честь отдают морским глубинам,
где каждый для родной земли
был

и остался верным сыном.

**Георгий
КИРСТ**

* * *

Все меньше нас, кто злость картечи
На шкуре собственной изведаль.
Все реже письма, реже встречи.
И старше светлый День Победы.

**Юрий
КОНЕЦКИЙ**

Память войны

Мне страшно ходить
За грибами,
Когда неприветливый лес
Встречает меня
Черепами,
А я —
За обабками лез.
Я в Волгу
Забрасывал спиннинг —
Со смертью играла
Блесна,
Царапая бомбу
За спину,
Как шуку,
У самого дна...

Рисунки
А. Банных

ЧАСЫ СПАСЛИ ЖИЗНЬ

**Александр
АБРАМОВ**

После опубликования в журнале «Уральский следопыт» моей статьи «Наследники Нестерова» (№ 10, 1980 год) ко мне обратилась горьковчанка Тамара Ивановна Пачина. В своем письме она просила помочь найти бывшего летчика-истребителя Андрея Данилова, который воевал с ее родным братом — лейтенантом Александром Пачиним. В журнале тогда упоминалось, что летчик 127-го истребительного авиаполка старший политрук Андрей Данилов 22 июня 1941 года таранным ударом уничтожил фашистский самолет. А Т. И. Пачина хорошо знала, что ее брат Александр был летчиком этого же полка и погиб в воздушном бою 22 июня 1941 года.

...О воздушных таранах, совершенных нашими пилотами 22 июня, впервые стало известно после выступления в печати писателя, лауреата Ленинской премии Сергея Смирнова. Он разыскал в архивах личное дело летчика 123-го истребительного авиаполка Петра Сергеевича Рябцева и рассказал о его таране над Брестом. И вскоре Сергея Смирнова буквально засыпали читательскими письмами. И тут выяснилось неожиданное: подвиг Петра Рябцева не был единственным в первый день войны.

Теперь документально установлено, что 22 июня 1941 года кроме Петра Рябцева воздушные тараны применили еще 12 бесстрашных соколов. В их числе И. И. Иванов, Д. В. Кокарев, Л. Г. Бутелин, Е. М. Панфилов, А. И. Мокляк, С. М. Гудимов и старший политрук, заместитель командира эскадрильи А. С. Данилов, тот самый Данилов, которого разыскивает горьковчанка Т. И. Пачина.

Считалось, что все они погибли в разное время войны. 9 июля 1941 года в газете «Красная звезда» была напечатана статья «Крылатые герои Отечественной войны». В ней говорилось:

«...На стремительных крыльях несутся герои навстречу врагу и, если нужно, с открытыми глазами встречают смерть, но прежде поражают насмерть врага.

С девятью самолетами противника вступил в бой заместитель командира эскадрильи по политчасти старший политрук Андрей Данилов. Спустя несколько мгновений два из них были сбиты. Расстреляв все патроны, бесстрашный летчик направил свою машину прямо на вражеский самолет. Андрей Данилов погиб смертью храбрых.

Красная Армия осеняет своими боевыми знаменами тела павших героев. Миллионы советских людей обнажают головы перед беспримерной храбростью сынов нашего отечества...»

В тот день оперативный дежурный занес в журнал боевых действий 127-го истребительного авиаполка лаконичную запись: «Старший политрук, замкомэска А. С. Данилов погиб в воздушном бою 22 июля 1941 года».

А он не погиб.

Возвращаясь после боя, Данилов заметил, что немцы штурмуют аэродром бомбардировочного авиаполка. Не раздумывая, старший политрук ринулся на помощь боевым товарищам. Девять вражеских бомбардировщиков оказались перед «чайкой». Вот крайний правый «юнкерс» попался в прицел, самолет со свастикой резко задрал хвост и повалился вниз. Боевой разворот — и вновь атака. Загорелся второй «юнкерс». Но семь фашистских машин скрестили огненные трассы на одинокой «чайке». Данилова ранило в плечо и ногу, в голову, но он срывается. Вдруг из облаков вывалился «мессершмитт». Данилов выходит из боевого разворота и резко ударяет крылом «чайки» по фашистскому истребителю. Тот, потеряв управление, пошел к земле.

...Очнулся летчик на ржаном поле. Вокруг него были жители белорусского села Черлены. Кто-то склонился над ним, напоил из котелка. Данилов огляделся. Почти рядом уткнулась в землю его «чайка» — не выпуская шасси, он посадил разбитую машину на фюзеляж.

Колхозники, как сумели, перевязали летчика, пригнали подводу и Данилова отправили в госпиталь.

Осматривая раненого пилота, дежурный хирург обнаружил в нагрудном кармашке его гимнастерки пулю, которая только по счастливой случайности не проникла в сердце: ударив в серебряную крышку карманных часов, она застряла. Эти часы и спасли жизнь Данилову.

Во время операции из тела летчика извлекли шестнадцать осколков и еще три пули.

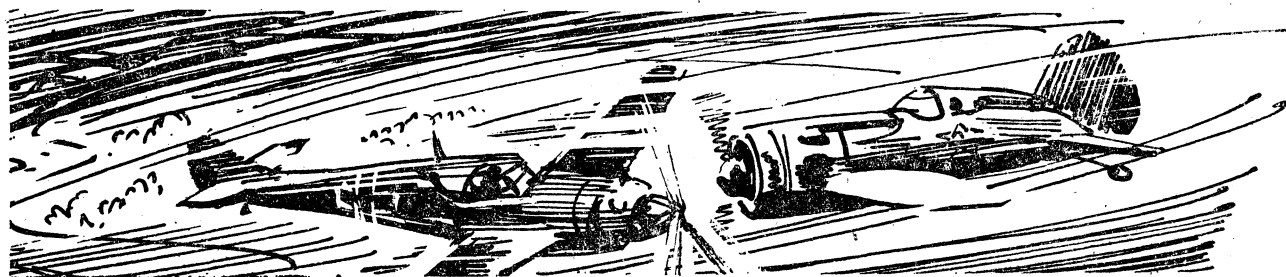
Даже медикам не верилось, что изрешеченный осколками и пулями человек, перемотанный с головы до ног бинтами, еще дышит, живет.

Наконец наступил день, когда его выписали из госпитала. И вот он в Москве, в управлении кадров штаба ВВС. Данилова назначили комиссаром вновь сформированной авиачасти. Он воевал на Ленинградском и на Волховском фронтах, сражался под Курском и Минском, участвовал в штурме Берлина. За время войны он совершил 98 боевых вылетов, лично сбил восемь самолетов противника и один — в паре.

В настоящее время гвардий подполковник запаса Андрей Степанович Данилов живет и работает недалеко от родного села Вежля — в городе Аткарске Саратовской области. Он руководит одним из отделов районного управления сельского хозяйства. Ему присвоено звание Почетный гражданин города Гродно.

Итак, поиск завершен. Из 12 отважных летчиков, совершивших воздушные тараны в первый день Великой Отечественной войны, в живых остался лишь один Андрей Данилов. С ним теперь завязала переписку родная сестра летчика-истребителя 127-го истребительного авиаполка Александра Пачина, погибшего 22 июня 1941 года.

Вот такую историю раскрыли архивные документы.

СЛОВО О ВЕТЕРАНЕ

Иван
ЛЫЧАГИН

Зал гудит пчелиным ульем, чьи-то голоса прорываются сквозь гул, хлопают сиденья.

— Встать, суд идет!..

И сразу все смолкло. Десятки глаз проводили на место вошедшего судью и заседателей. В наступившей тишине слышно было, как на судейском столе шелестят страницы обвинительного дела.

Подсудимый неотрывно смотрел в сучковатые доски деревянного пола. Бледное безусое лицо было сосредоточено: он вслушивался в ровный голос судьи. А судья, Василий Кузьмич Борейша, изредка взглядывая на парня, отмечал каждую деталь его облика, видел, как тот напрягся, загоняя внутрь беспокойство. Нечесаная грива, рубашка вся в текстах на иностранном языке — не рубашка, а газета какая-то... Заносные джинсы рушатся по швам, и в дыры проглядывают цветные трусы. Худиган... Этот болезненный телпичный пацан — семнадцать лет ему, жизнь только началась.

Василию Борейше было почти столько же, когда началась война. И страшно ему было не раз, как вот, наверно, сейчас этому пацану... Только страхи были другие. Надежная машина — танк Т-34, а сколько их горело, сколько экипажей погибло. Война, ничего не скажешь: фашисты тоже хотели жить и могли драться. Он умел, трясясь по колдобинам в танке, взять на прицел вражескую цель, он умел до отказа нажимать на гашетку пулемета. Он умел плакать сердцем, когда гибли товарищи...

А что умеет этот парень, сидящий на скамье подсудимых, в свои семнадцать лет? Чему его учили? Папа, не очень большой начальник, лихо распоряжался вверенными ему материальными ценностями, следуя правилам ганзейских купцов: «Ты мне сукно, я тебе — мед». В хорошо обставленную квартиру хозяином приглашались только «нужные» люди. Разговоры о сделках велись при сыне. Мама, работавшая в торговле, припрятывая дефицитные товары, сбывала их втридорога, после она объясняла суду: «Ради единственного сына...» Добыть, достать, легко нажать — такая атмосфера в семье рождала иждивенчество, вседозволенность. Сын не знал слова «нельзя». Сын рос бездельником, эгоистом.

Василий Кузьмич часто думает над тем, почему нынче родители столь щедры — бездумно, залихватски щедры на просьбы своих отпрысков? Семья Борейши рано осталась без главы дома. Василий рос без отца. Ведь и его мать, и матери его сверстников всегда откладывали самый лучший кусок для детей. Но этот кусок был жизненной необходимостью, а не манной небесной. И его мать радешенька была купить обновку для сына и дочки. Но и у сына были обязанности — помогать матери, сестре, потому что по-другому нельзя: он единственный мужчина в доме. А за обновки и материнские подарки он «платил» сверх того: усердием, хорошими отметками. Семья меряла свои отношения добросердечием и разумными требованиями.

Зато и мир для юного Василия Борейши не замыкался на новой курточке или ботинках. Мир звенел от лозунгов испанских патриотов, волновал именами Чапая, Челюскина, Стаханова, настороженно прислушивался к шелесту фашистских знамен на далеком западе. И в сердце мальчишки крепла святая вера в величавость подвига, крепла отвага, рождаемая справедливым восприятием этого прекрасного и яростного мира. Эта отвага и бесстрашие потом совладали с самыми большими страхами на полях боев и преодолели их...

Зимой 1945 года в польском городе Ливиче-Николаи танк, в котором находился стрелок-радист Василий Борейша, врезался в отступавшую фашистскую механизированную колонну и разнес ее вдребезги. Последовал приказ по радию: двигаться к железнодорожной станции, преградить дорогу вражескому эшелону с вооружением, техникой и боеприпасами. Разделалась с ним танковая пушка — пальнула по набравшему пары паровозу, а заодно задела несколько платформ с машинами и орудиями. Не дали танкисты выйти эшелону со станции.

Но и фашистская пушка не молчала. Один из снарядов угодил в «тридцатьчетверку», загорелись боеприпасы. Экипаж вынужден был покинуть машину и укрыться в здании станции.

Борейша уже добежал до ближайшей двери, когда в танке раздался взрыв. Он упал, тяжело раненный в живот, ногу и обе руки. Механик-водитель Ломов и наводчик Драчев подхватили его, внесли в здание.

Он пришел в сознание в госпитале. И первое, что увидел — тщательно забинтованные обе руки, которые стали намного короче... Кистей не было. Долго потом хирурги трудились над тем, чтобы вернуть рукам утраченные функции: разделили локтевую и лучевую косточки, и получились клешни.

Сколько их Василий тренировал!.. Заставлял клешни держать карандаш, выводил на бумаге буквы и цифры, упражнял несуществующие кисти в самых различных движениях. Он научился заново писать. Не каллиграфия, разумеется, но почерку Василия Кузьмича некоторые даже завидовали. Друзья его, ветераны, получая от Борейши поздравительные открытки, демонстрируют их на встречах с ребятами в школах, когда проходят уроки мужества...

Выписали его из госпиталя через полтора года, и он уехал на Урал, в Каменск-Уральский, где жили мать с сестрой. Пришел он в мирную жизнь с восемью классами образования, что успел окончить до войны. Стал работать, учиться в вечерней школе. Поступил в юридическую школу, потом — в институт. Жена его, Людмила, тоже не отставала: получила специальность экономиста на заочном факультете института народного хозяйства. Жизнь как жизнь: работа, семья, двое сыновей. Старший, Дмитрий, стал кадровым офицером, поступил в военную академию. Младший, Михаил, тоже пошел в военное училище.

Работая судьей в Челябинске, Василий Кузьмич возглавляет еще городскую группу ветеранов 3-й гвардейской танковой армии. Лектор, постоянный консультант по юридическим вопросам на одном из челябинских заводов — умными, нужными делами заполнена его жизнь.

...Смотрел Василий Кузьмич на подростка, сидящего на скамье подсудимых, и жаль ему было до боли в сердце этой исковерканной судьбы. Ничего-то он не сумел в свои семнадцать лет добыть своими руками. Здоровье — и то сумел растерять: хилый, бледный. Вино, безделье искалечили его душу. Как он будет дальше жить, сумеет ли выстоять, если на него самого падет беда? Да ведь она уже пала...

— Вам, подсудимый, предоставляется последнее слово...

НАЙДИ СВЕРШИВШИХ

● Имена на обелиске

Станица Куринская протянулась вдоль дороги из Майкопа на Туапсе. В сорок втором году здесь шли тяжелые бои. Мальчишки до сих пор тащат в школьный музей осколки, стреляные гильзы, заржавевшее оружие, солдатские медальоны. Не раз находили следопыты и останки солдат, polegших на этой земле. Так был найден боец Николай Новицкий — имя на этот раз четко определялось в сохранившемся вкладыше солдатского медальона. И это имя хорошо знакомо жителям станицы.

...Два полка, вернее, то, что осталось от них, с боем прорывались к своим. Огнем, штыками пробивали себе дорогу, обливались кровью, тащили тяжелораненых. В балке под самой станицей Куринской путь преградил вражеский пулемет — он строчил с точным прицелом, неумолимо. И тогда поднялся боец. Не смог он гранатами заглушить пулемет — тот, не прекращая, поливал огнем, — солдат закрыл его своим телом... Это был гвардии старший сержант 82-го стрелкового полка 32-й дивизии Николай Михайлович Новицкий. За этот подвиг ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Давно известен подвиг, давно отмечен высшим признанием матери-Родины, а прах героя только недавно перенесен в центр станицы, где под обелиском более чем с тремястами именами покоятся многие погибшие здесь солдаты. Одних помог найти военкомат, у других до сих пор обнаруживаются случайные могилы, третьих опознали с помощью солдатских медальонов — и не всегда сразу: приходится станичным следопытам обращаться к московским криминалистам. Иной поиск идет и по два года, и по пять лет.

И появляется новое имя на мраморной плите обелиска, полнится скорбный список...

● ИЛ-2 со дна озера

В группу ленинградских аквалангистов «Балтика», которой руководит диспетчер аэропорта Пулково Юрий Давыдов, входят люди разных профессий: слесарь Александр Чабан, дизайнер Михаил Корчилов, сотрудник милиции Александр Горячев, инженер Игорь Чистяков и другие. Это не просто группа спортсменов ДОСААФ, она еще и поисковая.

Маршруты экспедиций аквалангистов проходят по местам боев Ленинградской и Псковской областей, на Ладоге, Карельском перешейке. Объекты — озера, в глубинах которых со времен войны остались лежать погибшие советские самолеты. Выбор мест поиска подсказывают архивные данные, старые газетные публикации, воспоминания очевидцев, сведения, собранные следопытами-школьниками.

Вблизи озера Большой Иван на Псковщине проходили большие бои. Со дна его аквалангисты подняли обломки двух самолетов П-2; кое-что из найденного передано в музей местной школы. Со дна озера Белое поднял штурмовик ИЛ-2, после реставрации он займет место на постаменте в парке «Сосновка». На озере Светлое отыскан истребитель И-153. «Чайка» — так в годы войны называли эту машину — пополнила экспозицию музея военно-воздушных сил Ленинградского военного округа.

Подводный поиск сложен и опасен: илистость озерного дна затрудняет работы, на глубинах ожидают всякие «сюрпризы» вроде неразорвавшихся снарядов... Но аквалангисты продолжают свой трудный поиск. Цель его — не только поднять машины, орудия и другую технику, но и восстановить имена до сих пор не известных погибших героев.

● Укротители «тигров»

Три юбилея сразу отмечали в прошлом году следопыты Курского кооперативного техникума. Праздновалось тогда сорокалетие победы на Курской дуге. Будущие кооператоры отмечали вместе с этим десятилетие своей поисковой работы. И, наконец, в техникуме состоялась пятая, тоже в некоторой степени «юбилейная», встреча с ветеранами 3-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады. Воины бригады в 1943 году встали на пути лавины фашистских танков на Курской дуге.

На встречу с учащимися прибыл Хасан Кудиев из Самарканда, из Ленинграда приехала целая группа ветеранов, из Красноярского края — Г. И. Атаманюк, из Находки — Я. Р. Бондарь... Особенно желанным гостем оказался на этой встрече А. В. Пузилов — единственный оставшийся в живых артиллерист из батареи Г. И. Игишева.

Об этой батарее маршал Г. К. Жуков писал: «Сильный удар приняла на себя батарея капитана Г. И. Игишева, которая за один день уничтожила девятнадцать танков противника. Все воины этой героической батареи погибли в бою, но врага

● Школьники села Чернавы Липецкой области нашли поржавевшую металлическую пластинку, обозначающую местоположение одной из фронтовых братских могил. На пластинке значилось: «Здесь похоронены летчики-орденоносцы...» Ребята восстановили историю их подвига, написали родственникам.

● «Битва на киришской земле» — так называется книга, написанная следопытами Киришского ГПТУ № 216 по инициативе военрука училища подполковника в отставке А. Д. Савильного. В ней 115 страниц текста, написанного на пишущей машинке, фотографии, схемы, карты, материалы боевых действий на территории района во время Великой Отечественной войны.

● Учителю Ивану Семеновичу Ярцеву из деревни Новосолдатка Воронежской области низко кланяются при встрече матери и вдовы... Более сорока односельчан, числившихся без вести пропавшими, отыскал учитель и следопыты школы. Кстати, И. С. Ярцевым и его помощниками проделана еще одна важная работа: составлен «Местный топонимический словарь».

● На деньги, заработанные в летних лагерях, при сборе металлолома и макулатуры, учащиеся школы № 20 в селе Вяземском Хабаровского края поставили памятник выпускникам школы, погибшим на полях Великой Отечественной войны. Памятник изображает журавлей, устремленных в небо.

ПОДВИГ!

не пропустили». Нет, не все погибли, один остался в живых: артиллериста Пузиковца, тяжело раненного, контуженного, подобрала идущие в контратаку наши бойцы.

На одной из высот под Курском смотрит в небо шпиль памятника артиллеристам, и стоит на постаменте уцелевшее орудие № 2242 — то самое, из батареи капитана Игишева...

● Нашелся герой-земляк

Богатую экспозицию собрали следопыты Николаевской школы Одесской области под руководством учителя истории Федора Николаевича Кравченко. Именно они отыскали скелет мамонта, который хранится сейчас в палеонтологическом музее Одесского университета — пролежавший в земле 25 тысяч лет, он оказался единственным хорошо сохранившимся скелетом древнего животного, найденным на юге Украины. В двух больших залах Николаевского музея хранится много любопытных экспонатов: каменные топоры из древних поселений, свидетельства борьбы запорожцев с турецкими поработителями, имена первых членов РСДРП в районе, портрет моряка с броненосца «Потемкин», копия письма Ленину крестяна, первыми в губернии выполнившими продналог...

В застекленных витринах одного из залов бережно хранятся свидетельства подвига советских солдат, отстоявших страну от фашистских полчищ. Одно письмо на листочке из школьной тетради особенно дорого ребятам. Это письмо написали две пожилые женщины-ростовчанки, которые были свидетелями героического подвига.

Семь лет следопыты искали могилу своего земляка из ближайшей деревни Скосаревы Владимира Кравца. И все, что знали ребята из рассказов однополчан солдата, совпадало с тем, что видели женщины. Гитлеровцы рвались к Сталинграду. На небольшом участке дороги движение фашистов застопорилось: из-за силосной башни бил пулемет, враги никак не могли прорваться сквозь его плотные очереди. Когда пулемет умолк, фашисты нашли у раскаленного орудия всего одного человека...

В письме, пришедшем из Ростовской области, сообщалось, что при перезахоронении воинов в общую братскую могилу, в останках была обнаружена патронная гильза с запиской: «Владимир Устинович Кравец, 1917 года рождения, комсомолец, Скосаревский сельский Совет Одесской области».

Это письмо завершило поиск. Могила героя найдена.

● Строки

из сорок первого

Стреляных гильз в заполярной земле — целые россыпи... Лежат они со времен жестоких боев, уже более сорока лет. Одна из таких винтовочных гильз была обнаружена молодыми воинами, несущими сегодня службу в Заполярье. Гильза была закупорена. Осторожно — все-таки весточка с войны! — ее открыли и извлекли покрытый плесенью клочок бумаги. Несмотря на попорченные края, ясно прочитывались многие буквы, выведенные простым карандашом: «Терехин ...ан Гаврилович родился в 1921 году. 8.9.41 года». На обратной стороне записки, очевидно, был адрес: «...азахстанская обл. Приишимского района село Надежка. Терехиной Вар... Николаевне».

Когда воинам подразделения вслух были прочитаны эти строки, дошедшие к ним из сорок первого года, все, как по команде, сняли шапки...

Запрос был послан в политотдел Северо-Казахстанского областного военкомата. Из бывшего Приишимского района, ныне Булаевского, пришел ответ, что в документах райвоенкомата Терехин не значится. Не найдена также Терехина В. Н.

Поиск, который начал капитан II ранга В. Кошечев, продолжается.

● Наследники Аннаджамал

...За восемь километров от поселка Геок-Тепе стояла украшенная революционными лозунгами кибитка Аннаджамал Хыдыр-кызы. Она обучала женщин грамоте, водила их к врачу, рассказывала о новой жизни. Глухой ночью расправились враги с Аннаджамал — первой в Геок-Тепинской волости коммунисткой, уполномоченной по работе среди женщин, делегаткой I съезда женщин Туркменской ССР.

События эти полувековой давности восстановлены архивными документами. Копии документов хранятся ныне в школе Геок-Тепе, носящей имя Аннаджамал Хыдыр-кызы.

В свое время Аннаджамал агитировала женщин из окрестных аулов объединяться в ковровые артели. Сегодня в Геок-Тепе в ковроткачестве заняты сотни мастериц, изделия их известны не только в нашей стране, но и за ее пределами.

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

● Осенью сорок первого года в районе заповедника Аскания-Нова на Херсонщине был заброшен десант парашютистов из пятнадцати человек — все они были схвачены карателями и расстреляны, не выдав врагу целей десанта. У каменной стены в старом ботаническом парке установлен памятник, изображающий советских воинов перед казнью. Но имена их до сих пор не установлены. За поиск взялся следопытский клуб «Родина», его адрес: г. Херсон, Приднепровский парк, Дворец культуры и техники текстильщиков.

● Следопытами штаба «Поиск» при музее московского комсомола на Красной Пресне обнаружена возле здания Министерства геологии неразорвавшаяся бомба, оставшаяся с 1942 года. Не разорвалась она потому, что внутрь корпуса был заложен вместо взрывчатки... песок, там же обнаружен чешский словарь. Совершенно очевидно, что где-то на фашистском заводе, работавшем для нужд фронта, вели диверсионную работу чехи-интернационалисты.

● Старшеклассники 23-й тбилисской школы прошли по кавказским перевалам, где части Красной Армии мужественно сражались с отборными горнострелковыми дивизиями фашистов, сорвав тщательно разработанную операцию «Эдельвейс». На Марухском перевале школьники установили мемориальную доску с надписью «Защитникам перевалов Кавказа».

ПАРУСА

Владислав
КРАПИВИН

ТАЙНЫЕ ПИСЬМЕНА

В моей комнате висит старая штурманская карта Канарских островов. Эту карту подарил мне Евгений Пинаев — моряк, художник, литератор, человек, видевший многие земли и судьбы. Он привез ее из своих плаваний.

В центре карты — остров Тенерифе (или, как писали раньше, Тенериф). Он похож на топор без рукояти. По кромкам этого «топора» — россыпь экзотических названий городков, крепостей, маяков. Посреди острова — знаменитый Тенерифский пик. Изображенный гравюрными линиями рельефа, он выглядит выпуклым, как на модели.

Я как-то спросил:

— Жень, ты видел этот пик?

— Видел. Правда, он чаще всего закрыт облаками...

Я завидую. На Канарских островах я не был. Знаменитую гору — белый конус, поднимающийся выше туч, видел только на литографии в старинной книге о плавании вокруг света российского транспорта «Або». И скорее всего никогда не увижу в натуре — ни в облаках, ни без... Но все же у меня с Тенерифским пиком кое-что связано в жизни. Одно из важных открытий.

Это было в давнем послевоенном детстве. Я, девятилетний, читал книгу «Навстречу гибели» — о плаваниях Лаперуза. В самом начале этой повести рассказывалось, как члены научной экспедиции прибыли на остров Тенериф и решили подняться на пик. Раньше там не бывал ни один европеец. Проводники из местных жителей довели путешественников до половины и дальше идти отказались. Они боялись. Они говорили, что выше, на отвесных скалах, сохранились какие-то древние тайные письма. Кто их увидит — обязательно погибнет.

Путешественники двинулись вверх одни. Они не верили в эти письма. Но письма были.

Я отчетливо помню эту фразу: «Но письма были». Она ударила по мне с силой неожиданного, но радостного открытия...

Как ни странно, в те времена нам в школе говорили, что Земля вдоль и поперек исследована, век открытий остался в прошлом. Переделывать землю, побеждать природу — это пожалуйста, а открывать уже нечего. В книге речь шла о давних событиях, но короткая строчка почему-то встряхнула меня; и тайны и неоткрытые земли на планете есть до сих пор!

А главное — возникло смутное ощущение, которое я — тогда мальчишка — не мог объяснить словами. Позже объяснил себе это так: каждый человек должен в жизни

встретить свои тайные письма. И не бояться их, а прочитать. Чтобы достигнуть задуманного...

Я хотел рассказать о Евгении Пинаеве, а пишу о себе. Но здесь есть, видимо, связь. Пинаев кажется мне именно тем человеком, который прочел свои тайные письма и нашел свое призвание. Хотя это было очень нелегко.

...Как-то он дал мне старую общую тетрадку — свой детский дневник. Я прочел за один вечер эти полторы сотни страниц, написанные в сорок седьмом году почерком не очень прилежного шестиклассника. Прочел сразу, потому что детство Жени Пинаева в казахстанском городке Щучинске во многом было похоже на мое. Это во-первых. А во-вторых, потому, что написано это удивительно живо. Уже тогда хозяин тетрадки писал заметки и рассказы, посылал их в «Пионерскую правду». Заметки иногда печатали.

«Может быть, когда вырасту, я стану писателем?»

А еще ему очень хотелось стать моряком. На парусниках!

А еще очень любил рисовать.

«Кем же я буду?»

...Теперь у Жени Пинаева, бывшего шестиклассника из Щучинска, за спиной тысячи и тысячи морских миль, пройденных и на промысловых судах и на парусных; и сотни полотен, на которых люди, берега, корабли разных стран (одна из его картин называется «Путь в неведомое»; когда смотришь на идущий в ущелье парусник, снова вспоминаются тайные письма на скалах...) Скоро выйдет его книга, а он уже закончил вторую и работает над третьей.

Много всего? Да. Но чего это стоило... И самое главное, что и впереди, наверное, будет не легче. Но будут удачи, как у всякого человека, который сумел прочитать то, что ему написано на роду, и знает, чего хочет...

Это не биография, и здесь невозможно рассказать, как художник стал моряком, как моряк — автором повестей и рассказов и как все это сделало человека тем, кто он есть. Я просто вспоминаю старые узкоплечные кинокадры, снятые осенью шестьдесят седьмого года. Барк «Крузенштерн» попал в Северном море в ураган (тогда погибло несколько иностранных судов). В ленты изодраны многоярусные паруса — их не успели убрать. Пенные горные хребты идут на четырехмачтовый парусник, который развернуло лагом — бортом к волне, — не слушается руль. Сумрачно лицо капитана, вцепившегося в поручни ходового мостика. И надо выдержать, надо делать свое дело. И еще надо успеть снять все это кинокамерой. И запомнить, чтобы написать потом картину «Циклон». И чтобы рассказать читателям... Он все это сделал — как всегда, спокойно, с крепкой моряцкой хваткой.

Теперь, через шестнадцать лет, в безопасной береговой квартире можно без волнения смотреть старую кинохронику.

Так ли уж без волнения? Моря не стали спокойнее. В них по-прежнему режут ураганы и гибнут корабли...

ВОСПОМИНАНИЕ О СЕВАСТОПОЛЕ

Эти заметки я пишу в вагоне, когда мы с Евгением Пинаевым возвращаемся из Севастополя. У каждого из нас — и порознь, и вместе — с этим городом в жизни связано очень многое. Начать с того, что мы, два свердловчанина, познакомились именно в Севастополе, на палубе четырехмачтового гиганта «Крузенштерн». Я привел на этот парусник приехавших со мной мальчишек из отряда «Каравелла», а Евгений в те времена ходил на «Крузенштерне» матросом. И, конечно, художником, хотя официально такой должности на учебно-парусных судах нет.

Знакомство состоялось при самой романтической обстановке — среди черных, уходящих в темно-зеленое небо мачт, под круглой луной, разливающей над Северным рейдом яркий, просто какой-то оглушительный свет, среди бородатых и вооруженных флибустьеров (на барке шли съемки фильма «Рыцарь мечты» о юности Александра Грина). Был 1967 год.

Сейчас мы вспоминаем тот вечер на палубе с улыбкой — чуть снисходительной и, может быть, даже немного иронической. Но в глубине души рады по-настоящему, что случилось это именно так: словно судьба сделала маленький подарок, подстроив такую встречу людям, «помешанным на море и на парусах».

После этого мы с Женей не раз бывали в Севастополе. Встречи с этим городом всегда приносят ощущение долгого спокойного праздника. Белизна улиц, синева громадной волны, скопление корабельных рубок, труб и мачт в бухтах, суровое спокойствие памятников и береговых крепостей, желтые слоистые обрывы, заваленные грудами ползучего терновника и дрока, смех загорелых мальчишек, бегущих к морю прямо из школьных дверей, — все это радость. Но радость молчаливая, с примесью тревоги и печальной памяти. Потому что большой кровью оплачена эта солнечная жизнь. Кровью людей из многих-многих краев нашей страны, в том числе и с Урала. И трудом Урала она оплачена. Урал с давних времен отливал для Севастополя пушки и ковал якоря...

Город у моря оживает на картинах и этюдах Пинаева. Да простят меня читатели за банальность выражения, но он действительно оживает. Я ощущаю ласковость осеннего солнца и шероховатость камней, когда смотрю на пинаевскую «Корабельную сторону». Слышу смех матросов и стук их ботинок по ступеням, когда вижу «Таврический спуск». Чувствую запах травы, водорослей и сухих камней при взгляде на его «Херсонес». А сумрачность древних извилистых лестниц в пешерном городе Инкермана! А прохлада солнечного тумана над Северной бухтой, сквозь который проступает громадный рангоут стоящего на якорю «Крузенштерне»!

Эту последнюю картину — «Северный рейд. «Крузенштерн» — Пинаев только что подарил друзьям в Севастополе. И есть своя логика в том, что она висит сейчас в комнате моряка, парусного капитана, среди фотографий, кораблей, штурвалов, морских раковин и штурманских карт, которые здесь вовсе не романтические сувениры, а детали настоящей флотской жизни — радостной и трудной...

Пожалуй, больше всех черноморских полотен Пинаева я люблю «Воспоминание о Севастополе», на котором мало конкретных деталей, но зато особенно сильно возникает ощущение города в целом — Севастополя на протяжении двух веков его жизни.

...Память — штука хитрая. Иногда она путает страницы и услужливо приоткрывает те, которые кажутся более подходящими в данный момент. И я не уверен полностью, что именно в тот ноябрьский вечер семьдесят первого года у Пинаева родилась мысль об этой картине. Но теперь кажется, что это было так. По крайней мере, сам Женя не отрицает этого.

Вечер был спокойный и довольно теплый для поздней осени. Мы стояли у Памятника затопленным кораблям — Пинаев, я и несколько свердловских мальчишек, приехавших в Севастополь на осенние каникулы. Мальчишки притихли. Они впервые видели такой закат над морем.

О севастопольских закатах написано много. Они замечательные и очень разные. Этот боролся с облаками, которые старались придавить его к горизонту. Он окрашивал груды облаков то в огненные, то в тускло-багровые тона, и они светились — выпуклые и многоярусные, как паруса нахимовских линейных кораблей. Земляничное солнце скользило в щель между багровой тучей и горизонтом, стремительно раскатало по морю оранжевую дорожку и быстро утонуло. У Минной пристани и на рейде запели горны сигнальщиков — спуск флага. И мы

вернулись домой — в большую комнату гостиницы «Севастополь», что в конце Приморского бульвара.

Очень скоро закат за окнами погас, к стеклам приклеилась глухая ночь, которую изредка прокалывал красной иголкой далекий маячок. Море забеспокоилось, стало вздыхать и ухать у паркетов набережной, — пришел осенний ветер. Намотившиеся за день мальчишки поспыпали в постелях. По полу тихо стучали клешни — это из тумбочек выползли и разбрелись по комнате крабы. Ребята наловили их в Карантинной бухте, чтобы увезти домой. Наши с Женей доводы, что крабы не приживутся на Урале, не действовали. Мальчишки клялись, что создадут невольным переселенцам райские домашние условия: разболтают в ваннах и аквариумах соль, разведут водоросли...

Под это шелканье клешней, дыханье ребят и шум моря мы с Женей долго разговаривали о городе, о его кораблях и людях, о фильме «Малахов курган», который смотрели еще мальчишками, — о фильме прекрасном и суровом, как вся история Севастополя. Было тихо, спокойно, и в то же время где-то рядом стояла тревога. Словно тот красный закат погас не совсем, и отблески его собрались в игольчатом свете маяка...

А потом появилась картина. Колонна памятника с орлом и огненное небо, закат, перерастающий в тяжелые паруса боевых линейных кораблей. И сполохи на горизонте, и суровое красное море. Теперь картина эта висит в морском отряде «Каравелла». И ребята помнят, что паруса бвывают не только белыми, а море — не только синим.

Но все это было потом. А после той ночи мы занялись обычными делами. Мальчишки, огорченные сонным (а точнее, полудохлым) состоянием крабов, вняли голосу рассудка и выпустили пленников в защищенной от волн бухточке. И стали собираться домой. Пинаев помог нам доташить до аэропортового автобуса добытый на корабельном кладбище трехпудовый штурвал. А сам остался в Севастополе матросом на двухмачтовой шхуне «Испаньола» — той, что мы видим в фильмах «Остров сокровищ» и «Робинзон Крузо». Тогда «Испаньола» была еще на плаву, а не служила баром для курортников на Ялтинской набережной. (Обычай превращать старые парусники в кабаки — явление бездарнейшее и оскорбительное для флота, но это особая тема.) Пинаев жил на шхуне около месяца, а после этого написал картину «Флибустьеры».

БАРАБАНЩИК НА ПРИЧАЛЕ

«Флибустьеры» — иллюстрация к Стивенсону. И вообще к морским романам, легендам и разудалым пиратским песням. Это откровенно озорная, по-мальчишечьи дерзкая картина. Недаром многие «серьезные» ценители живописи и даже коллеги художника воспринимают «Флибустьеров» как какой-то вызов или выходку. Что тут сказать? Не для них эта картина написана. Друг Пинаева художник Аркадий Охлупин (когда-то они вместе ходили на «Крузенштерне») однажды в сердцах сказал такому «ценителю»:

— Да вы что, сами никогда не были мальчишкой?!

Эта картина для мальчишек. Для тех, кто не занят погоней за техасскими штанами и японскими магнитофонами, не растерял свою веру в «дальние страны». На недавней выставке Евгения Пинаева ребята составляли чуть ли не половину посетителей. Иногда они приходили не вовремя, но и тогда всякими правдами и неправдами пробрались в зал мимо суровой вахтерши. И разноцветные паруса отражались в их распахнувшихся от радости глазах...

Есть понятие «детский писатель», но выражения «детский художник» я не слышал. Впрочем, по отношению к

Пинаеву оно и не было бы точным. Он не иллюстрирует детских книжек, картины его далеки по теме от школьной и пионерской жизни, и едва ли он думает о ребятах, когда работает над очередным холстом. Но мальчишки с беззаботностью детской интуиции моментально признают в нем своего — в этом молчаливом человеке с внешностью сурового боцмана, так же похожем на педагога, как якорь Холла на фарфоровое блюдо. Почему? Наверное, потому, что они одинаково смотрят на мир. Видят его ярким, загадочным, зовущим в «неведомое», совсем не похожим на плоские черно-белые фотографии, которые напоминают порой взрослое бытие. Логика жизни — на стороне этих ребят и художника. Умение видеть мир удивительным, разноцветным, обещающим открытия — это не только признак детства. Это черта любого талантливого, деятельного и бескорыстного человека.

Бескорыстие — признак настоящего искусства.

Я помню, как Пинаев, чтобы порадовать ребят из отряда «Каравелла», расписывал в длинном полуподвале на Уктусе стену картинами географических открытий. Высота росписи два с половиной метра, ширина — больше десяти. Потом отряд ушел с Уктуса, и домоуправские маляры замазали все это ровной благопристойной краской. В неуютной комнате старого особняка, куда судьба на время забросила «Каравеллу», Пинаев написал на штукатурке мальчишек со шлагами, воюющих с многоголовым драконом. Не сохранилась и эта роспись. Тогда в новом штабе «Каравеллы» Пинаев снова взялся за кисть. Теперь с широкой стены прямо на зрителя срываются стремительные чайки, несется многомачтовый клипер, плещут через каменный причал зеленые штормовые волны. А на причале лицом к морю — крепкий решительный моряк и тоненький мальчишка-барабанщик, которому еще предстоит познать нелегкие дороги в океане...

ЦЕЛЬ ХУДОЖНИКА

Итак, мы едем из Севастополя... Город только что отметил свое двухсотлетие. Он еще хранит следы праздника. Плакаты на улицах, сувениры в киосках, выставка художников в Севастопольской галерее, посвященная юбилею. Хорошая выставка, только жаль, что художники в основном местные. А если бы со всего Союза? Севастополь дорог всей стране...

Я подумал, что черноморским картинам Пинаева было бы самое место там, в прекрасном белом здании у моря. И еще подумал: там никто не говорил бы ему об «отрыве от местной тематики», о «несовременности», об «излишней романтизации», об «отсутствии уральского колорита».

А потом подумал: почему? Почему талант и темы художника должны определяться милицейским штампом прописки? Почему, живя на Урале, обязательно писать только сизые увалы под пасмурным небом и торчащие из-за лесных гребешков трубы? Таких пейзажей есть немало, и авторам их не приходит в голову, что Урал в сто раз многокрасочнее их полотен, а трубы давно перестали быть символом индустриальной мощи и только засоряют атмосферу.

У Пинаева достаточно и уральских полотен. Но и на них — праздник света: яркость осенней листвы, серебримость воздуха над речными просторами. Дело, однако, не в этом. В конечном счете роль и значимость художника определяются не конкретными темами. Так же как и не числом наградных дипломов и не академическими званиями. Я снова вспоминаю недавнюю выставку Пинаева, радостные улыбки взрослых и восхищенные глаза ребят. наших, уральских. Они научились шире смотреть на мир, стали добрее и честнее. Не это ли — главная цель художника?

Вспоминаю и глухое недоумение людей, которые считают, что романтика — это что-то для оформления ин-

терьеров в приморских барах. Она, мол, слегка украшает жизнь, но изменить в жизни ничего не может. Что эти люди могут предложить в живописи взамен? Изошренность техники, за которой ни грама мысли, ни капли живого чувства? Сомнительную оригинальность абстрактных композиций, которые якобы отражают современность? Плоский рационализм полотен, напоминающих раскрашенные фото?

Эти «ценители», стоя у пинаевского автопортрета «Когда прощаешься с морем», могут долго рассуждать о размерах написанной чайки или светотени на кожаной куртке, но не умеют взглянуться в глаза человека на этом портрете.

А глаза говорят, что без романтики, без парусов нельзя. И человек, прощаясь с морем, уходя на берег, уносит свое море с собой. И будет море с ним, где бы он ни жил, кем бы ни стал.

Именно это ощущение моря, постоянной и полной жизни заставило Евгения Пинаева взяться не только за кисти, но и за перо писателя. Сначала рассказы и статьи, потом повести — о флоте, о товарищах, с которыми плывал. О мальчишках, влюбленных в корабли. Одна из первых статей оказалась подписанной: «Е. Пинаев, штурман дальнего плавания». Он был очень раздосадован этой ошибкой редактора, будто невольно приписал себе что-то незаслуженное. Нет, он не был штурманом. Был матросом, судовым плотником, работником рыбного цеха на промысловой плавбазе, боцманом. Учил юных курсантов нелегкой азбуке матросского ремесла. И всегда был настоящим Моряком. Моряком с большой буквы, влюбленным во флот тружеником морских дорог и промыслов.

И пишут ему, матросу, плотнику и боцману, со всего света друзья-моряки. Пишут проселенные штурманы и старые известные капитаны. Недавно пришло письмо от капитана Букина. В шестидесятых годах он командовал баркентиной «Меридиан», на которой они вместе с Пинаевым ходили вокруг Европы.

«Сейчас идем на Кубу, — пишет он, — а через рейс наш газавоз «Кемгус» ставят на капремонт, и будут на судне монтировать два аэродинамических комплекса по сто квадратных метров каждый».

Аэродинамические комплексы — так называют современные паруса. Паруса-крылья. Не склонность к экзотике, а сама логика жизни возвращает к ним моряков. В этой логике романтика летящих парусов, жестоких ветров и трудных дорог среди волн не красивое приложение, а неизбежная часть существования в море. Впрочем, только ли в море?..

Я знаю, что среди мальчишек, видевших картины Пинаева, растут люди, которые этих дорог не боятся. Увидят в них не только риск и тяжкий труд, но и радость. Свое призвание, и благодаря этим картинам таких людей будет больше.

На 1—3-й страницах вкладки произведения Евгения Пинаева.

**БУРНЫЙ
ПУТЬ ДОМОЙ...**

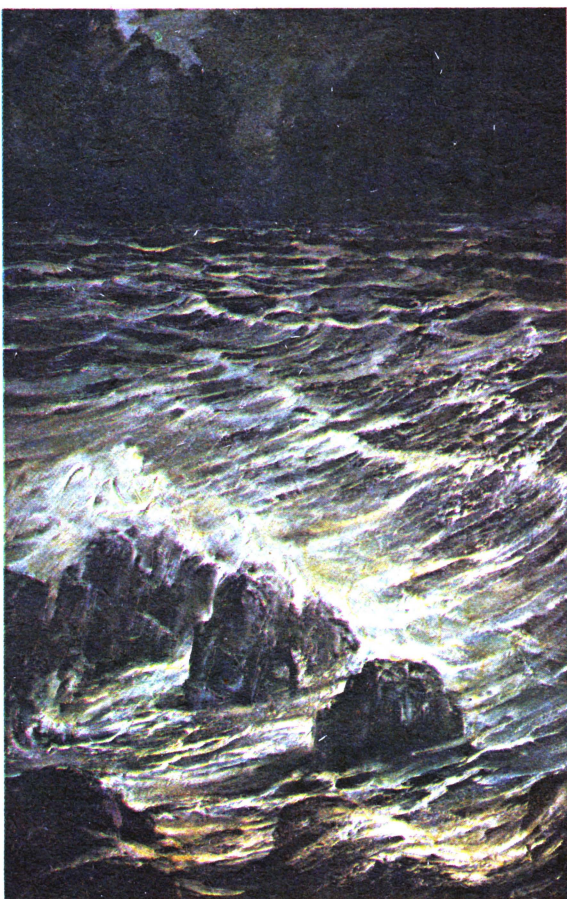
ОСТРОВ КОМАНДОРА.

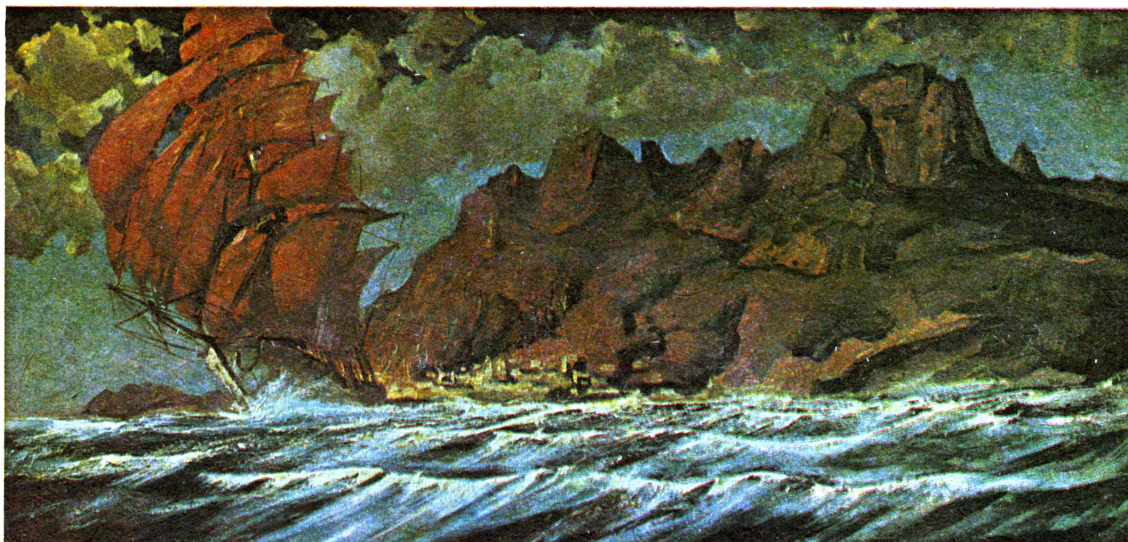

СЕВАСТОПОЛЬ.
КОРАБЕЛЬНАЯ СТОРОНА.

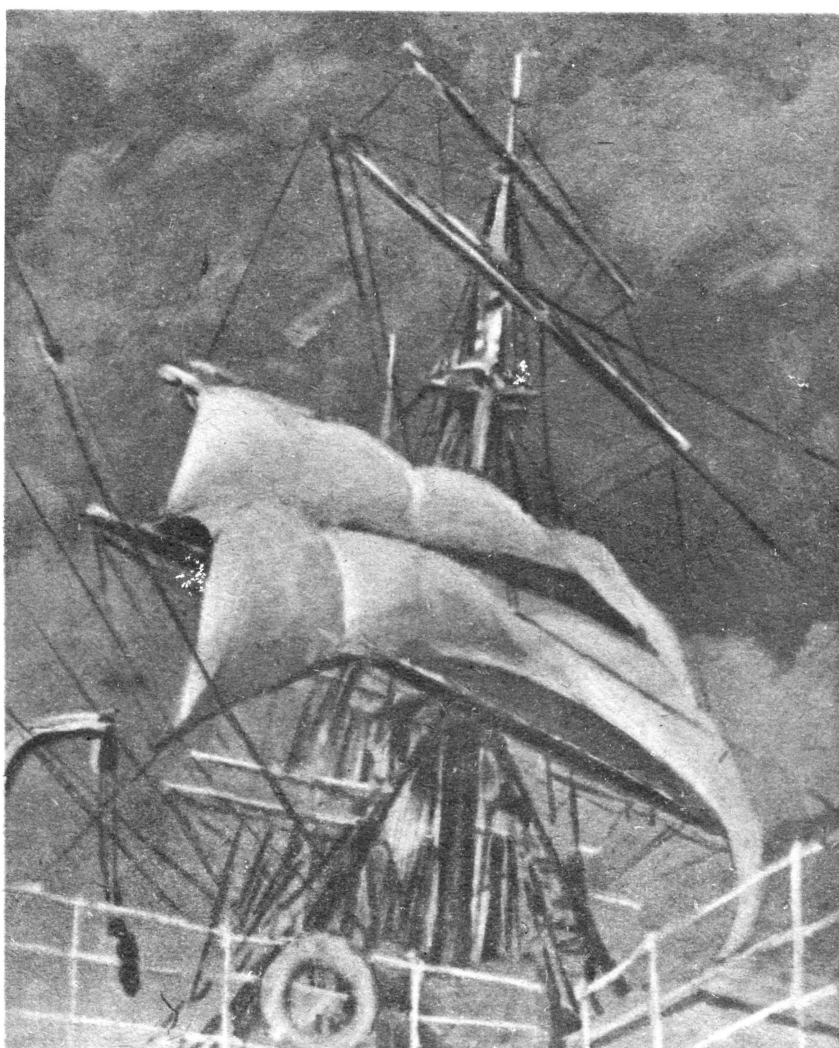
РИФЫ.

ОСЕНЬ В ЛЕСНИЧЕСТВЕ.

КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ.

ГРОТ-МАЧТА.

ПУТЬ В НЕВЕДОМОЕ.

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА 1983 ГОДА
ЮНЫЕ ГЕОЛОГИ УРАЛА И АНСАМБЛЬ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕСНИ «БАЛЛАДА».

В комиссии по делам первооткрывателей и массовым геологическим походам производственного объединения «Уралгеология». Георгий Борисович Зайцев (сидит) и Виктор Николаевич Соляник дают консультацию юным геологам.

ЮНОШЕСКОЙ ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА ВИДНЫЕ УСПЕХИ В РАЗВИТИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА УЧАЩИХСЯ ПРИСУЖДЕНА ПРЕМИЯ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА 1983 ГОДА.

РЕБЯТА ИЗ ЮНОШЕСКИХ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРТИЙ, ЭКОНОМЯ ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ ГЕОЛОГО-УПРАВЛЕНИЙ, ДЕЛАЮТ ПО ИХ ЗАДАНИЯМ ОГРОМНУЮ ПОЛЕЗНУЮ РАБОТУ. ЭТА РАБОТА ОЧЕНЬ ЭФФЕКТИВНА. ИМИ ОТКРЫТО НЕМАЛО РУДОПРАВЛЕНИЙ, ЗАЛЕЖИ ЯШМ, ОБЛИЦОВОЧНОГО МАТЕРИАЛА. ВЕДУТ РЕБЯТА И БОЛЬШУЮ ПРИРОДО-ОХРАНИТЕЛЬНУЮ РАБОТУ.

Лауреатами стали — знаете сколько? — двести сорок тысяч ребят! Именно столько мальчиков и девочек из городов и районов Свердловской области приняли участие в этом необычном движении за два с половиной десятилетия — с тех пор, как оно зародилось. А зародилось оно в 1958 году, по инициативе Иркутского обкома комсомола, призвавшего молодежь к массовым геологическим походам. Прошлый год у юных геологов был юбилейный.

На Урале юношеское геологическое движение получило самое мощное развитие. Не трудно догадаться почему. Сами природные условия способствовали этому, во-первых. Во-вторых, создание ребячьих геологических партий было подготовлено давно сложившимися традициями: еще до войны, в 1938—1939 годах проводились в нашем крае экспедиции за полезными ископаемыми.

Председатель Центральной Уральской комиссии по юношеским геологическим походам, главный геолог производственного объединения «Уралгеология» Борис Алексеевич Попов добавил бы к этому: «И еще потому движение у нас стало таким мощным и массовым, что это дело настоящее — не игра». «Труд, а не игра в труд!» — стало девизом для мальчишек и девчонок со значком «Юный геолог Урала».

Романтическая профессия — геология. Многие так себе и представляют: палатки на красивых полянах, ручеек рядом журчит, зачаровывающие языки ночного костра, соловьи или жаворонки на рассвете поют, транзистор бормочет... Ходи себе по лесу или тайге, любуйся природой...

Как на подобную идиллию смотрят юные геологи, которые из года в год ходили и ходят в настоящие маршруты?

Ребята из свердловской школы № 130 сказали бы так: «Мы узнали, что палатка может быть мокрая до основания, комары мешают дышать и глядеть — не то что работать». Участники ЮГП Свердловского Дворца пионеров признались бы: «Какие мы были беспомощные в своем первом походе: не знали, как костер развести, об обеде и речи не было — как его готовить?!» Юные геологи из отряда «Полюс» в Нижнем Тагиле стали бы разъяснять: «Надо знать, что такое, например, мыть шлихи... Килограммы рыхлой породы повернешь, а в результате столько-то граммов отмытого шлиха. Волдыри на ладонях... Сидишь часами на корточках с лотком, под тобой грязь болотная, еще и сверху, бывает, льет, как из ведра».

А рюкзаки за спиной? А по пятнадцать километров в день? Монотонные, надоедающие остановки, чтобы сделать запись в пикетажке? Попробуй не записать, у какого пикета, из какой закопушки, в скольких метрах от базисной линии взят образец, — геологи тут же скажут: «Положи там, где взял».

Терпение, усидчивость, сноровка, внимательность, тяжелый труд — вот что такое черновая работа геолога. И, конечно, знания. Это не шутка, что геологических наук насчитывается целых сто двадцать...

Ребята из юношеских партий многое умеют: опреде-

РАЗВЕДКА, ВПЕРЕД!..

**Нина
АНДРЕЕВА**

Фото на 4-й стр. вкладки и в тексте
А. Лыскова.

лить горную породу или минерал, разбить профили, провести магнитоисследования и радиометрические наблюдения, бить шурфы, обработать материалы полевых экспедиций, ставить палатку, развести костер в любых условиях...

С чего начинается геолог? Как им становятся?

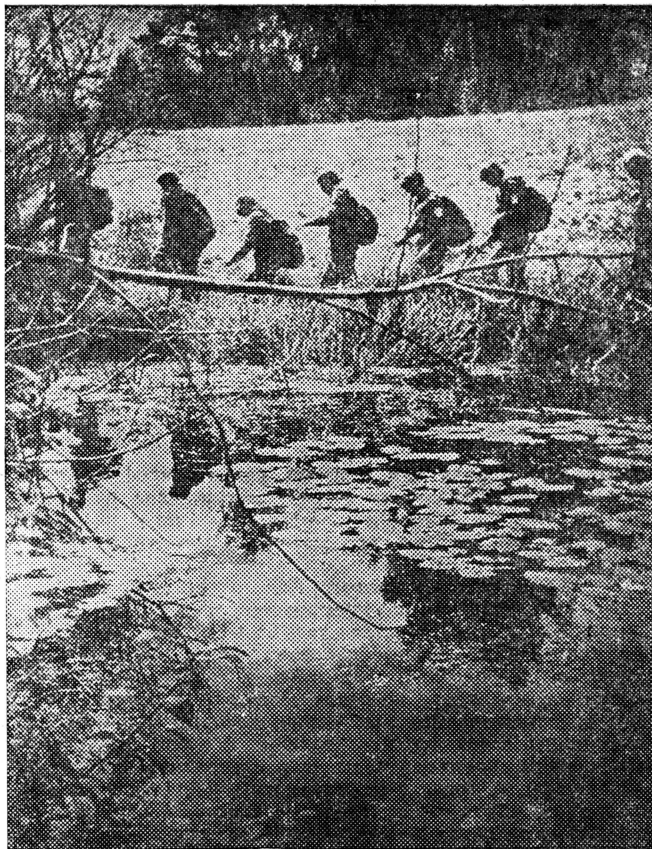
Бывший участник юношеских геологических походов Михаил Сандраков так рассказывает о себе: «Помню, меня поразило, что железо добывается из «каменя»: я окинул взглядом комнату, посмотрел в окно на улицу и представил, что вдруг не стало железа... И не смог себе этого представить! Все мои камни, которые я собирал, превратились с тех пор в сокровища. Все они были зарегистрированы, пронумерованы, а в специальной тетрадке, против цифр, я, тогда еще неграмотно, написал названия: «песчаник», «булыжник», «каменная соль»... Скоро я стал не похожим на своих сверстников. Нормальные деги играли во дворе в прятки, пинали мяч, а я собирал рюкзак, складывал туда лупу, компас, геологический молоток, запас еды и уходил ни много, ни мало... искать месторождения».

Михаил уже заканчивает геологический институт. Сколько же их, бывших «юных», стали настоящими геологами, горняками, настоящими специалистами!.. Алапаевцы, североуральцы, тагильчане, верхнепышминцы, карпинцы, свердловчане... Перечислять — страницы не хватит. Еще больше тех, кто выбрал другую профессию, разве в этом дело? Трудно перечислить и все заявки, поданные ребятами в Государственную книгу первооткрывателей, — их много! И месторождения юные геологи открывали, и не одно. На их счету записаны новые проявления яшм, хрусталей, полиметаллов, известняков, парагнейсов, кварцев...

Главное — даже не в открытиях. Ежегодно в целом по Уралу экономический эффект от работ, сделанных ребятами-геологами, составляет двадцать пять — тридцать тысяч рублей; если сложить эти суммы воедино, за все годы наберется больше полмиллиона.

Юношеские отряды дают богатейшую информацию. Они описывают обнажения, проводят геофизические и геоботанические работы, проверяют заявки на полезные ископаемые. Шлихи, отмытые в летних полевых экспедициях, и собранные ребятами валовые пробы подробно рассматриваются взрослыми специалистами, данные сопоставляются с архивными материалами. Все это позволяет геологам сделать результативный вывод по изученному району: есть или нет здесь полезное ископаемое или то, что сопутствует ему, стбит или не стоит заниматься этим районом — можно отложить на несколько лет вперед изучение его, или практический интерес подстегнет заняться им прямо сегодня...

Работа юношеских партий — не просто практическая помощь. Это разведка. Уже не говорят, как прежде, что юные геологи работают там, где у взрослых специалистов не хватает ни рук, ни времени; профессионализм и подготовка ребят за все эти годы выросли настолько, что им, как коллегам, поручаются задания оперативные, важные.

«Мы выполняем задания Высокогорской геолого-разведывательной партии. В районе Северки искали рудопроявления хромитов, в Ново-Лялинском районе проверяли заявку на агаты. А в прошлом году мы обнаружили залежи красивого поделочного камня — пьезонтита — под Тагилом и заявку на него сдали в «Уралкварцсамоцветы». Это наше открытие...» — так говорит о своей работе тагильчанин Андрей Чуднов.

«Целью нашей экспедиции на Кудряво-Каменский участок было описание обнажений, а также поиск ишмоидов. Мы выполнили его. Экономический эффект — полторы тысячи рублей», — такой отчет дает о полевых работах юношеской геологической партии Свердловского Дворца пионеров ее участник Женя Аксенов.

Саша Гасанов и Паша Токмаков из 130-й свердловской школы могли бы рассказать о многолетних успешных работах на поиск яшм, или о найденных калиевых сиенитах, которые будут использоваться как облицовочный материал при строительстве Свердловского метро...

Так что дела эти ребята вершат самые серьезные. Не зря они стали лауреатами: уже сейчас, будучи еще детьми, школьниками, они приносят ощутимую пользу государству.

А если говорить о лауреатах, то с премией Ленинского комсомола надо поздравить не только ребят. Что бы они смогли без руководителей, без наставников?

Им — самые горячие поздравления! Николаю Алексеевичу Мамину, руководителю Первоуральской ЮГП, Сергею Григорьевичу Карякину из Нижнего Тагила, Вилорию Анатольевичу Спицыну из Кушвы, Людмиле Сидоровне и Юрию Григорьевичу Крежевских и Галине Сергеевне Черноскутовой из Свердловска, Владимиру Эдуардовичу Келлеру из поселка Бобровка Сысертского района — всем-всем учителям, геологам, которые учат ребят и дружбе, и жизни, и профессии.

Редко бывает повод похвалить тех, кто находится «на самом вершине». Штаб всей юношеской геологической работы в области — комиссия по делам первооткрывателей в производственном объединении «Уралгеология». Многие годы работают здесь секретарь комиссии Георгий Борисович Зайцев, его помощники Эсфирь Ароновна Левина, Виктор Николаевич Соляник. Их усилиями, энтузиазмом, их любовью к делу и детям оплачена сегодняшняя награда. Из любительского, развлекательного дела выросло мощное профессиональное движение. Это они направляют всю работу юношеских геологических партий, готовят и проводят слеты; это они добились, чтобы ребята партии стали признаны трудовыми бригадами, работа которых засчитывается как участие в летней трудовой четверти.

Вот к ответственному секретарю комиссии по делам первооткрывателей и массовым геологическим походам Георгию Борисовичу Зайцеву мы и обратимся с вопросом:

— Каковы задачи юных геологов на ближайшее будущее?

— Прежде всего мы сейчас нацеливаем наших питомцев на поиск полезных ископаемых, необходимых для выполнения Продовольственной программы, — такую задачу ставит партия и время. Второе: среди объектов, имеющих важное геологическое значение, есть уникальные памятники, сделать их опись, взять под охрану — тоже по силам ребятам. Третье: хотим поручить им составление словаря месторождений, рудников, присковок. Такие словари на Урале были изданы более ста лет назад, содержат много неточностей. Между тем тысячи старых месторождений, не представляющих сейчас никакого промышленного интереса, могут дать анализ залегающих, установить общие закономерности, и тогда старые выработки, шахты, старательские отработки будут работать на сегодняшний день.

Стало быть, опять вперед, юные разведчики недр! Успеха, удачи вам!

«ПОТОМУ ЧТО ЭТО БОЛЬШЕ, ЧЕМ МЫ...»

**Ирина
КОРНИЕНКО**

— Извини, я буду на ты, мы ведь одногодки, и думаю, чувствуем какие-то вещи одинаково... Я люблю самокопания и всяческие самобичевания, я весь первый курс жила в «тоске», знаешь, ведь это сейчас модно среди студенчества... И я не знала, как найти выход, как найти себя. Хорошо, что я вовремя остановилась, правда, так бывает — кто-то, так и не найдя себя истинного, уходит в снобизм, дутое эстество, отрицание ради отрицания... А когда понимает, что шел ложной дорогой, — уже поздно. Так вот, я вовремя услышала «Балладу» и полюбила ее.

Это слова участницы клуба политической песни Натальи Мухлыниной. Наташа — студентка 5-го курса факультета иностранных языков СГПИ. Она из «стариков», которых осталось в «Балладе» немного. Она и переводчик на полставки в одном из технических учреждений города. Она же (не побоюсь добавить к этому блестящему списку) — по вечерам моет полы (что тоже студентам не возбраняется в принципе). Итак, две работы, диплом плюс «Баллада» — я думаю, читатель разрешит мне время от времени давать слово такому человеку.

Начну с главного. Есть в сегодняшнем репертуаре «Баллады» «Песни на площадях» с такими строками:

Из всех пространств огромных и квартир,
Из гневных глаз, из кулаков вздетых,
Из всех гортаней — всепланетно — мир!

Эта песня была написана Еленой Любавиной на стихи Я. Белинского, опубликованные впервые 20 июня 1983 года «Комсомольской правдой». В июне появились стихи, в августе родилась песня. Елена Владимировна объяснила это просто: «Если нужна песня о том, что сегодня волнует каждого, а такой песни нет, — надо ли ждать, когда ее напишет кто-то другой?» Именно актуальность подсказала целый «блок» таких песен. Песен, в которых звенит тугая струна современности: это «Тени прошлого» и «Комсомол» на стихи Е. Нефедова, «Жизнь» на стихи М. Гали и совсем свежая «Гренада».

Песня, по словам В. Хара, — очистительный ветер, пламя, объединяющее нас для борьбы. А сегодня главной стала борьба за мир. И как можно оставаться в стороне, как можно не присоединить свой голос к голосу мирового протеста? Скажу по совести — такого яркого голоса, как у «Баллады», я еще не слышала. Я говорю о позиции и позитивной программе.

Что же такое политпесня?

Ответы даны участниками «Баллады».

— Современная политическая песня — это зеркало настроений прогрессивно мыслящей молодежи планеты. Считаю, что нельзя жить, не чувствуя своего времени, не участвуя в нем позитивно.

— Политпесня — это приобщение к молодежному движению всего мира. Хорошо чувствовать себя не одиноким, вносить свой вклад в общее дело.

— Это не только музыкальное и художественное образование, это школа политучебы, если хотите, школа гражданской нравственности.

«Баллада» — клуб политической песни факультета иностранных языков педагогического института г. Свердловска. У коллектива, которым вот уже четырнадцать лет руководит Е. В. Любавина, — Почетные грамоты ЦК ВЛКСМ и обкома комсомола, Почетный диплом международного союза студентов, дипломы лауреатов Всесоюзных фестивалей политической песни в Риге и Тольятти.

В 1983 году «Баллада» стала лауреатом премии Ленинского комсомола.

— Политпесня сделала меня оптимистом. Я научился шире смотреть на вещи, отделять главное от второстепенного.

Каждый молодой человек, взрослея, делает выбор: иметь ли активную жизненную позицию или уйти в тень личностных и потребительских интересов. Нет сомнения, эти ответы давались людьми, которые уже сделали свой выбор: активная жизненная позиция — это дух «Баллады». И это не просто слова. Спеть так, чтобы тебе поверили, можно лишь при одном условии — верить самому. Есть такие аудитории, где с ленцой и усмешкой витает в воздухе расплывчатое: «Ну-ну... Чем вы собираетесь удивить нас?» Но на последней песне концерта и такая аудитория поднимается с мест и скандирует вместе с «Балладой».

Представь себе термин «комсомольские песни». Что ты видишь при этом? Первую узкоколейку, на которой по три смены подряд вкальывают комсомольцы? Или — элегантно одетого, сытого юношу, бодрим голосом объявляющего следующий номер? Печально, но существует и тот и другой вариант. И происходит это от излишней заданности, официальности исполнителя, который поет не потому, что понял и принял суть и дух комсомольской песни, а потому, что убежден — «так легче». В песне же легкого пути нет. И я не намерена отказываться от комсомольской песни только потому, что кто-то ее спел неискренно — я, скорее, возьму и сама спую комсомольскую песню, да так, чтобы мне поверили! И ты тоже. А это, между прочим, и есть моя борьба — борьба с образом бодрого сытого юноши на сцене.

Четырнадцать лет назад Елена Владимировна Любавина, человек активный и разносторонний, имеющий за плечами два высших образования — музыкальное (консерватория) и педагогическое (СГПИ, факультет иностранных языков, немецкое отделение), осуществила свою мечту — с группой энтузиастов-студентов «иняза» организовала ансамбль политпесни. Сначала он никак не назывался и не был клубом, а просто собирались ребята и пели, как это принято сейчас называть, «классику политпесни» — песни Сопротивления, песни прогрессивных зарубежных авторов и коллективов. И пели, естественно, на немецком, французском и английском языках.

Через год появилось название «Баллада», был организован клуб. Это означало, что участники ансамбля дошли до понимания того, что песню нужно не только исполнять, но и пропагандировать, а для этого нужны не только поющие, но и пишущие, переводящие, рисующие, говорящие, думающие... Впрочем, думающими были все. А главной думой — как сделать молодежное песенное движение более широким, активным, действенным? Шло время — приходил опыт, навыки, знания, шел духовный рост коллектива, а вместе приходила известность.

Так было и будет всегда: пока ты щедро отдаешь душевные силы — они возвращаются сторицей. В много-

численных концертах (сейчас их число достигает 60—70 в год), встречах, поездках находила «Баллада» те «алмазные зернышки», без которых немислимо творчество. И не было усталости от общения с людьми, а было постижение жизни, незримой связи всех и всего.

Начиная с 1975 года «Баллада» включилась в фестивальную деятельность. И не просто включилась, но и стала организатором первого фестиваля политпесни города Свердловска (весна 1975 года).

Фестиваль политической песни — это не просто музыкальное, художественное событие. Это встреча единомышленников, политический форум прогрессивно мыслящей молодежи мира. Какими бы разными ни были его участники, на каком бы языке ни говорили, всем им близок и понятен один язык — язык пропагандистов, язык людей, не умеющих жить равнодушно.

«Баллада» — ежегодный лауреат фестивалей политической песни в городах Риге и Тольятти. Дважды, в 1980 и 1982 годах, клуб представлял нашу страну на международном фестивале «Красные песни» в городе Берлине. В 1983 году «Баллада» стала лауреатом фестиваля политпесни в Соколове (Чехословакия)...

Интернационализм — громкое слово и для многих какое-то отстраненное, абстрактное... Вот недавно я до хрипоты спорила с двумя ребятами, далекими от «Баллады». Да, говорят, мы это приветствуем и одобряем, а что лично я, где я могу проявлять свое «интернациональное единство»? На собрании? Так там же мои товарищи. В смешанной студгруппе? Так там же учеба. В каком-нибудь воззвании? Так это же бумага! Они и мне не верили, что я как-то «проявлю» интернациональные чувства. А мне кажется, если человек живет только среди друзей, учебы и бумаг, а что там, за порогом, его не касается, то интернационализм здесь ни при чем... Я не хвастаю, я скажу, как было: когда я исполняла «Песню араба» на последнем фестивале, ко мне подошли юноши-арабы и один из них снял с шеи амулет с изображением символа родины и, горячо изъясняясь, подарил его мне... С кем из моих оппонентов случалось такое? Нет, не смотри на меня, я знаю, что быть интернационалистом можно и не исполняя «Песню араба», у каждого свое, и на всех одно главное — не любить себя больше всего человечества...

В нашей стране фестивальное движение получает все больший размах и новые адреса — Новосибирск, Таллин, Ереван, Ленинград, Киев... Одним словом, все больше молодежи примыкает к этому движению, и есть в этом, право слово, «балладова» доля... Клуб не просто участвует в работе фестивалей, но, совершенствуясь, совершенствует. Кстати, именно встреча с единомышленниками на фестивале помогла в свое время «Балладе» изменить, расширить и качественно повысить направленность репертуара. Елена Владимировна, полагаясь на мою тактику, дала мне для ознакомления дневник одного из фестивалей — сугубо личный, со множеством организационных подробностей и переживаний... Однако есть в нем один эпизод, ярко говорящий о переломном моменте в сознании «Баллады»:

«...Мы с удовольствием слушали, как поют и играют чилийцы. Потом они попросили спеть нас. И мы незвестно зачем спели две чилийские песни... Тогда поднялся шум: «Кто вы по национальности?» Мы сказали «русские», был восторг и реплики: «А мы думали — чехи или немцы... Почему вы не поете по-русски, чилийское мы и сами можем спеть, кто споем нам вас?»

Было это в 1979 году. Конечно, не один этот эпизод помог коллективу подредактировать свой репертуар. И раньше были жаркие споры и поиски своего лица, и после еще много разговоров, определяющих позицию клуба, но главное — было понято и достигнуто: коллектив должен представлять свою Родину, доносить ее голос до

сердец молодежи других стран, высказывать и отстаивать СВОЕ мнение СВОИМ голосом в общем многоголосье. Действительно, разве нам нечего сказать?

Если в край наш спокойный
Хлынут новые войны —
Проливным пулеметным дождем...

Есть ли аналоги в мировом песенном арсенале, равные нашим революционным песням и песням гражданской войны?

А песни Отечественной войны, полные священной ненависти и святой любви? Разве есть где-то еще комсомольские, ставшие уже историческими, песни первых пятилеток? Наконец, наши народные русские песни, фольклор, русские напевы, переборы, прибаутки и затяжная, идущая из глубины сердца печальная русская песнь? Из этого богатейшего национального кладеза русской и советской музыки черпают не только наши композиторы; многое в нем еще предстоит открывать и постигать заново... Не потому ли Е. Любавина обратилась к народным русским истокам, и родился замечательный «блок» песен, символизирующих мощь и славу Руси? (Из них «Илья Муромец», «Вечные истины» нашли всеобщее признание.)

Необходимо отдельно сказать о работе Елены Любавиной по творчеству современного латышского поэта Иманта Зиедониса. Имант Зиедонис — поэт лирико-философского плана, но это — поэт гражданский, народный, живо чувствующий радость и боль других.

«Блок» песен на его стихи был задуман как эксперимент. Открывается он песней «Страшнее всего, когда больно другому», и эта коротенькая вещь — символ нравственной программы «Баллады»; зал воспринимает его как свой собственный: я видела, как смущенно оглядывают люди своих соседей — здесь и желание поделиться переполнившими чувствами, и желание принять в себя переполнившие чувства другого. «Мобилизация», содержащая в себе такие слова: «В тихой гавани не отлежаться, не спастись, решивши промолчать, выживают те, кто не боится», была признана лучшей песней второго свердловского фестиваля политпесни.

Может показаться странным, что «Баллада», исполняющая политпесни, обратилась к тонченному, философскому осмыслению мира, к идейным и нравственным исканиям человека... Однако сегодня политическая песня понимается шире, чем песня-плакат, песня-рупор прогрессивных идей. И это связано с самой действительностью: сегодня борьба за души молодежи не может вестись лобовыми средствами, так как сама молодежь стала тоньше, глубже и, я бы сказала, чувствительнее к нюансам... При этом значительно повышается роль психологичности, философии текста, который поется.

Конечно, было много волнений и споров — спорили «за каждую пядь» песенных строк, исполняя впервые, — как-то примет зал! — но восприятие слушателей превзошло самые смелые ожидания, аудитория называла их лучшими.

Сегодня «Баллада» не поет Зиедониса. И не потому, что «старики» ушли, закончили вуз и разъехались по дорогам судеб, что «малыши» еще не выросли и многого не умеют, а потому, что сегодняшний день, как считает Елена Владимировна, слишком напряжен, и в нем важнее не философские поиски, а неоднозначный голос протеста против ядерной угрозы... Это позиция мужественного человека, который сознает задачу момента, хотя бы и очень хотел заниматься любимым делом. «Моим сегодняшним петем Зиедониса пока раню», — это прозвучало очень твердо.

«Текущее состава», однако, не означает непереносимого зла, как мы после сообщения выяснили с Еленой Владимировной, ведь «старики», и в самом деле взрослые, становятся иными, обрывают жизненными проблемами... А видеть, как растут «малыши», знать, что есть и твоя доля в их становлении — это несказанно радостно,

это и есть смысл работы. Текучесть состава не означает и полной изолированности «выпусков» «Баллады» друг от друга. Есть и поющие «старики», есть ветераны, пишущие письма со всех концов страны... Связь поколений не нарушается и в смысле преданности делу: бывшие студенты, став преподавателями в школах и училищах, организуют и там «кусочек» клуба, несут политпесню по дорогам своей географии...

Холодным зимним вечером в «четвертой» (аудитория, превращающаяся по вечерам в репетиционную) состоялось чудо. Восемь лет назад покинул стены института этот выпуск (и институтский, и «балладный»), некоторые по объективным обстоятельствам ни разу не встречались за эти годы, а тут, узнав о высокой награде, не смогли пережить радость в одиночку и решили встретиться. Списались, созвонились... Тридцатилетние Маринки, Наташки, Сереги обнимали друг друга, целовались, хохотали, сдерживая предательский блеск в глазах:

— Мои болеют, тоже достались деточки, из поликлиник не выхожу...

— Работаю как вол, а все неймется... хочу создать что-нибудь эдакое у себя в школе...

— Серега не придет, у него мама заболела...

— Так мы к нему пойдем...

— Елена Владимировна, миленькая, надо же, вы ни чуточку не изменились!

— Девочки, сижу это я в Москве, кормлю сына кашей, вдруг по радио: «Клуб политической песни «Баллада»... Эх, да кабы мне крылья. Ревела после...

«Баллада» перевоспитывает не только маленьких снов и нытиков, ей по плечу положительное воздействие

даже на взрослых. Пример — мои родители. Папа — из скептиков, конечно, бытового плана... Ему трудно угодить, и он всегда найдет повод поворчать. Например, когда я пришла в «Балладу», он с ехидцей протянул: «Еще и попеть решила? Голос, что ли, появился?» И около года вообще ничего слушать не хотел. Мама сходила на две-три репетиции и поняла, наконец, что я уже выросла и не играю в куклы. Решили мы отца «проучить». Каждый год у нас по весне проходят отчетные концерты, где мы показываем наработанное за год... Дело было на ВИЗе, в ДК, снег тогда таял, сыро, холодно... Мама до сих пор хохочет, вспоминая как отец бурчал всю дорогу: «Куда ты меня затащила, чего я там не видел? Уж лучше б дома в тепле посидел...» Все же дошли и в зале на первых рядах устроились. Я подсмотрела в щель — ох и кислая физиономия была у него! — но вот началось выступление, и я позабыла, что хотела петь для отца. Знаешь, когда чувствуешь свое сердце куском сердца всех? Не объясню, это надо испытать — для меня концерт был одной минутой — зал стоял на последних песнях и мне хотелось взять всех за руки и соединить... Папа был потрясен, это я честно говорю, мама плакала и причитала: «Почему вас не слышал сегодня весь мир, это же так хорошо!» В общем — теперь они у меня не пропускают ни одного концерта, и не потому что я — их дочь, а потому, что это — «Баллада»... Ты чувствуешь, я говорю «Баллада» — не «я», не даже «мы», а «Баллада» — потому что это больше, чем мы...

НА СЕМИ ВЕТРАХ ХОЛОДНЫХ

Альберт
ЯКОВЛЕВ

1.

В один из жарких летних дней Генка Елышев сбежал из дому. Встал ни свет ни заря, натянул грубого холста штаны, заплатанную рубашку и выскочил во двор.

Посидел на крылечке, поразмышлял о горькой своей житухе. Мамка года два как померла, отец без нее злой стал: дерется. Жрать нечего. Как жить? А тут Мишка Наумов, дружок закадычный, взял да и позвал с собой в детдом.

— Давай,— говорит,— вдвоем нам весело будет!

Богословский поезд долго тащился меж густых лесов, старые зеленые вагоны глухо дребезжали и постанывали на частых поворотах. Генка и Мишка, при посадке незамеченные проводником, стояли у окна, прижимаясь носами к черному от пыли стеклу, и глазели на мелькавшие за окном редкие домики железнодорожных разъездов, на солнечные просеки и нескончаемые телеграфные столбы. Родной дом уходил все дальше и дальше... А впереди — Надеждинск.

«На-де-ждинск! Надежда есть, значит!» — так думалось Генке.

...Перрон был посыпан мелким шлаком. Станция старая. Как поставили ее в четырнадцатом году при основании Надеждинского завода, так и стоит она.

Переждав, пока схлынет толпа, пацаны через калитку вышли на привокзальную площадь, замусоренную, пыльную. Пробежали несколько кварталов и Мишка остановился.

— Видишь красную крышу? — показал он.

— Вижу.

— Вот это и есть детдом. Ты уж сам теперь. А я побегу, не то заругают.

...Длинная стриженная тетя в белой блузке сидела за линиялым канцелярским столом и перебирала бумажки. Мальчика сразу спросила:

— А справка у тебя есть?

— Какая справка? — в предчувствии худого слотнул комок Генка.

— Ну, из поссовета! Из поселкового Совета!..

— Н-нет, нету!

— Как же я без справки тебя приму? Не могу никак! — развела руками стриженная тетя и зеленые глаза ее посмотрели на мальчика холодно. Он понял, что ничего уже сделать нельзя, что в детдом, где хорошо кормят, ему все равно не попасть.

Так случилось, что весь этот день Генка провел в Надеждинске. До самого вечера, потерянный, бродил он по улицам и всякий раз выходил на площадь. Там был громкоговоритель и голос его был слышен далеко — мальчик волей-неволей шел на этот голос.

Измученный, он заснул на скамейке в сквере. Утром дворничиха растормошила его:

— А ну, малый, подымайся! Тут спать не разрешается.

Генка поднялся, поморщился: ноги затекли на жесткой скамейке, все тело ныло.

Злые люди! Гонят его... И никому нет дела, что второй день уже как ничегошеньки не ел! Как быть? Домой захотелось. Какой уж ни есть, а все-таки дом. Здесь же совсем никого. Генка заплакал.

— Эй, мальчик! Пстой-ка...— Генка похолодел. К нему направлялся пожарный. Медная каска его так и горела огнем. Сейчас заберет! И пожарник действительно взял мальчика за руку и повел к каланче.

— Откуда ты, парень?

— С копей я, дяденька!..

— А чего тут-то потерял?

Генка помаялся, пошмыгал носом и рассказал.

Оказалось, что пожарные не такие уж страшные люди. Хлеба дали и отпустили с миром, посоветовав возвращаться домой к отцу. Генка поблагодарил, отбежал квартала два и только тут, прислонясь к завалинке старого дома, вгрызся зубами в хлебный ломоть.

Вечером Генка был на станции, ждал поезда. На узком перроне толпился разный народ. Генка с любопытством присматривался к уезжавшим, очевидно, как и он, на Богословские копи. Были те мужички-горнячки, загорелые, краснолицые, обожженные северными ветрами. Были и мешочники — мужики и бабы в лаптях, сапогах, крикливые и суматошные. Несытое время!

Генка ждал поезда долго, да зря... Толпа сразу оттеснила его, а какой-то мужик с двумя мешками через плечо больно наступил ему на босую ногу. Сколько ни пытался Генка протолкнуться к замызганым желанным ступенькам, так и не смог попасть в вагон. На другой вечер Генка, опытный уже, не полез в самую гущу. Увидел, что в хвосте поезда прицеплен к пассажирским вагонам красный товарный и — к нему. Широкие двери были сдвинуты неплотно. Гена чуть раздвинул их. Потом поднялся на руках, сорвался было разок, но все-таки зацепился пальцами ноги за порожек и влез в пугающую темень вагона.

Долго ждал, пока поезд тронется. Слышно было, как на перроне шумят и ругаются пассажиры, осаждая вагоны. Генка лежал, помалкивал и радовался про себя. И напрасно. Служащие станции проверяли пути и заодно заглянули в вагон, где он прятался, выловили и сняли с поезда.

По шпалам добрался до станции Рудник. Зашел в дощатое помещение станции, увидел незанятую скамейку под тусклой лампой, сел и тотчас же заснул...

Проснулся под утро от шума. Маленький зал был полон людей. На скамейке в ногах сидел рядом с Генкой незнакомый дядька и задумчиво смотрел на него. Дядька, худющий, в плаще и рыжей кепке на стриженной голове, участливо поинтересовался: откуда да куда? Генка ответил. Дядька покачал головой и — бывает чудеса в решетке! — молча полез в карман, вытянул кошелек, вынул из него бумажный рубль и протянул Генке.

— Возьми, паренек!

Генка распахнул рот от удивления и взял. Билет до Копей стоил 40 копеек. Когда Генка вернулся домой, у него еще оставалось шестьдесят. Уехал ни с чем, а приехал богатеем!

Побаивался встречи с отцом. Обошлось. Отец спал в сенках. Генка тихонько прошмыгнул мимо. Отец проснулся, увидел сына и ничего не сказал. Даже, похоже, обрадовался.

Тем и закончилось Генкино путешествие, неудачный побег из дому, от своей судьбы. Пройдут годы, Генка станет Геннадием Александровичем, уважаемым человеком, но все равно будет частенько вспоминать этот давний случай, свои злоключения, людей, встреченных им в те два дня, разных людей — злых и добрых.

2.

Прошло пять лет. Генка вырос, вытянулся, великаном, правда, не стал... По-прежнему ходил в школу, теперь уже в восьмой. Дружками его неразлучными были в то время Степка Дронов да Осташка Хромов, которого дразнили художником.

— От слова «худож!» — добавлял кто-нибудь из ребят.

Но это было неправдой. Осташка был художником что надо: и картинки из книжек перерисовывал, и с натуры мог. Избыток в себе художнического таланта докажет он в войну, когда нарисует хлебные карточки и попадет за это сначала в тюрьму, а потом в штрафбат, где кровью смоем свою вину.

Дома дела обстояли неважно. Отец женился снова. Мачеху звали Анна Ивановна. Оказалась Анна Ивановна женщиной молчаливой, строгой и совсем не похожей на покойную матушку. Мать так и стояла перед глазами — тихая, ласковая. Анна Ивановна была не такая. И даже не потому, что мачеха, а уж характер такой. С дочкой ее Лидой, беленькой и худенькой, Генка подружился, а вот с мачехой — не мог. Однажды поссорился крепко и «в отместку» не пошел в школу. Прогулял неделю и бросил школу.

Пройдут годы, и Геннадий горько пожалеет об этом своем решении. Через двадцать лет придется ему доучиваться в школе, а затем заканчивать техникум.

Произошло это в 1940 году.

Геннадий поступил работать. Был в то время на Богословских копах сельхозкомбинат, где занимались в основном тем, что сажали картошку. Вот туда разнорабочим и приняли Геннадия. Мечталось ему, будет он в скором времени много зарабатывать, не меньше, чем старший брат Николай. Помаялся этак Геннадий да и решил рискнуть — пойти на разрез.

18 ноября первого военного года Геннадий пришел в отдел кадров добычного разреза. Ему только что исполнилось шестнадцать лет. Дрожал: «Не примут!» Приняли. Люди были нужны. Геннадия офор-

мили без всяких, даже медицинскую справку не потребовали. И сразу же на работу.

В тот же день, в третью смену, Геннадия поставили на выборку. На выборку так на выборку. Геннадий был рад любому делу, хотя и плохо представлял, что ему предстоит. Оказалось, просто. Нужно было дежурить у транспортной ленты и смотреть...

— Увидишь, что не ладно, кричи! — наставлял Кунгуров новичка.

— А чего не ладно?

— Ну, вот ком большой идет, вишь?

— Вижу.

— Так вот и кричи!

— А если не услышат?

— Громче кричи!..

Ночь стояла холодная, в густом тумане. В глухую боченную, за годы прорытую в каменных пластах яму заносило пуржистым ветром острый, режущий снег.

— Околел, парень? — заботливо спросил слесарь Баранов через два часа.

— Да н-нет...

А у самого уже зуб на зуб не попадал. Баранов, хмыкнув, пожалел парня, сходил к костру, набрал горячих угольков и принес их к рабочему месту Геннадия.

Теплее стало. Мерно и громко в морозной тишине шелестела тяжело груженная углем жесткая транспортерная лента. Геннадий ближе и ближе придвигался к своей «печке», пока совсем не согрелся. А как согрелся, заснул.

Разбудил его крепчайший мат. Вскочил встрепанный, огляделся и ничего сразу не понял. Да вот оно что!.. Перекладина, перекинута через движущуюся транспортерную ленту, — «рамка» — была сломана и валялась на снегу. Громадный, негабаритный кусок угля, разломавший «рамку», уплывал дальше по транспортерной ленте...

И в это мгновение Геннадий почувствовал острое жжение на теле. Взглянул и по сумасшедшему закричал на месте: брюки горят, в дырах телогрейки тлеет черная вата, бурки — отцовские бурки! — дымятся. И даже галоши оплавилась. Геннадий бросился в сугроб и завертелся в нем, вздымая снежные искры. Та ночь стала для Генки Елышева рабочим крещением.

В работу Геннадий втянулся быстро. Вскоре из расштыбовщиков перевели его в слесари, и это было хорошо, потому что с «железками» Геннадий сызмальства любил повозиться. Старательность новичка заметили. Не раз хвалил его Подшивалов, начальник разреза. Ласково поглядывал на парня парторг Наталуха. Через некоторое время поставили Геннадия старшим слесарем: в забой теперь посылали уже не по одному, как раньше, а по три слесаря. Так вот Геннадий стал старшим среди них. Нынче он даже представить не мог, как прежде обходился без этой своей работы, без разреза, без людей его — мрачных и веселых, одетых в прокопченные ватники и полушубки.

Был среди этих людей Яков Тупикин — машинист экскаватора. На его машину — не новую уже, давно заглядывался Геннадий, да только грелся изредка в кабине... А так хотелось бы самому сесть за рычаги!

— Яша, а Яша! — однажды робко попросил он. — Может быть, ты поучишь меня, а?

— Чему поучить? — засмеялся Тупикин. — Как лаптем щи хлебать?

— Да нет, на экскаваторе... На помощника бы мне подучиться, а!..

Тупикин придирчиво оглядел парнишку.

Потом сказал:

— Да ведь я, признаться, и сам уже подумывал испробовать тебя. А ты, вишь, первый разговор начал!.. Ну и что ж, попробуем!

Как только выдалась свободная минутка, Тупикин с Геннадием тотчас же и начали «занятия».

3.

Яков Тупикин работал в паре с другим машинистом — Федором Семеновичем Панкратовым. Федор Семенович выдал рекорд: нагрузил 1332 тонны угля. (Лучшие машинисты в то время соревновались за тысячу тонн!..) Едва он закончил свою смену, в траншее появились начальство и единственный в городе духовой оркестр. Панкратову вручили букет цветов и, так как такое случилось у него первый раз в жизни, он страшно конфузился и не знал, куда девать эти торжественные цветы. Стоял грязный, промасленный весь, с лица кумачовый, как транспарант, на котором было выведено огромными меловыми буквами: «Слава передовику Панкратову!», и улыбался широкой счастливой улыбкой. Духовой оркестр играл марши, начальство говорило речи, а в толпе затерялся белоголовый, прокопченный солнцем, угольной пылью молоденький слесарюшка Генка Елышев и жадно внимал окружающему. Разные чувства бурлили в нем: и восторг, и любопытство, и еще что-то непонятное. Только потом Генка понял, что это было желание стать таким же, как опытный умелый мастер.

И если Яков передал ему азы дела, то Панкратов стал его учителем, наставником, которого обожал и боготворил Генка. Часто Генка приставал к нему:

— А сам ты, Федор Степанович, как машинистом стал? Сам-то вот?

Панкратов щурил светлые с рыжиной глаза.

— Не сразу, ясное дело!.. Из деревни ведь я. Есть такая деревня Марьевка под Москвой. Оттуда я, в году двадцать пятом время тугое было! — продал отец корову. За четвертной! Дал мне денег на дорогу и напутствовал:

— Гляди, Федор, не проворонь своего счастья! Шагай смело. Помни: умереть легче, чем прожить. А тебе прожить надо — вот в чем загвоздка! — Вот с таким напутствием и отправился я в дальний путь.

— Это куда значит? — допытывался Геннадий. — Куда «в дальний путь»?

— В Алапаевск я поехал. Работал на заводе кокегаром. Потом женился. Но не пожилось мне там. Уж такое время началось: стройки да стройки везде — первая пятилетка! Вскоре, одним словом, махнул я в Березники — это на Северном Урале, за Пермью, — на строительство калийного рудника.

— Там и на экскаватор?

— Не-е, погоди! Мотало меня много... Сначала землекопом работал, потом на железной дороге. Стрелочником был, сцепщиком... Учиться мало-помалу начал. Курсы слесарей закончил, на паровоз потянуло... Тоже курсы закончил — паровозных машинистов. Да поработать не пришлось: сманил экскаватор. Только-только они у нас появились — чудная штука. Все дивился: прежде-то лопатой приходилось землю копать, а тут на тебе! Так и сманила эта штукавина...

Экскаватор панкратовский был старенький — ЭЖГ-1,5. Рычаги-костыли громадные. Чтобы справиться с ними, нужны крепкие мускулы и обезьянья ловкость. Панкратов, человек в годах, за смену перенапрягался, здорово уставал. Потому частенько доставалось Геннадию управление. А оттого и быстрый опыт, нарождающаяся в себе уверенность, знание.

Панкратов учил его серьезно, как прежде и других своих воспитанников, помогал как мог. Но тут примешивалось особое чувство: нравился ему парень. Сметливый оказался Геннадий, понимал, «чуял» машину, схватывал все с лету. В общем, полюбился он старику. Скупой на похвалу, он обронил как-то: «Будет из парня толк!» Вскоре Геннадия приняли в комсомол...

Как-то секретарь райкома комсомола Влас Лебедушкин спросил:

— Елышев, сколько ты добываешь в смену?

— Полторы тысячи тонн.

— Три давай.

— Не могу.

Но мысль об этом не давала покоя.

Вскоре получил новый экскаватор Э-66, и три тысячи тонн в смену дал...

Это было начало, а впереди была целая жизнь.

Геннадий Александрович Елышев работает на Южном карьере в городе Карпинске. За трудовые достижения удостоен звания Героя Социалистического Труда, ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени, он — полный кавалер Знака шахтерской славы, не раз избирался членом горкома КПСС, депутатом Свердловского областного Совета народных депутатов.

«ВЕДЬ ЭТО ЗНАЧИТ — МЫ ПОЙМЕМ ДРУГ ДРУГА...»

В седьмом номере журнала за прошлый год мы задали нашим корреспонденткам вопрос с подтекстом: «Заметно стремление девушек к «мужской» профессии. Чем это можно объяснить: женщине надоело быть женщиной, или одно другому не мешает?»

Молодые читательницы откликнулись новыми запросами о таких профессиях. Им нужны адреса летных училищ, мореходок, далеко не одной Ольге захотелось за руль... Вот что написала нам одна девушка из Курганской области: «Я тоже решила стать шофером-профессионалом, причем зовут меня тоже Ольга. И я хочу предложить «вашей» Ольге учиться вместе — в СПТУ № 10 города Далматова Курганской области. Я получу профессию всего за восемь месяцев, два из них — практика. При нашем училище есть общежитие, учащиеся получают стипендию».

Ольга из Зауралья поднимает важный вопрос о дружбе единомышленников: «Как здорово найти человека, у которого мечта схожа с твоей! Ведь это значит — мы пойдем друг друга, у нас будут общие интересы. У меня есть маленькая надежда: может быть, Оля решит приехать к нам, будем учиться вместе, да и в училище интересней, чем на курсах...»

Слышишь, «наша» Оля, голос друга?

Желание познакомиться с Натасей С. из Павлодара и Надей Б. из Кунгура заставило взяться за перо еще одну корреспондентку — Лену Н. из Каменска-Уральского Свердловской области: «Эти девочки хотят стать радистками на корабле. Я тоже очень хочу этого. А потому я хочу познакомиться с ними...»

Желание найти друга вызывает с нашей стороны только одобрение. И, будь возможность, мы с удовольствием перезнакомили бы всех! Но не забывайте, что у нас несколько иная постановка вопроса: почему «мужские» профессии так привлекают девчат?

Лена Н. частично отвечает: «Я хочу побывать везде — и в жарких странах, и на далеком Севере, лишь бы только не сидеть где-нибудь в тихом учреждении!»

Безусловно, очень здорово — побывать везде... Тут, конечно, нельзя без кораблей, самолетов и машин. И самый легкий путь «побывать везде» — это сесть за руль, за штурвал. Это связать свою работу с дорогой. Но можно ли всю свою жизнь находиться в дороге?

Света Л. из города Кировска Ворошиловградской области пишет: «Разве можно девушке выбирать такую специальность, чтобы быть постоянно в разъездах? Так не будет счастлива ни она сама, ни ее дети... И вообще, нельзя думать только о себе, надо думать и о тех, кто будет после нас... А если все бросится в дорогу, кто будет воспитывать детей?»

Света и еще несколько девочек спрашивают: где можно получить профессию воспитателя детского сада?

Как видим, есть два противоположных мнения. Кто прав — решать вам, читатели. Редакция просто дает справку: профессия воспитателя — очень нужная и ответственная. Не случайно педагогических училищ, где готовят специалистов этого профиля, у нас очень много. Даем адреса некоторых:

620000 Свердловск, ул. Карла Маркса, 5;

349700 Стаханов, ул. Институтская, 22;

103051 Педагогическое училище № 3 имени Н. К. Крупской, Москва, ул. Садово-Самотечная, 8. Специальность — дошкольное воспитание.

А теперь вопрос к юношам: почему молчите, на чьей стороне вы в нашем споре!

ЯЩИК

С КРАСКАМИ

София
БОЙЦОВА

Отец мой был от природы одаренный человек. Родился он на Урале, в селе Шарташ, в семье староверов-кержаков. Еще в раннем детстве у него проявились способности к рисованию. За рисунки углем на печке отчим жестоко его наказывал... А мать, наша бабушка, из денег, вырученных от продажи овощей и ягод, иногда тайком от отчима покупала для сына тетради и карандаши.

С возрастом страсть к рисованию не проходила. Подростком отец стал работать у шорника и мог себе покупать краски. Юношей он был уже художником-самоучкой.

В этот период судьба свела его с писателем Д. Н. Маминим-Сибиряком. Как-то под вечер отец рыбачил на лодке, неподалеку от берега, рядом в лодке лежали этюды. Дмитрий Наркисович, по-видимому, нередко посещавший эти места, попросил взять его в лодку. Так они познакомились.

Уже известный в то время писатель заинтересовался талантливым юношей и стал для него как бы старшим другом, покровителем. Как-то он подарил отцу полированный ящичек с набором масляных красок и палитрой. На внутренней стороне крышки была надпись: «Юному другу Авксентию Федотовичу Бойцову». Отец очень дорожил этим подарком...

Мамин-Сибиряк считал, что отцу надо обязательно учиться, и обещал ему помочь в этом. Еще кто-то из екатеринбургских интеллигентов вместе с писателем решили за свой счет отправить и устроить художника-самоучку в Академию художеств. Отец был безгранично счастлив...

Но не суждено было этому осуществиться. Решительно воспротивилась мать. В детстве она потакала сыну, считая, что пусть лучше рисует, чем какие-нибудь шалости; когда он стал взрослым — не могла смириться, что из дома уходит «кормилец». Религиозная, властная по натуре, она не хотела слышать никаких уговоров и доводов. Отец же, мягкий, робкий от рождения, не посмел уехать без согласия матери, оставить ее с сестрами-подростками.

Мечта стать настоящим художником разрушилась. Надломленный этим, отец стал пить. Мать постаралась скорее женить его. Пить он не перестал и после женитьбы. Он не обижал жену, за всю совместную жизнь не сказал ей ни одного грубого слова, нас, детей, любил. Но был оди-

нок в своем горе: долгое время не брался за кисти, не подходил к мольберту...

Жили мы в городе. Отец где-то работал, кажется, маляром. Зарабатывал мало, и часть заработка еще пропивал, поэтому мы очень бедствовали. Изредка, если не был пьян, он писал какой-нибудь этюд или небольшую картину, все свои работы дарил знакомым. Мама была очень недовольна этим: «Ты хотя бы для продажи что-нибудь рисовал, все хоть бы на молоко детям лишняя копейка...» Под давлением мамы он стал наскоро малевать кое-что для продажи на толкучке.

Пил отец все больше, все меньше приносил домой. И пришло время, когда он уже не мог содержать семью и ушел от нас. С собой забрал только подарок Мамина-Сибиряка — ящик с красками. Умер он где-то прямо на улице, в Нижнем Тагиле...

Так погиб, может быть, большой талант, задавленный нуждой, всем жизненным укладом. В царской России многие таланты погибали.

Все это я написала еще и затем, чтобы отметить отдельный штрих из жизни Д. Н. Мамина-Сибиряка, характеризующий его как человека. Увы, весь строй, весь уклад старой жизни, да еще безволие свели на нет его добрые усилия...

ПЬЕЗКА

БАРАБАНИЩИЦЫ

Татьяна
САВЧЕНКО

Двадцать три года работает на свердловском заводе радиоаппаратуры инженер Неонила Карповна Скобкарева. Старожилы завода помнят ее девичью фамилию — Сnižко.

Кто видел на сцене или читал пьесу А. Салынского «Барабанщица», знает, что героиню пьесы, отважную разведчицу, звали Нила Сnižко. И наша современница — а ей во время описываемых событий не было и года — тоже Нила Сnižко... Что между ними общего? Или это случайное совпадение?

В 1959 году Центральный театр Советской Армии привез в Свердловск в числе других и спектакль «Барабанщица» — волнующий, интересный. Молоденькую свердловчанку Нилу Сnižко удивило совпадение имени и фамилии ее и героини. А дело было вот в чем.

Автор, тогда начинающий драматург Афанасий Салынский в 50-х годах жил в Свердловске, по соседству с семьей Нилы. Редкое и запоминающееся сочетание имени и фамилии девочки

понравилось Салынскому, врезалось в память. Так он и назвал героиню своей новой пьесы.

...Неонила Карповна Скобкарева-Снижко почти четверть века хранит журнал «Театр» с публикацией «Барабанщицы», где автор написал ей дарственную надпись и пожелание: «Дорогая Нила, люби свою Родину так, как любила ее героиня этой пьесы, твоя тезка».

На снимке: Неонила Карповна Скобкарева (в центре) со своими подругами по заводу.

Снимок В. Фарафанова

В РОЛИ КОЛДУНА

**Александр
РЕЗНИЧЕНКО**

Н. И. Лобачевский был известен как домо-сед: всего несколько раз он покидал Казань.

В 1842 году известный математик вместе с профессором Э. А. Кнорром и астрономом-наблюдателем М. В. Ляпуновым прибыл в Пензу для наблюдения полного солнечного затмения. В это время в городе проходила традиционная ярмарка. И вот среди жителей пронесся слух: приехал колдун, который хочет закрыть солнце на все дни ярмарки, он сговорился с губернатором на «сокрытие» солнца.

Ученым грозила расправа от невежественной толпы. Н. И. Лобачевский был вынужден прибегнуть к услугам местной полиции, чтобы огра- дить обсерваторию училища садоводства от пося- гательств.

КАК ЭТО ОБЪЯСНИТЬ?

**Юрий
ДУНАЕВ**

Волга — одна из крупнейших рек земного шара и самая большая в Европе. От родника у села Волговерховье, что на Валдайской возвышенности, до впадения в Каспийское море ее русло протянулось на 3690 километров.

За многие века кого только не видела Волга. Ее обжи- вали кривичи и меря, мари (черемисы) и мордва, болгары и печенеги, турки и хазары. Стояли на волжских бе- регах русские заставы для защиты Московского государ- ства.

Шли столетия, и вся Волга стала русской рекой, глав- ной улицей России. На торной водной дороге возникли десятки крупных, сотни мелких городов, бесчисленное мно- жество сел и деревень. Как старшие, как отцы и матери стоят Ржев, Ярославль, Кострома, Тверь, Нижний Новго- род, Казань, Симбирск, Самара, Саратов, Царицын, Астра- хань.

Стоят города на волжских берегах, хранят богатую историю. Но вот какая загадка таится в распределении имен крупных городов: что ни город на правом берегу — его название мужского рода, на левом — женского.

Впрочем, Калинин мужского рода, а расположен он на левом берегу. А Куйбышев? Однако надо помнить, что город Калинин — не изначальное имя, так стал он называться с 1931 года, а до того времени именовался женским именем — Тверь. И с Куйбышевом получи- лось так же — город переименован в 1935 году, старое же название его — Самара...

На берегах Волги города возникали в разные эпохи, их основывали разные народы, христиане и магометане, однако неписаное правило соблюдалось.

Большинство городов встали в устьях рек — Тверцы, Костромы, Самары, Царицы — и от них получили наиме- нования. Тверь, Кострома, Самара встали на левом берегу, Царицын — на правом. Нижний Новгород (ныне Горький), основанный в 1221 году, стоит в устье реки Оки на пра- вом берегу Волги...

Саратов был основан в 1590 году на левом берегу Волги. Позднее город стал развиваться на правом берегу как рыбный монастырский городок. После 1674 года сюда же была перенесена и старая крепость. Царицын возник в 1589 году на острове одноименного названия, позднее его перенесли на мыс правого берега реки при впадении небольшой речки Царицы. Да и Астрахань до середины XVI века располагалась на правом берегу, на десять ки- лометров выше современного города.

Чем объясняется все это — почему все города муж- ского рода расположены на правом берегу, а женского — на левом?

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ МИЛЛИАРДОВ ЛЕТ ПОСЛЕ КОНЦА СВЕТА

Павел
АМНУЭЛЬ

Рисунки
В. Меринова

Рассказ

Странно, что я еще живу. Странно, что могу еще чувствовать, желать чего-то.

Я стара. Мой путь — угасание, путь в ничто. Но я была стара всегда, я всегда жила и знала, что всегда буду старой, потому что всегда — просто буду. Опять и опять возвращаюсь к этой мысли, и моя неспособность управлять сознанием означает, что пришел конец. Сейчас? Конец наступил, когда возникла последовательность событий — время. Неумолимое время, беспощадное время, которое сильнее меня и которое несет, тянет меня туда, где меня не будет.

Мне так хочется все вспомнить, понять, как я жила прежде. Я знаю, это невозможно, ведь жизнь моя была бесконечно сложнее, чем я могу сейчас представить, я угасаю, и с этим ничего не поделаешь, я теперь помню и понимаю лишь ничтожную долю того, что могла помнить и понимать в прежней жизни. Когда я была не одна.

Но я помню главное и не забуду, пока не исчезну. Последней будет мысль о них, равных мне знанием и мудростью. Почему? Почему они играли в игру, которая стала их — и моим — концом? Они появились во мне, когда я этого захотела...

...Они появились, когда Джеф захотел выпить кофе. Он оглядел уходящий вниз амфитеатр пультов и стриженные затылки операторов. Кофе уже несли, в этом не было никакой телепатии. Через час Джеф подумает об обеде, и принесут обед. Система.

Он снял с подноса чашечку, поставил ее перед собой на чуть наклоненную поверхность пульта и увидел, как в нижнем ярусе мониторов, пульт второй слева, оператор Хьюз, замигал желтый сигнал. Джеф бросил взгляд на экран общего слежения — огромный, во всю переднюю стену операторного зала. На экране была привычная мешанина из сотен белых звездочек, двигавшихся по обычным для спутников дугам большого круга. Все объекты были опознаны, классифицированы, велись нормаль-

но. Желтый сигнал продолжал мигать, и Джеф перебрал тумблер селектора.

— Первый, — сказал он.

— Сорок второй, — доложил о себе Хьюз, и Джеф увидел сверху, как он подался вперед, ближе к дисплею. — В секторах обзора появилось несколько неклассифицированных объектов.

Сектора обзора вели наблюдение за дальними подступами к Земле. Самыми дальними, на пределе возможностей радаров станции Врангель, что на юго-востоке Аляски. От восьми до десяти тысяч миль.

— Точнее, сорок второй, — недовольно сказал Джеф. — Сколько?

— Было семь, — спокойно отозвался Хьюз. — Сейчас уже восемь.

— Звездочки?

— Нет, кресты. Уже девять.

Звездочками на дисплеях высвечивались активные объекты, которые улавливались по их радиопередачам. Кресты — объекты пассивные, поймать их удастся по отраженным сигналам, задача это сложная, особенно если спутник специально делают из сплавов, плохо отражающих радиоволны. Что там могло быть — в дальней зоне? Несколько метеоспутников, лунные модули, межпланетные автоматы. Стационары висят выше, они все известны наперечет и на дисплеи не выдаются. Ошибка, скорее всего.

— Беру картинку, — сказал Джеф.

Экран монитора перед ним почернел, в правом верхнем углу появились цифры с номером квадрата и величиной углового разрешения. В центре — неяркие белые крестики, их было десять (уже десять, — отметил Джеф), и лежали они довольно кучно, в пределах одного градуса дуги. Новый крестик вспыхнул почти в центре неправильного овала, образованного десятью другими. Растут, как грибы, подумал Джеф, хотя, конечно, ничто там, в космосе, само собой не росло, и появление объекта будто из ничего могло означать, что масса у него поменьше, чем у других, или расстояние до него на сотню миль больше.

Не отрывая взгляда от картинки на дисплее, Джеф допил кофе. Двенадцатый крестик вспыхнул на границе овала. Джеф набрал на пульте кодовые обозначения, обратившись к компьютерам Пентагона с запросом о запусках кассетных спутников. Последовала минутная заминка — системы связи между базой и столицей проверялись на прослушивание, потом шла сверка кодов, контроль правильности обращения запроса, правомочность самого запроса и еще несколько стандартных проверок, которые предшествовали выдаче центральным компьютером секретной информации. Тем временем в глубине овала загорелся тринадцатый крестик.

Ответ, вспыхнувший на дисплее, заставил Джефа покачать плечами. «Запусков, соответствующих запросу, не производилось, — бежали буквы. — Сообщите причину запроса».

— А пошла ты, — буркнул Джеф. Он, конечно, сообщит причину запроса, да и все остальное со всеми подробностями, для того он здесь и сидит. Но он не компьютер, ему недостаточно минуты, чтобы разобраться в ситуации. Пока же предстояло сделать следующий, согласно инструкции, шаг. Запрос об аналогичных запусках у русских. Ответ последовал почти мгновенно и ничем не отличался от предыдущего.

Джеф вызвал комнату отдыха — его подменяющий, майор Конвей, скорее всего, читал сейчас газеты, растянувшись на диване. В отличие от Джефа Конвей был потомственным военным и имел твердое намерение дослужиться до генерала. Конвей был неплохим офицером, но внутренняя разболтанность, свойство скорее натуры, чем воспитания, не позволила ему дослужиться в его тридцать восемь лет хотя бы до полковника.

— Хелло, Ларри, — сказал Джеф, когда Конвей ответил на вызов. — Ты не против поговорить с зелеными человечками?

— Предпочитаю зеленые бумажки, — хмыкнул Конвей. — Тебе скучно, Джеф? Могу почитать новости из Лос-Анджелеса...

— Погоди, Ларри, — с досадой сказал Джеф. — У меня в зоне обзора тринадцать неопознанных спутников. Похоже, кассета.

Конвей явился меньше, чем через минуту. Джеф успел только передать запросы станциям слежения на севере Аляски и на Гавайях. Конвей молча стоял за спиной, делая свои выводы, и Джеф немного расслабился. Сейчас, подумал он, сейчас все разъяснится и окажется, что это кто-нибудь из гражданских запустил научную аппаратуру без согласования с военным ведомством. Такое редко, но все же случалось. А может, работа союзников? Или китайцы? Служба обнаружения охватывает весь земной шар, но особенно плотно контролируются запуски из определенных квадратов, и возможность прорехи исключить нельзя.

Так, север ответил. База Диллингем на берегу Бристольского залива, в тысяче миль к северо-западу от базы Врангель. Спутники должны были пройти над ними, да и сейчас еще должны быть видны. Конечно, видны. Тринадцать. Углы, азимуты. Числа. Ни к чему, пусть компьютеры переварят. На Гавайи надежды мало, кассета у них низко над горизонтом. Вот и ответ: они даже не смогли фиксировать все тринадцать. Хорошо. Сейчас будет орбита.

Джеф бодрился, но уже сидел в его мозгу червячок сомнений. Не нравилось ему все это. И число тринадцать ни при чем. В зале стояла обычная тишина, однако и в ней Джефу слышался будто шорох мыслей всех сорока трех операторов, беспокойный шорох.

Ощущение было мгновенным и исчезло, потому что Джеф уловил тоненький зуммер тревоги из динамика у левого локтя — почти неслышный, но высотой своей рвавший тишину. Крестики, изображавшие кассету спутников, налились оранжевым соком и запульсировали, а на обзорном экране кассета появилась, обведенная мерцающим следящим овалом. Нанесенный на контур материка, овал закрыл область на границе Аляски и Канады.

Числа, появившиеся на дисплее, не могли, как сначала показалось Джефу, иметь к орбите кассеты никакого отношения. Конвей, более опытный, охнул, и Джеф почувствовал у себя на плече его жесткие пальцы. Орбита была слепой и разомкнутой. Она начиналась в бесконечности и упиралась в поверхность планеты где-то на востоке, эту расчетную точку падения компьютеры пока затруднялись выдать однозначно. Ясно было одно: спутники упадут, а значит, это, собственно, и не спутники, а баллистические снаряды, запущенные с определенной и очевидной целью.

Голова у Джефа неожиданно стала ясной, как океан после шторма, и в ней, как это изредка бывало, наплывали, не мешая друг другу, сразу несколько мыслей. Он вспомнил, как они прощались с Дэйв в Бостоне месяц назад, и мать свою вспомнил — как он ехал с ней в автомобиле из Онтарио в Бостон, и она, уже тогда смертельно больная, давала торопливые и ненужные ему советы. И была еще третья мысль — единственно нужная сейчас. Инструкция.

Действуя согласно этой инструкции, Джеф перевел резервные терминалы в состояние готовности. Весь первый ряд дисплеев — восемь пультов. Каждый из операторов обрабатывал теперь определенный срез параметров кассеты, а Джеф осуществлял общий контроль и должен был принять решение. Если уточненная орбита не даст оснований для тревоги, дело ограничится небольшой нервотрепкой. Во всех иных случаях Джеф, собственно, самоустранился, передавая в Пентагон сигнал общей тревоги и переключивая на

плечи дежурных офицеров в «комнате войны» все дальнейшие решения. Инструкция была четкой.

Конвей сидел, сосредоточенный, за резервным пультом руководителя смены справа от Джефа. Он молчал и не вмешивался. Но он поможет, если будет нужно. Джеф вспомнил, как прошлым летом они ходили — группа офицеров базы — на вершину горы Рац. Это была одна из самых высоких вершин Берегового хребта, на канадской стороне, милях в восьмидесяти к северу от базы. Больше десяти тысяч футов. За те несколько часов, что они карабкались по южному, самому пологому склону, Конвей открылся Джефу с неожиданной стороны, его плечо всегда было рядом, и Джеф сам себе сказал, что с майором стоит сойтись поближе.

Числа на дисплее постоянно менялись, кружились около вполне уже проявившихся значений. Остановились.

Орбита. Нет, не разомкнутая. Очень высоко-апогейная траектория. Большая ось — сто пятьдесят тысяч миль. Почти парабола. Центр эллипса рассеяния лежал где-то в штате Южная Каролина, но разброс достигал Арканзаса на западе и штата Нью-Йорк на севере. На востоке эллипс упирался в Атлантику. Все атлантическое побережье страны было под угрозой. Под угрозой — чего?

Выбор возможностей невелик. Метеоры. Пришельцы. Русские. Не ему, Джефу, анализировать. Но, в общем, и так ясно. Железный метеорный рой такой кучности, массы и такого, судя по отраженному сигналу, высокого содержания металла — ерунда. Впрочем, он не астроном. А там, в Пентагоне, астрономы? Нет, и они тоже обхохочутся, скажи им про метеоры или зеленых человечков, спешащих на Землю в своих тарелочках. Значит...

Мысли, прежде четкие и выпуклые, смялись и закружились. Он должен дать общую тревогу. Ее давали на памяти Джефа только один раз, это была учебная тревога, и руководил ею сам генерал Джулковски, командир базы. Генерала сейчас нет на базе, и решать должен он, Джеф, и тогда цепь замкнется, и все будет, как на учениях, с одной только разницей — все будет всерьез.

Джеф подумал, что пальцы его сделали сами все необходимое, пока он медлил, размышляя о последствиях. «Общая боевая тревога», — бежали по дисплею алые буквы. Он не набирал кода! Джеф посмотрел на свои ладони. Посмотрел на Конвея. Пальцы майора спокойно лежали на клавиатуре. Это он, понял Джеф. Господи, подумал он, господи...

...Если суждено выжить... запомню навсегда... руки Ларри Конвея... спокойный жест...

Джеф знал, что не поступок майора определяет в конечном счете судьбу планеты, что еще

много военных и политиков там, на самом вершине, будут в ближайший час биться над дилеммой войны и мира. Но для него война началась и кончилась здесь и сейчас.

Жить, думал он, жить...

...Жить. Я угасну, но еще есть время. Я должна вспомнить все. Разобраться в себе. Сейчас я могу только строить гипотезы. Подумать только — строить гипотезы о собственном прошлом!

Я знаю, что была иной. Но какой? Я управляла материей с помощью законов, которые сама же и создавала. Я подчиняла этим законам движение частиц, атомов... Атомов? Разве тогда были атомы? И было движение?

Это во мне нынешней, исковерканной, уничтоженной взрывом, есть атомы, частицы, поля. Есть движение, потому что есть последовательность событий. Есть время. Я уже не могу существовать вне времени, у меня едва достает сил проникать сквозь пространство. Что же было, когда времени попросту не существовало? Не могу себе представить. Была я. И были они — разумные, плод моей фантазии, мои создания. Они заполняли меня, и мы были единым целым. Это было прекрасно. Кажется, мы спорили. Должны были спорить, иначе зачем общение? О чем мы спорили? О бытии? О сознании? О действии? Что мы знали о действии? Действие развивается во времени. А время появилось, когда они взорвали свой мир. Меня.

Неужели я никогда не смогу понять, почему они сделали это? Почему своей волей разрушили себя, разрушили меня — разрушили мир? Может, это была одна из наших игр, в которых создавались разные логики и законы, и случилось так... Они, жившие вне времени, захотели создать время, чтобы управлять им...

...Генерал Хэйлуорд четко организовывал свое время и управлял им. В свои шестьдесят лет он выглядел на сорок, а чувствовал себя еще моложе, до сих пор не избавившись от многих привычек, свойственных скорее юному возрасту. Он думал, и не без оснований, что именно молодость духа позволила ему в конце концов стать на вершину армейской лестницы.

Сегодня он собрался с женой в театр на Потомаке — новомодное заведение, о котором говорили, что оно вот-вот прогорит, и которое горело таким образом уже третий сезон, делая рекламу на своем ожидаемом банкротстве. Хэйлуорд вернулся домой рано. Он вернулся бы еще раньше, но его задержала в Пентагоне беседа с полковником Ллойдом. Когда-то они вместе кончали Вест-Пойнт, а потом не виделись больше четверти века. Отделаться от назойливого знакомого удалось с трудом, и теперь Хэйлуорд раз-

драженно копался в ворохе рубашек. Маргарет, впрочем, тоже была не готова, однако ее ждать не придется — она давно приучила себя к мысли, что жена военного должна быть во всем точной. Хэйлуорд не призывал ее к такому самоотречению, но был, конечно, доволен, что в доме у него царит суровый, почти армейский уклад. Трех дочерей Мардж воспитывала в строгости, отчасти возмещая строгостью отсутствие сына.

Разговор с Ллойдом оставил неприятный осадок. Все же он должен был понимать, этот полковник морской пехоты, что беседует не со старым приятелем, а с председателем Объединенного комитета начальников штабов, первым человеком после министра обороны. К чему было перемывать косточки вице-президенту, даже если тот когда-то перешел от демократов к республиканцам? Хэйлуорд не считал унылое постоянство достоинством разумного политика. Умный человек способен предвидеть, способен менять свои позиции, делать их гибкими. В свое время он, Хэйлуорд, был настолько глуп, что позволил упечь себя на несколько тягучих лет в глубинку: слишком упрямо придерживался взглядов, не разделявшихся тогдашним руководством Пентагона. Надо будет поглядеть личное дело этого Ллойда, ему явно пора в отставку, заслужил.

Хэйлуорд выбрал яркую зеленую рубашку с оранжевыми полосами и для контраста — строгих тонов галстук. Низко, басом, будто в тумане, загудел телефон. Это был телефон спецсвязи, и звонил он не так уж редко, но всегда не вовремя.

Хэйлуорд поднял трубку, другой рукой придерживая незавязанную петлю галстука, но говорить не стал, подождал несколько секунд, пока не услышал два тонких гудочка — сигнал, что линия чиста от прослушивания.

— Хэйлуорд, — буркнул он нарочито недобрым тоном.

— Полковник Ричардсон, — представился дежурный офицер. — Тревога-ноль, сэр.

— Еду, — механически отозвался генерал и положил трубку. Он тотчас поднял ее и набрал шестерку. Галстук змеей свернулся на полу.

— Простите, полковник, — сказал Хэйлуорд. — Докладывайте.

— Тревога-ноль, сэр, объявлена службой дальнего обнаружения ПВО по данным станции слежения Врангель. Обнаружена кассета баллистических аппаратов, соответствующих по оцененной массе ядерным боеголовкам от десяти до тридцати мегатонн. Траектория слепая, эллипс рассеяния покрывает восточное побережье с центром в области штата Южная Каролина. Расчетное время поражения — семнадцать сорок две по вашингтонскому времени. По уточненным данным, пуск был произведен пятнадцать дней назад из точки Индийского океана

в пятистах милях к югу от австралийского острова Хэрд.

— Я еду в бункер, — сказал Хэйлуорд.

— Вертолет за вами послан, сэр.

— Министр?

— Возвращается из Хьюстона и сейчас летит над Луизианой. С ним поддерживается постоянная связь.

Хэйлуорд прислушался. За окном нарастал рокот — вертолет с опознавательными знаками Комитета начальников штабов завис над квадратом посадочной площадки перед входом в дом. «Вот и все», — подумал Хэйлуорд.

Все было по плану, разработанному при его, Хэйлуорда, личном участии. Все делалось так, как и должно было делаться в случае неожиданного ракетного удара русских. В душе Хэйлуорд никогда не верил, что план этот может быть пущен в ход в реальной боевой обстановке. Никаких войсковых передвижений, никакой видимой подготовки ни у русских, ни у кого другого, даже у китайцев, в последнее время не было. Просто кто-то, плывущий на чем-то где-то на юге Индийского океана, нажал две недели назад кнопку пуска, и на орбиту пошла кассета, а наблюдатели не чесались. Две недели. Две недели назад Хэйлуорд был с Маргарет в Кэмп-Дэвиде, в гостях у президента, вместе с министром. Они обговаривали бюджет на будущий год, полагая, что будущий год наступит. И Маргарет играла в бридж с Каролиной Купер.

— Мардж! — крикнул он. Жена что-то ответила из своей комнаты, он не расслышал, но заходить к ней не стал. О ней позаботятся, под домом неплохое убежище, хотя если эпицентр окажется слишком близко... Дочери! Вечно они носятся по своим делам, теперь их не отыщешь, и о тревоге они узнают из оглушающего воя сирен.

Хэйлуорд пробежал через дворик. Машина круто пошла вверх, едва он влез в кабину. Он успел заметить, как Маргарет высунулась в окно, и ему даже показалось, что взгляд у жены непонимающий и обиженный.

Хэйлуорд сел к дешифратору — радиogramмы на его имя шли потоком. Станция слежения Врангель. Пропустим. Так. Работа по тревоге. Нормально. Никаких сбоев. Новых запусков у русских нет. Хэйлуорд подумал, что начинает понимать замысел противника. Если русские намерены нанести массированный удар одновременно с этим, единичным, то для пуска ракет с подводных лодок и даже с собственной территории у них еще есть время. Возможно, кассета — умный маневр, рассчитанный на то, что противоракетная система будет ослаблена необходимостью уничтожения этой цели? Уничтожить такие скоростные объекты на очень неудобной орбите — задача весьма тяжелая, и тогда в системе окажутся необратимые прорехи, сквозь

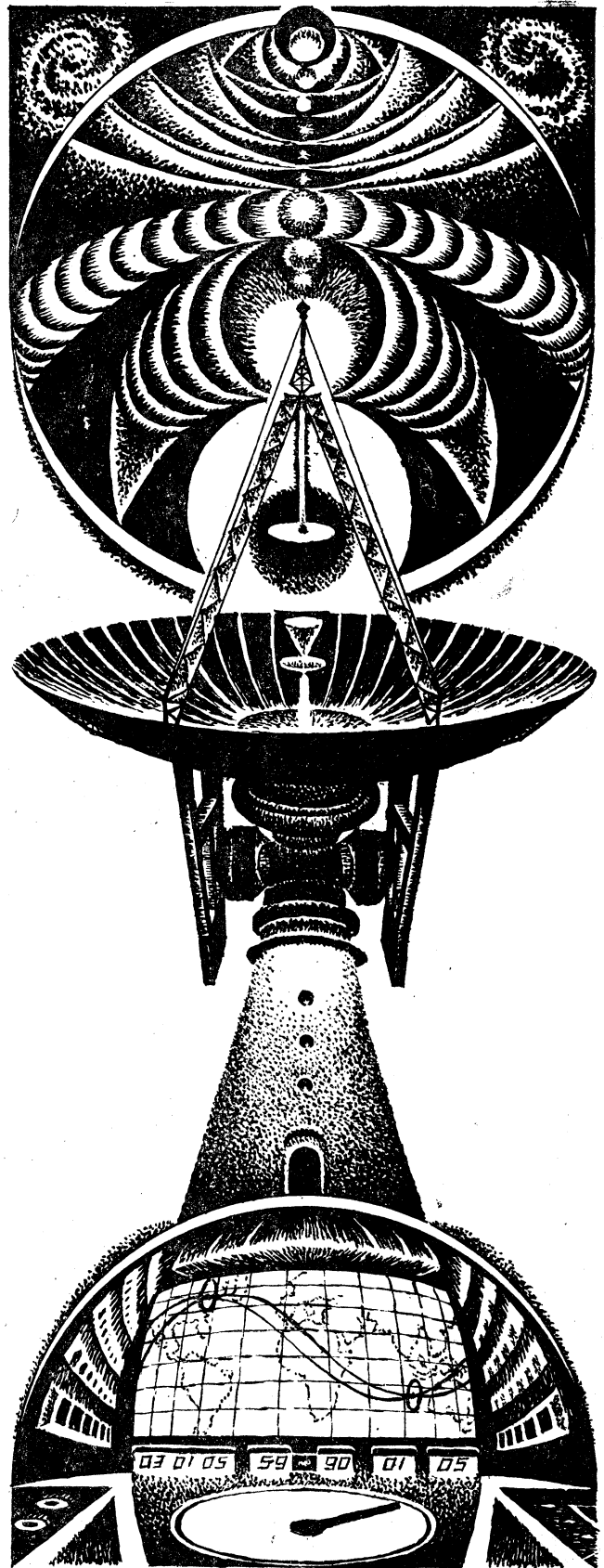
которые и пойдут ракеты среднего радиуса действия. Если все так, то уже две недели там, на востоке, готовы, и в эту минуту раскрываются створки шахт, и в стартовую позицию входят субмарины, и расчет этот безошибочен. Ясно, что генерал Ланс; командующий противоракетной обороной, поднимет в нужное время все, что сможет, потому что иначе кассету не накрыть.

Вертолет пошел на снижение, под ним был вересковый пустырь, на котором, будто бросая вызов генералу, паслось стадо коров. Распугивая животных, машина села у старого двухэтажного коттеджа. Здесь был вход в бункер Комитета начальников штабов, расположенный под бетонными и свинцовыми перекрытиями на глубине трехсот футов.

Хэйлуорд выпрыгнул из машины и застыл. Должно быть, это было наваждение — отзыв перенапряженных нервов — и продолжалось оно, вероятно, доли секунды, но в эти мгновения Хэйлуорд ясно увидел мир таким, каким не видел много лет, кажется, с той поры, когда был мальчишкой и в своем родном Нэшвилле разрывал кротовьи норы. Увидел каждую травинку под ногами, и ползущего по стеблю жука, и корову, мерно жующую траву, и птиц, кажется ласточек, носившихся в безоблачном небе. И трава, и корова, и птицы — все это было в последний раз. Хэйлуорд знал, что если ему и суждено когда-нибудь выйти из бункера, здесь не будет ничего, кроме выжженной земли. Той самой выжженной земли, которая ему нравилась раньше, потому что он имел с нею дело не в окрестностях Вашингтона, а во Вьетнаме, где получил свой первый офицерский чин, и в Никарагуа, где решительными действиями против партизан снискал славу и кличку «железного Сэма». Он ушел и из Вьетнама, и из Никарагуа, не испытывая особого сожаления, даже довольный достигнутым — поскольку шел вверх по служебной лестнице и добивался своего, превращая землю в шлак, — у каждого свой путь, а он, военный, у него путь такой и иным быть не может.

Наваждение исчезло, будто сорвавшееся с высоты сердце ударилось о горячий асфальт и потекло. Хлипкая на вид дверь коттеджа распахнулась, генерал вошел, не чувствуя под собой ног, предъявил личный жетон и направился к лифту, постепенно приходя в себя, возвращая привычный облик уверенного в себе военного, уверенного не только в себе, но и в своей армии, и в своей нации, которая не пожалеет ничего для сохранения престижа и могущества страны. Только так.

Генерал бегом миновал четыре поста проверки — на это ушла целая минута, — влетел в командный пункт, одним взглядом убедился, что почти все начальники штабов на местах,

Взгляд на дисплей — противоракеты стартовали.

— Мы взяли большое упреждение, — сказал генерал Ланс, — потому что кассета идет по очень крутой траектории. Мы поразим ее на высоте двух тысяч миль.

Он не добавил «вероятно», но тон его не обманул Хэйлуорда.

— Подождем, — буркнул Хэйлуорд, понимая, что сейчас слова ни к чему. Все, что нужно было сделать по тревоге-ноль, сделано без него.

— Видимо, — сказал Ланс, не глядя на Хэйлуорда, — придется просить санкцию на вариант «Трамплин».

— Знаю, — холодно сказал Хэйлуорд. В крайней ситуации он и сам имел право дать такую санкцию, но брать сейчас ответственность на себя не был намерен, потому что «Трамплин» означал начало массированного ответного удара, после которого остановить ядерный конфликт было бы уже почти невозможно.

— Где сейчас президент? — спросил он в пространство.

— На приеме в британском посольстве, — ответил кто-то.

Противоракеты шли к цели. На дисплее это выглядело удручающе медленным сближением красных огоньков с белыми. Менялись числа, но Хэйлуорд не видел их. Числа не имели значения. Огоньки не имели значения. Бункер и все, что здесь сейчас находился, не имели значения. Все существо Хэйлуорда сосредоточилось на одном: на его девочках, которые, наверное, танцуют в ресторане или развлекаются с парнями в какой-нибудь дискотеке, или делают еще что-нибудь, о чем он не имеет ни малейшего представления. Осталось тридцать шесть минут до удара по побережью, кассета уже над Вайомингом. Противоракеты шли к цели. Металл, скорость, сила. Сугубо вещественные компоненты войны. Мысль в этом может не участвовать, мысль может заняться людьми, не всеми, до всех ему нет никакого дела.

Генерал вздохнул, будто всхлипнул, и сразу все пришло в движение. Цель взята. Неслышно и почти невидимо в ярком дневном свете рвались высоко над атмосферой ядерные заряды. Рвались бесполезно. Белых точек на дисплее становилось все меньше, а красные шли сквозь возникавшие бреши неумолимо и спокойно.

Хэйлуорд повел головой, ему почему-то не хватало воздуха. Ну, бывало такое даже на учениях, проходили ракеты противника сквозь составленные сети, все может случиться, на то война. Собственно, он только теперь и понял окончательно, что это война.

— О'кэй, — сказал Хэйлуорд, вставая. Он наконец нашел себя, нашел то единственное душевное состояние, в котором и должен был нахо-

диться с того момента, когда поднял трубку телефона спецсвязи. Все ушло, все прошло.

— О'кэй, — сказал он. — Дайте мне прямую с президентом, и прошу всех запомнить эту минуту. Нет времени говорить речи, господа. Мы — люди действия. Нация ждет, что мы спасем ее. В этом наш долг.

Он и сам верил в то, что говорил...

...Я и сама верила в это. Верила, что жизнь прекрасна, особенно когда заполнена размышлениями. Вряд ли это была моя идея — создать время. Время создали они, разумные. И время их погубило. И вместе с ними — меня. Сейчас я это понимаю. А тогда?

Сразу после взрыва, в котором погибли они, разумные, я еще могла как-то управлять собой. Еще не оправившись от невыносимого ужаса, от невероятной боли, я сообразила, что если хочу хотя бы растянуть агонию, то должна создать в себе сгустки вещества. Тогда станет возможным хоть какое-то развитие, а не только унылое угасание всех процессов. Если бы я не сообразила этого, сейчас не существовало бы ни квазаров, ни галактик, ни звезд, ни планет — ничего, кроме однородного расширяющегося плазменного шара, который и был бы мной. Сознание мое угасло бы, я была бы мертва...

А хорошо ли, что я живу? Когда из плазменных сгустков тяготение сформировало квазары, я думала, что они смогут стать разумными и мое одиночество кончится. Этого не случилось, и я поняла, что этого не произойдет никогда. Потом появились галактики, и это было настоящей бедой, потому что галактики и звезды — лишь следы могущества, источники боли и сожаления. Галактики погибали, звезды взрывались, повторяя мой конец, но с еще более плачевными результатами — они превращались в черные дыры, материя ускользала в них, и что-то во мне постоянно отмирало, и мне не удавалось...

...Прием не удался. Время двигалось слишком медленно, а речи были на удивление монотонны. Правда, явились все приглашенные — особенно интересовала президента группа сенаторов от северных штатов, традиционных противников его политики. Сегодня он мог бы кое в чем поколебать их настороженность. У него есть, что сказать, но толку не будет. Утром у посла Томпсона случился приступ печени, его едва не положили в госпиталь, ему, уж конечно, следовало отменить торжество. Посол сидел весь желтый и поминутно исчезал в своем кабинете — отдыхал, лежа на узком диванчике. В речах не чувствовалось блеска, прием напоминал фильм, снятый на старой пленке, не передающей богатства красок.

Кое с кем Купер все же переговорил. Президент не пренебрегал ничьей поддержкой, пусть даже от людей, на которых он тратил время, зависело немного. Сейчас немного, а завтра?

Размышляя о проблемах экономики и политики, Купер оперировал обычно терминами теории игр. Эту теорию он изучил в Кембридже и очень гордился тем, что, единственный из президентов, имеет законченное математическое образование. Он даже едва не стал доктором философии. Хорошо, что не стал. Его увлекла тогда другая наука — наука не проигрывать. Она оказалась куда важнее и интереснее науки побеждать. Парадокс? Играя на выигрыш, часто остаешься в накладе, потому что в такой игре больше степень необходимого риска. Если же опираться на стратегию беспроигрышной игры, то риск минимален, а преимущества, на первый взгляд неочевидные, огромны. Не проигрывая, идешь вверх без срывов, хотя и без стремительных взлетов. Напряженно, как автомобиль на горной дороге, но и равномерно.

После университета Купер стал экономическим советником Дэниэльсона, который был тогда губернатором штата Арканзас. Это была первая ступенька наверх, и Купер засиделся на ней долго — почти восемь лет. Набрался опыта. Потом сделал следующий шаг — стал мэром пыльного и душного городишки на юге Дакоты.

Тридцать три года он шел к своей первой президентской предвыборной кампании. Газеты рассказывали о его политической карьере как о ярком примере стабильности американской системы. Никаких срывов. Только вверх. В наследство от предыдущей администрации Купер получил разболтанную экономику и даже с помощью своей любимой теории игр не мог нащупать здесь беспроигрышную стратегию. Его предшественники обещали излечить страну от кризисов, он этого не обещал. Но он твердо гарантировал стабильность инфляции, ее прогнозируемость.

За четыре года он действительно добился некоторой устойчивости в экономике. Он не переоценивал своих заслуг. На него работали сейчас объективные законы рынка. За него работал капитал.

К внешней политике Купер не испытывал пристрастия, свойственного многим президентам. Он принял в наследство тянувшиеся годами переговоры по разного рода ограничениям в военной области, но завершать их не собирался. Договора пусть подписывают те, кто когда-нибудь займет его место...

Закончил свой короткий спич сенатор Хойл. Президент в двадцатый раз посмотрел на часы, потом на спину посла Томпсона, который опять направился в свой кабинет, и в этот момент взвыли сирены.

Купер поморщился — тревога была третьей в

этом году. Конечно, гражданское население должно учиться заботам о своей безопасности. Однако ему-то, президенту, прежде сообщали о тревогах заранее. Купер с улыбкой смотрел на обеспокоенные лица гостей. Бедняга посол так и не дошел до желанного дивана, стоит согнувшись, и выражение на его лице удивленное до крайности. А чему тут... И неожиданно президент понял, что тревога не учебная. В вое сирен прослушивался медленный ритм — это были боевые сирены, скрытые за рекламными щитами на перекрестках. И через комнату, расталкивая сенаторов, бежал офицер службы безопасности.

Купер встал. Ошибка, думал он. Боевая тревога в столице — смешно. Завтра во всех газетах появятся карикатуры на президента. Ракеты красных над Капитолием. Бред для обывателя.

— Сэр, — сказал офицер службы безопасности, внешне совершенно спокойный. — Прошу вас, сэр.

Купер прошел сквозь расступающуюся толпу, глядя в пол. За дверью его ждал майор Крэмpton, дежурный офицер «войны и мира» с неизменным черным дипломатом в руке. Агенты из личной охраны уже проложили свободную дорогу по широченной, как бульвар Вашингтона, лестнице, и Купер сбежал по ней к своему бронированному лимузину, стоявшему впритык к подъезду.

Едва он опустился на заднее сиденье, машина рванулась и понеслась по необычно пустынным улицам столицы, сопровождаемая эскортом охранения и неумолкающим воем боевых сирен.

— Что это значит, черт возьми? — обернулся Купер к Крэмptonу, занявшему свое обычное место в углу салона у левой дверцы.

— Боевая тревога, господин президент, — отрапортовал Крэмpton. — Генерал Хэйлуорд запрашивает санкцию на «Трамплин».

— Соедините, — бросил Купер.

Голос Хэйлуорда был чист от помех и вроде бы спокоен. Докладывал он кратко и четко. Ничего лишнего, но из слов генерала следовало, что «Трамплин» — естественная необходимость. Ответный удар.

— Ошибка исключена? — спросил Купер. Машина резко затормозила у восточного входа в Белый дом. Президент не пошевелился. Времени на беготню по коридорам не оставалось. Он должен принять решение здесь и сейчас.

— Ошибка исключена, — сказал Хэйлуорд. — На кассету пошла вторая волна противоракет, но перехват становится все менее вероятным.

— Я говорю... может, это не русские? — Купер знал, как неубедительно звучит его голос.

— Нет, сэр, это пришельцы, — сказал Хэйлуорд, и лишь эта фраза, совершенно невозможная в устах всегда корректного генерала, сказала Куперу всю правду о том, с каким напряже-

нием в Пентагоне и в бункере Комитета начальников штабов, и на базах стратегических ракет, и на борту сотен бомбардировщиков, и на субмаринах, погруженных на стартовые глубины, везде, где объявлена тревога-ноль, ожидают решающего слова от него, президента.

Решение. Он всю жизнь карабкался вверх по чужим спинам и оказался перед выбором. Он должен выбрать так, чтобы не проиграть.

Ответный удар. Это будет справедливо. Это будет соответствовать директивам Комитета начальников штабов. Он сам утверждал их. Купер мимолетно вспомнил день, когда Хэйлуорд, преисполненный сознания собственной значимости для нации и всей цивилизации, принес на подпись секретные директивные материалы. Хэйлуорд начал было в своем обычном стиле несколько сентиментально описывать, что случится, если... А он, Купер, прервал генерала, он не хотел, чтобы значительность момента тушевалась незначительными фразами. Он размашисто подписался и долго смотрел на страницу, будто этим росчерком утверждал или отрицал самое существование рода людского. Он знал, что поступил правильно, и думал о том, что суть подписанного им документа ни в коем случае не должна просочиться в прессу. Потому что одним из пунктов он отвергал любые сношения с Москвой, будь то по телефону или иным способом, в случае объявления тревоги-ноль. Единственной возможной реакцией должен быть масированный ответный удар.

Купер никогда не проигрывал, но сейчас — он знал это — проиграл самую важную битву. Если он отдаст приказ — он проиграл. Мир погибнет, и он, президент, будет править руинами и трупами. Если выживет сам. Если он не отдаст приказа — он проиграл как государственный деятель. Подписавший директиву и не выполнивший ее. Струсивший. Конченный человек.

Если он не даст санкцию на «Трамплин», ее дадут другие. Имеющие на то право. Министр обороны. Председатель Комитета начальников штабов. Они не будут сомневаться. И он не должен. Проигрывать нужно с достоинством.

Купер достал из левого нагрудного кармана бумажник и вытянул из него личную карточку с шифрами. Крэмpton услужливо положил свой дипломат на колени президента, протянул трубку радиотелефона. Купер откашлялся.

— Говорит президент, — начал он. — Подтверждаю...

...Подтверждаю прошлое лишь аналогиями. Только по аналогии я могу понять, что было в моей жизни до взрыва. Но разве есть аналогия между жизнью и смертью? Сейчас основное свойство материи — движение, последовательность, смена событий. Тогда основным было

свойство мыслить. Как? Все угасло, я не знаю, не помню... Мучительно не помню. И тем более не могу понять — как могли они, разумные, так поступить с собой и со мной? Я... Да что я... Я-то все еще живу, пусть в предчувствии конца, но живу. А их нет.

Когда я думаю о прошлом, во мне что-то меркнет от горя. Действительно меркнет. Чаше — хотя я этого вовсе не желаю! — умирают звезды, и даже кажется, что галактики разбегаются быстрее, ускоряя мой конец. Это, конечно, невозможно — ничто после взрыва не зависит от моей воли. Все расширяется, все распадается...

Не надо об этом. Лучше думать о том, как возникают звезды. Лучше ли? Рождение звезды предшествует ее смерти. А планеты? Безжизненные, мертвые образования. Помню, как я перепугалась, когда в звездных системах начали слепаться из пыли первые планеты. Они собирали вещество, холодное, неспособное к развитию, они отнимали у меня жизнь. Я не хотела, чтобы возникали планеты. Я ошибалась. Недавно я поняла это. Очень недавно. Когда на одной из планет, вовсе не из больших, появилась жизнь.

Моя мысль опять свернула на...

...«Волга» свернула на Первомайскую улицу и помчалась вдоль трамвайной линии, обгоняя красно-желтые вагончики. Сахнин считал Парковые улицы. На Четвертой, в магазине хозтоваров, у них была явка, когда они играли в разведчиков. На Пятой еще сохранился старый газетный киоск, который служил им броневиком. Потом начались незнакомые места. Кинотеатр «Первомайский», в котором он не был, потому что построили его после того, как Сахнин отбыл к своему первому месту службы. Тогда он был лейтенантом. Сейчас он генерал-майор. Ну и что? На этой улице он всегда будет Славкой Сахниным, разведчиком красных.

Сейчас шофер повернет направо — вот, повернул, — и через два дома откроется дощатый забор — вот, открылся, но уже не дощатый, а сплетенный из тонких чугунных прутьев, обвитых плющом. Машина медленно въехала в аллею. Скрипел гравий, в парадном строю стояли ели.

Генерал вошел в сумрачный холл. Он оробел. Он всегда робел в больницах и госпиталях, сам не зная почему. Натянув халат, он поднялся на второй этаж.

Отец лежал в палате один, кровать стояла у окна. Внешне отец почти не изменился — даже морщин не прибавилось. Сахнин хотел наклониться, поцеловать его, но раздумал, вспомнив несентиментальный его характер, и сел на стул у изголовья.

— Форма твоя, что ли, действует? — сказал отец.

Сахнин удивленно поднял брови.

— В такое время не пускают, — пояснил отец. — Спят все.

Сахнина пропустили, потому что главврачу позвонил сам министр. Тихим своим голосом он объяснил, что сын больного Сахнина прибыл в Москву на несколько часов и должен возвратиться к месту службы. Нельзя ли в виде исключения...

— Не беспокойся обо мне, — сказал отец. — Врачи здесь прекрасные, а я послушный больной. Выкарабкаюсь. От инфарктов сейчас помирают редко.

— Я пришлю Жанну, — сказал Сахнин. — Она побудет с тобой.

— Жена должна быть при муже, а не при свекре... Что нибудь случилось?

— Что? — не понял Сахнин.

— Ты явился в Москву на считанные часы. Ну, не оправдывайся... Случилось что-то более серьезное, чем моя болезнь?

— Нет, — Сахнин пожал плечами. — Обычный отчет.

Это не был обычный отчет. Было совещание в Генштабе с участием всех высших военных чинов, включая министра обороны. И все слышали его, Сахнина, доклад. Он говорил странные и страшные вещи.

— Слава, — сказал отец, — ты там у себя на Камчатке читаешь газеты? Телевизор смотришь?

Отец попытался повернуться на бок, чтобы лучше видеть сына, и Сахнин мягко удержал его. Он знал, о чем пойдет разговор.

— Что за представление устроил Купер в пятницу? Это ведь по твоей части.

— А что пишут? — осторожно спросил Сахнин.

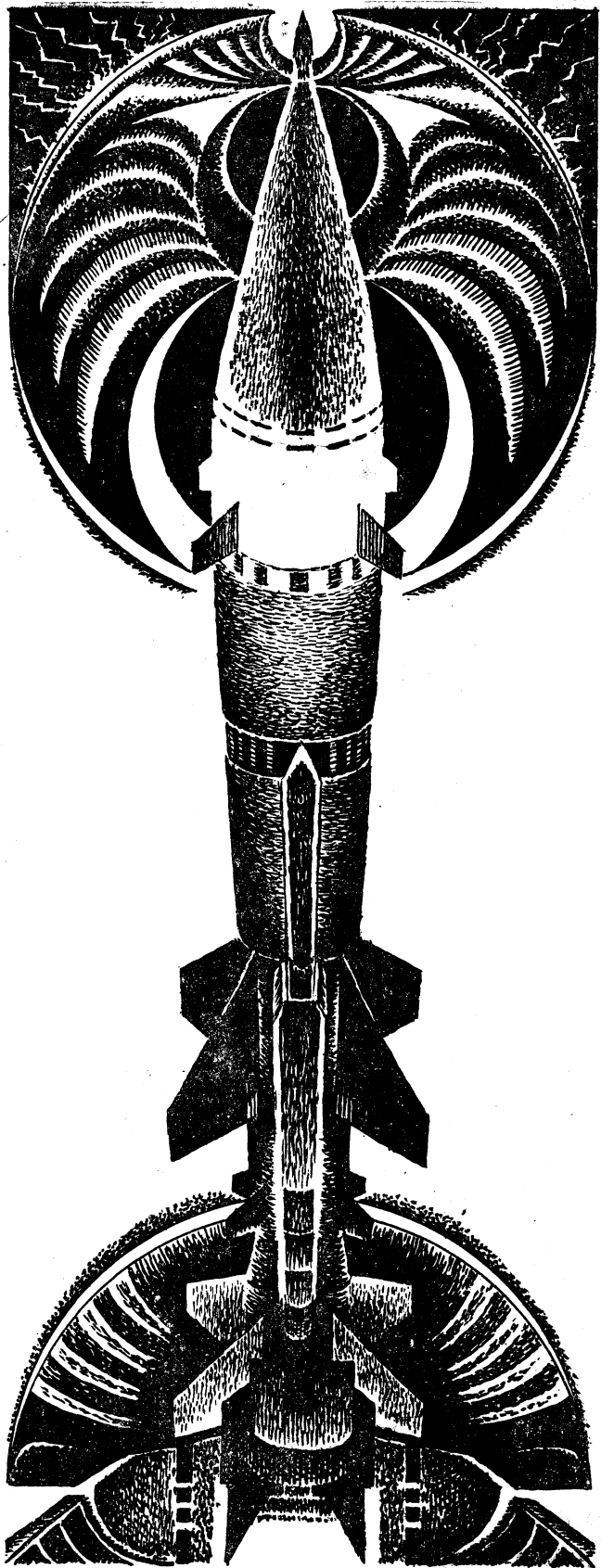
— Ерунду. Ты что, не знаешь? По одним сообщениям, американцы устроили крупную тревогу с имитацией нападения советских ракет. По другим, это была не имитация. В общем, бред. Атомные взрывы в космосе — это тоже утка или факт?

— Говорят, вроде факт...

— Ну ладно, — рассердился отец. — Вроде говорят... Напускаете туману.

— Не сердись, — миролюбиво сказал Сахнин. — Я действительно знаю не больше, чем писали газеты. Это ведь не у нас было, а там. И не волнуйся, пожалуйста. Поговорим о другом...

Знал он, конечно, больше. Однако только сейчас, после совещания, ход событий стал ему окончательно ясен. Начиная с того раннего утреннего часа, когда домой позвонили из штаба. На станции дальнего обнаружения было ЧП. Тело, хорошо отражающее радиоволны, двигалось из дальнего космоса под большим углом к

эклиптике. Обогнув Землю над Тихим океаном, оно должно было удалиться восвояси. «Чего же волноваться?» — сказал он, еще не представляя, что начнется в ближайшие часы. «Тело меняет орбиту», — ответили ему, — высота расчетного перигея уменьшается. Значит, тело искусственное. Ракета». Тогда он оделся и поехал в штаб — Жанна проснулась и успела приготовить ему кофе, который он не успел выпить.

— Поговорим о другом, — повторил Сахнин, встал и задернул занавески на окне, потому что солнце неожиданно ворвалось в палату, как завоеватель, сразу предавший все огню.

— Не завидую я твоей службе, — сказал отец. — Постоянное напряжение, даже когда мир. Среди генералов, наверное, тоже много инфарктников? Эта мысль, к слову, и примирила меня с твоей профессией. Поздно, конечно...

Сахнин улыбнулся. Примирила-таки? В свое время отец и слышать не хотел о том, чтобы Славка пошел в военное училище. Но тут был вопрос принципа. Сахнин был воспитан в твердости, отец сам же и учил его стоять на своем до конца. Сказав «нет», отец потом не вмешивался, делал вид, что ничем, кроме своей астрофизики, не интересуется. Но с тех пор между ними был холодок. Сахнин вел кочевой образ жизни, за первые десять лет они с Жанной переменили не меньше дюжины городов и поселков — служба, ничего не поделаешь. Потом оказались на Дальнем Востоке, и здесь Сахнин пошел в гору. С родителями виделся редко. На похороны матери успел чудом. Она умерла не старой, отец вдовствует уже четверть века, с головой ушел в работу, что-то публиковал и, говорят, был добрейшим экзаменатором. С его мнением считались. В чем это мнение состояло, Сахнин не знал, устройство Вселенной было слишком далеко от его сугубо земных забот. С отцом виделся один-два раза в год во время наездов в Москву. Беседовали дружески, но что-то оставалось недосказанным и невысказанным.

— Папа, — Сахнин запнулся. Отец взглянул с усмешкой, и Сахнин повторил: — Папа, я знаю, что ты имеешь в виду, когда говоришь об инфарктах у генералов. Конечно, лучше, когда военные умирают в постелях, а не в бою. Наверно, у нас единственная на земле профессия, в которой чувствуешь себя счастливым, если не представляется случая применить знания на деле.

— Слишком много у вас знаний, — сказал отец, — и слишком еще много возможностей их применить... Помнишь, как я злился, когда ты в детстве играл в войну? Я всегда думал, что нет ничего хуже, чем автомат в руках ребенка. Пусть игрушечный.

— Ты бы не воливался... папа, — торопливо сказал Сахнин.

— Не перебивай, я сам знаю, что мне мож-

но. Хочу объяснить. Было это весной сорок пятого, — отец говорил, отвернувшись к окну, будто для себя. Вспоминал и рассказывал. — Мы тогда прошли Верхнюю Силезию, и меня ранило в плечо. Госпиталь был в небольшой польской деревушке. Два десятка дворов. Передовая недалеко, когда били пушки, то стекла звенели... Весна. Лес рядом, за домами. Сосны в основном. Деревья частью сожжены, выворочены, но лес жил. Зайдешь в чашу и теряешься. Я не лежал, рана была пустяковой, я ходил и ныл. Просился в часть... Да, дети, ребятишки. Они играли на опушке, между домами и лесом. Вдруг выстрелы. Мы не сразу поняли. Подбежали — двое ребят уже мертвые. Остальные разбежались. Только девочка лет восьми. Над братом. Плачет. Шальные выстрелы? Откуда? Не шальные. Обе очереди — в голову. Точный прицел. Какая-то, думаем, сволочь, не удравшая со своими. Ребята из охранения прочесали лес. Ничего... На другое утро одного пацана наповал уложило прямо у двери дома. Одной очередью. Из леса. Стрелок был отменный... Пока искали, он застрелил девочку, ту самую, что убивалась по брату. В детей стрелял! Только в детей... К вечеру мы его взяли. Не живым. Ребята били наугад по соснам. Попали случайно. И он упал. Это... Мальчишка. Из гитлерюгенда. Лет десяти, не больше. Как он только «шмайссер» поднимал? И почему он стрелял в детей? Я долго думал. Тогда и потом. Может, он воображал, что это — игра? С тех пор, если я видел мальчишку с автоматом или пистолетом... конечно, это были игрушки... что-то подступало, я не мог... Я сжег бы все игрушечное оружие... Когда ты начал копить деньги и покупал себе тайком пистолет с пистонами или ружье... Если бы не мама, я бы тебя дупил. Она тоже ничего не понимала, бедная... А на фронт я больше не попал. Сразу после войны всерьез занялся космологией. Из-за того мальчишки, представь: Сейчас трудно объяснить связь...

Сахнин слушал — это был первый на его памяти монолог отца, и он нетерпеливо махнул рукой молоденькой сестре в хрустящем белом халате, когда она без стука, но очень тихо вошла в палату. Сестра исчезла.

— Второй день, — говорил отец, — как меня из реанимации перевели, я лежу и думаю. Думать не запрещают. А запретят — не проверят. О работе думать трудно. Думаю о причинах. Да... Помню, мысль была такая. Игры детей с оружием разрушают их мир. Их вселенную. Вселенную сказок со своими законами. Особую вселенную детства. И игры взрослых с оружием тоже разрушают мир. Реальную вселенную. Каждый наш выстрел нарушает что-то в гармонии мироздания и законах природы. Убивая друг друга, мы убиваем Вселенную. И все идет от порядка к хаосу... Смешно?

Сахнин не смеялся, он только удивился наивности этой мысли.

— От наивности я и пошел учиться на астрономическое отделение,— сказал отец.— От наивности и желания понять мир, чтобы исправить его... Я тебя спросил о пятнице. Тогда, ночью, я тоже думал об этом. Лежал без сна, читал газеты. Кризисы, горячие точки... Я подумал: мы ведь часть Вселенной, может, ее единственная разумная часть. И что станет со Вселенной, если мы уничтожим себя? Наши войны уже уничтожают мироздание. И если... Тут меня и прихватило.

Ну и ассоциации, подумал Сахнин. Действительно, космология.

— Папа,— сказал он.— Все обошлось. («Да,— подумал он,— кажется, действительно все обошлось».) Ты жив, значит, все в порядке. («И мы живы,— подумал он,— все живы, а могло быть иначе».)

Вошла медсестра — на этот раз решительно, не обращая внимания на Сахнина. Склонилась над отцом. Градусник, таблетки, микстура, укол. Сахнин ждал.

В пятницу он тоже ждал. В семь двадцать местного времени орбита неизвестного тела стала эллипсом, само тело неожиданно распалось на тринадцать частей. Локаторы вели уверенно, орбита рассчитывалась непрерывно и наконец стала стабильной. Стабильной и слепой. Метеоры должны были упасть, и Сахнин с облегчением вздохнул, когда понял, что упадут они где-то на востоке американского континента. Облегчение было минутным, просто реакцией на долгое напряжение. Новая ситуация была безнадежно хуже. Если это не метеоры, а разделяемая боеголовка, и если бы она шла на него, он мог ее уничтожить. А теперь в его положении окажутся американские генералы. Сахнин знал, что ретроспективный расчет траектории покажет: объект мог быть запущен с Земли, из южной части Индийского океана. Конечно, никто у нас даже и помыслить не мог о подобном запуске. Но там, в Пентагоне, решат иначе.

Он объявил боевую тревогу. В Москве было за полночь, но решение последовало незамедлительно. Тревога была объявлена на всей территории. Попытались связаться с Белым домом по линии прямой связи, но безуспешно.

Космические тела шли над территорией Британской Колумбии. Сахнин все еще мог сбить их сам, продемонстрировав, что это не наши объекты, но он понимал: ответный удар, и не по космическим телам, а по наземным целям в нашей стране, последует, едва ракеты покинут пусковые установки. Надежда была лишь на благоразумие Купера и на то, что линия связи, наконец, заработает...

— Еще недолго, пожалуйста,— тихо сказала медсестра, выходя из палаты.

— Торопишься? — отец перехватил беглый взгляд, брошенный Сахниным на часы.— Не обессудь, я задержу тебя еще на полчаса и растолкую все, чтобы ты потом не ломал голову. Постараюсь короче... Я говорил, что природные катастрофы — следствие чьей-то злой воли. С этой меркой я подходил ко всему...

— Даже к вулканам и землетрясениям,— усмехнулся Сахнин.

— Даже к взрывам звезд,— сказал отец.

Он не шутил. Какая связь, подумал Сахнин, между сумасшедшим немецким мальчишкой и взрывами звезд? Разве что эмоциональная связь нравственного разрушения в душе человека с физическим разрушением в природе? Но отец говорит, кажется, о связи прямой, непосредственной...

— Да, звезды... И больше. Когда я изучал в университете космологические гипотезы, лектор, помню, в пух и прах разносил теорию первичного атома аббата Леметра. Взрыв Вселенной... И я тогда решил, что первичный атом, если он был когда-то, взорвали разумные существа. Не бог, конечно, а люди. Вселенная наша расширяется — это ты, надеюсь, знаешь. А что было до начала расширения? Первичный атом, кокон. Почему он взорвался? Я знал о работах Фридмана, но, красивые математически, они не убеждали меня. Они не соответствовали моему эмоциональному состоянию. Моим мыслям. И я решил, что этот самый ужасающий из всех мыслимых в природе взрывов устроили те, кто в этом коконе жил.

Отец всегда был добропорядочным ученым, подумал Сахнин. Он сам много раз слышал, как коллеги говорили, что у отца ясная мысль, научная четкость, доказательность. В том, что говорил отец сейчас, ничего этого не было. Или не было для него, Сахнина?

— Странная интерпретация,— сказал он.— Какая-то... ненаучная.

— Что ты знаешь о науке? — сказал отец с осуждением.— Впрочем, я не в упрек. Ты вот генералом стал, а я даже в доктора не выбился.

Это был неожиданный поворот в разговоре. Отец действительно до старости остался кандидатом наук, хотя, если верить ученикам, давно мог стать доктором. Не хотел. Так говорили, и Сахнин в этом здорово сомневался.

— Я всю жизнь работал над одной-единственной проблемой,— сказал отец.— Всю жизнь. Над одной. Остальное было вторично.

И такое объяснение не убеждало. Оно не вязалось с представлением Сахнина о современной науке, да и с образом жизни отца тоже. Отец вовсе не был анахоретом, корпевшим в тиши над таинственной рукописью, как в дурных романах. Он часто работал дома, но к нему приходили коллеги, ученики, они спорили о чем-то своем, на много световых лет удаленном

от его, Сахнина, интересов. Отец работал и за полночь, когда все спали, и Сахнин знал, что он готовится к лекциям.

— Я тебе объясню,— сказал отец, вздохнув.— Сорок девятый год. Именно тогда я понял, что кокон Вселенной взорвали разумные. Я хотел найти первопричины. А мы еще и следствий толком не знали. Разбегаются ли галактики? Как они возникли? Что было раньше? И еще раньше, когда от начала расширения Вселенной прошли мгновения? А потом перейти рубеж и спросить — что было до? И было ли? Я утверждаю — было. Был мир разумных, уничтоживший себя.

— Схоластика,— буркнул Сахнин.

— Наука,— поправил отец.— Игра на пределе возможностей — это еще наука. Я знал, какой была Вселенная до взрыва, и пытался описать ее. Бесконечно разумную. Наверно, лет двадцать назад я мог бы уже кое-что опубликовать. Но... Великая вещь — научная репутация. Я завоевал ее. И теперь сам боялся потерять. Я бы не вынес, если бы надо мной смеялись. Я ведь знаю, как мои коллеги относятся к идее внезапного разума...

— Я не очень понял,— осторожно сказал Сахнин.— Еще до появления нашей Вселенной, до взрыва, было нечто... Ну, тоже Вселенная? Другая? И в ней разумные существа, такие могучие, что смогли уничтожить весь свой мир, всю Вселенную? Сделали это и погибли? И тогда появился наш мир? И значит, наша Вселенная — это труп той, прежней, что была живой? И галактики — это осколки, след удара, нечто вроде гриба от атомного взрыва?

— Крепки в тебе армейские ассоциации... Ну, примерно, так. Хотя на деле все куда сложнее... Сейчас считается, что наша Вселенная возникла двадцать миллиардов лет назад, и это было началом всех начал. А я говорю, что это был конец. Конец света. Вселенная до взрыва была бесконечно сложным, бесконечно непонятным и бесконечно разумным миром. Действовали иные законы природы, иные причинно-следственные связи. Материя была иной. Вселенная целиком была разумной. У меня получилось, что после взрыва, когда все начало разбегаться, распадаться, Вселенная должна была еще жить, мыслить. Особенно в первые часы, годы... Должна была умирать постепенно... по мере расширения... умирать мучительно... Может, она и сейчас еще мыслит...

Отец говорил все более бессвязно, слова набегали друг на друга, что-то выплескивалось из души, хранимое многие годы.

— И в этой Вселенной, умирающей от ран, неожиданно опять появился разум. Мы. Слабый огонек. Через много тысячелетий мы, может быть, сравняемся могуществом, властью над природой с теми, погибшими... Но что же проис-

ходит с нами? С древних времен мы делаем все, чтобы повторить их трагедию. Почему?

— Мы? — сказал Сахнин.

— Мы, люди. Ты скажешь, что ни ты, ни я, никто из нас не отвечает за действия того же Купера. Но что до этого будущего, которое может не наступить? В очень сложной системе всегда найдется слабый элемент...

— Это не совсем так,— сказал Сахнин.— В любой, как ты говоришь, сложной системе есть и защита от дурака. Нажать кнопку и начать войну не так-то просто, как это порой кажется.

Не так-то просто, подумал он. В пятницу кнопка была нажата. Когда станции слежения сообщили, что космические тела прошли первую волну американских заградительных ракет, Сахнин понял, что лавину не остановить. Счет шел на минуты. С европейских баз уже поднимались стратегические бомбардировщики. Прямая связь бездействовала, и предположить можно было лишь одно: таков общий план на той стороне.

Еще четверть часа, и болиды начнут падать на восточные штаты. И что тогда? Ядерных взрывов быть не может — тела пришли из космоса, это метеориты, никем не запущенные, если только все это не ужасная провокация, не казус белли, почему-либо необходимый Куперу. Через несколько минут на западных границах страны завоюют сирены, думать об этом Сахнину было невыносимо мучительно, и потому новых сообщений, следовавших одно за другим с молниеносной быстротой, он вначале просто не понял.

На высоте нескольких сотен километров орбита опять потеряла стабильность. Будто на пути метеоров выросла стена — хотя что могло послужить преградой для тел, прошедших противоракетный заслон? Самое невероятное — размеры каждого из метеоров начали неудержимо расти. Десятки, сотни метров в диаметре... Даже рядовому оператору было уже ясно, что это не боевые головки. Огромные пузыри неслись к Земле, это не было взрывом, пузыри расширялись и лопались, исчезая с экранов. Увеличиваясь в размерах, они становились прозрачными для радиоволн. Навстречу им шла вторая волна противоракет, но поражать цель им не пришлось. Цели больше не было. Космос опустел.

Противоракеты были взорваны в пустоте, высоко над западной Атлантикой. Кто-то там, в бункере Пентагона, понял, наконец, что атаки нет и не будет. Кто-то успел дать отбой. Стратегические ракеты не стартовали. Волна бомбардировщиков разбилась на группы, которые, совершив разворот, начали уходить на базы.

Полчаса спустя Сахнин дал отбой тревоги по округу. И почти сразу поступило сообщение, что прямая линия связи заработала и разговор с Купером состоялся. Сахнин так и не узнал в точности, как проходил разговор, на совеща-

нии был сообщен лишь результат: через неделю делегации обеих стран обменяются в Женеве информацией и мнениями. Вечером, совершенно опустошенный, чувствующий себя не человеком, а комком нервов, Сахнин поехал домой. Солнце стояло низко, люди торопились по делам — был час пик — и никто не оглядывался на несущуюся по осевой «Волгу». Никто так ничего и не узнал. Дома Сахнин впервые накричал на Жанну. Это было единственным проявлением слабости, которое он себе позволил.

«Что это было?» — думал он. Сахнин не верил в пришельцев, в козни инопланетян. До сих пор все хорошее и все плохое на Земле люди делали сами. Пусть физики разбираются. Только скорее. Куперу нужно преподнести точное объяснение феномена, иначе он будет стоять на том, что это — провокация красных. Уж в газетах это будет наверняка. В любой сложной системе, чтобы она не развалилась, нужна защита от дураков. В системе, именуемой человечеством, нужна еще защита от безумного политика.

— Папа, — сказал Сахнин, — если Вселенная, намного более разумная, чем мы, все же не сумела спастись... Если мир погиб двадцать миллиардов лет назад... Я не ошибся в числе? Если это так, то мы...

— Мы обязаны выжить. Мы слишком редкое явление природы. Как цветок на пепелище. Сейчас во всем мироздании нас только двое — мы и она.

— Она... Кто?

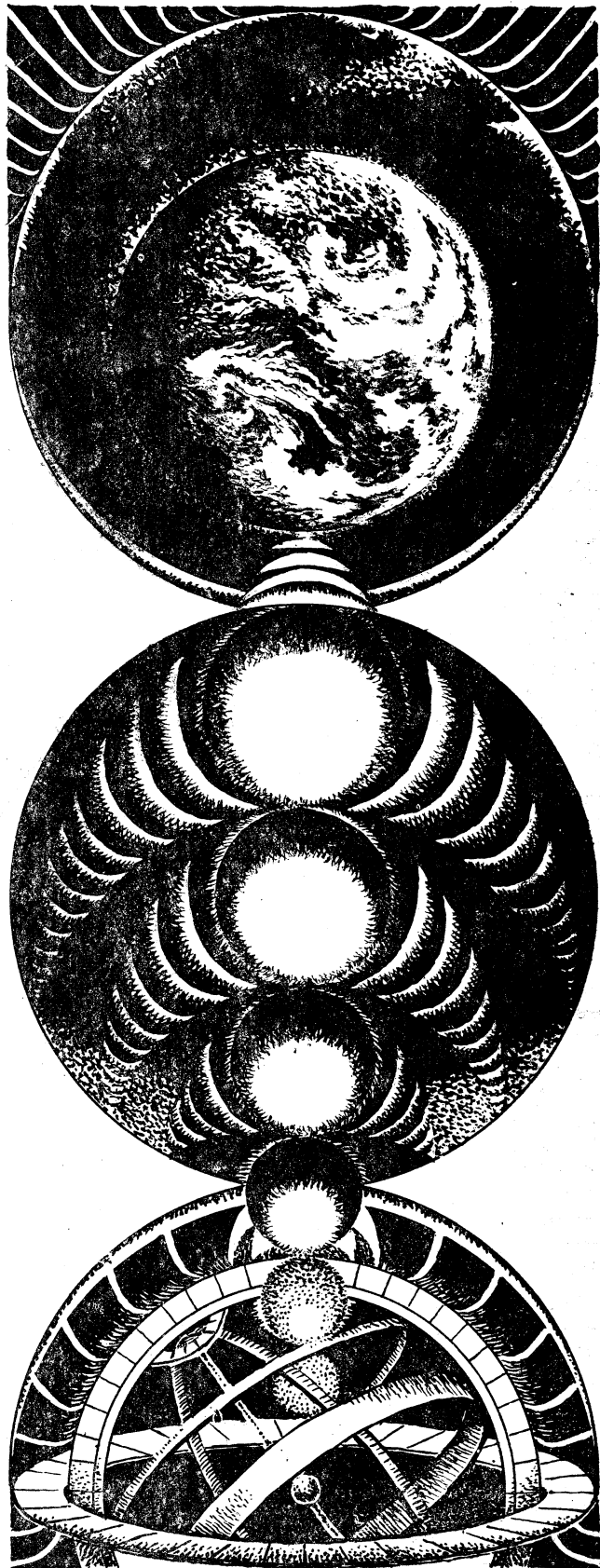
— Вселенная, — сказал отец...

...Машина миновала стоящие дугой, как паруса под ветром, дома Юго-Запада и вырвалась на шоссе. Сахнин смотрел в окно, ничего не замечая. День был тяжелым. Не осталось сил ни радоваться хорошему — при такой болезни — самочувствию отца, ни поражаться его идеям, которые казались такими далекими от его, Сахнина, волнений и так неожиданно с ними сомкнулись. Все в природе естественно. Разум тут ни при чем. События прошедшей пятницы куда как просто приписать иному разуму. Сложнее найти истинное объяснение.

У физиков есть уже кое-что на этот счет. Говорили на совещании. Многого Сахнин не понял, но главная аналогия была ясной и естественной.

Шаровая молния.

Тело двигалось к Земле из области внешних радиационных поясов, отсюда, где магнитное поле планеты захватывает и удерживает множество заряженных частиц, летящих из глубин космоса. В последние месяцы, сказали физики, Солнце очень активно, и в магнитосфере возникли мощные неустойчивости. Заряды собрались в разреженный плазменный шар, который удерживало от распада магнитное поле радиационного пояса.

Вдоль силовых линий шаровая молния начала падать на Землю. Именно потому и казалось, что тело меняет орбиту — ведь его движение зависело не от тяготения планеты, а от магнитных полей. Шаровая молния набирала энергию, эта энергия ее и разорвала. Так возникли тридцать молний. Энергия их была такой большой, что молнии «выпали» из магнитной ловушки, начали падать свободно, как обычные баллистические снаряды. Если бы не существовало внутреннего радиационного пояса, шаровые молнии упали бы на Землю и здесь взорвались. Но их остановила новая магнитная ловушка. В плазме опять возникли неустойчивости, и пузыри распались, как это случается и с обычными шаровыми молниями во время летних гроз на Земле.

Какое прекрасное и могучее явление природы, сказали физики. Никем не предсказанное, но так, в сущности, ожидаемо очевидное. Магнитным полем нужно было разрушать этот рой шаровых молний, а не ядерными зарядами. Это — на будущее.

Но что, если случится нечто иное? Сколько еще у природы в запасе сюрпризов, уникально интересных для физиков, но страшных для него, Сахнина, человека военного?..

Машина остановилась перед домом аэродромских служб, и Сахнин поднялся в диспетчерскую. Стена, выходящая на летное поле, была стеклянной, и он задержался, глядя на красоту вечернего подмосковного пейзажа. На краю поля стояли березы, закатное солнце освещало листья грустными лучами, и казалось, что это не бетон отнял у леса его долю пространства, а наоборот, березы уверенно наступают на посадочную полосу. У них было на это право. Это была их земля.

Двадцать миллиардов лет этому миру. Этой красоте. Когда жила и мыслила целая Вселенная разумных миров, когда все было иным, ему, Сахнину, непонятным, может быть, тогда и красота была немислимо иной? И те, кто жил тогда, не оценили, не поняли красоты своего мира? Ее неповторимости?

«О чем это я?» — подумал Сахнин. Не жалеть же о прошлой красоте, которой, может, и не было никогда...

В диспетчерской он спросил городской телефон. Мир погиб миллиарды лет назад, и это уже было. Мир едва не погиб в пятницу, это тоже было, и нужно, чтобы этого быть не могло. Он хотел, чтобы отцу передали: этого не будет. Каждый человек в ответе не только за себя, не только за свою страну, не только за все человечество на Земле. Он в ответе за все мироздание, в котором живет, частью которого является.

Женский голос в трубке. Сахнин назвал себя, попросил дежурного врача. Тишина длилась минуту, и вторую, и третью, и напряжение росло,

будто Сахнин стоял перед экраном, и на него неслись плазменные пузыри, космические шаровые молнии, и мир опять висел на волоске.

— Вы слушаете? — голос женщины едва прорывался сквозь помехи. — Вы слушаете? Степан Герасимович Сахнин только что скончался. Вы слушаете?

Мир взорвался...

...И возникли планеты. И на одной из них — жизнь. Настоящая жизнь! Такая слабая... Я волнуюсь, когда думаю об этом. Я умираю, а она набирается сил. Я хочу помочь ей. Когда я была еще в силах, я старалась сделать все, чтобы в системе был покой. Чтобы не буйствовала звезда — она могла испепелить их своим светом. Чтобы другие звезды не взрывались поблизости. Чтобы на их планету не падали крупные метеоры. Удивительно, но я сумела это сделать! А теперь я бессильна. Я стараюсь не думать о них, потому что знаю: когда я о них думаю, в их системе что-нибудь происходит. Вспышки на звезде. Магнитные бури. Взрывы вулканов. Потопы. Однажды в пучину погрузился целый континент. Сейчас я опять думаю о них и чувствую, как шаровые молнии несутся к планете, и не могу остановить, не в силах... Я не должна думать о них.

Они живут. Развиваются. Они никогда не достигнут могущества, которое было у меня. Потому что они — моя часть, а я угаваю. Они не знают об этом и, надеюсь, не узнают. Для них мир огромен. Они, вероятно, думают, что смогут в нем — во мне — разобраться. Пусть пробуют.

Они уже достигли такого могущества, что в силах уничтожить себя. Свою планету. Я боюсь за них. Или за себя? Да. За себя. И за них. Это все равно.

Мучительно. Звезды взрываются все чаще — я волнуюсь, опять волнуюсь и приближаю свой конец. Чернота. Ее во мне все больше. Пройдет время, исчезнут последние звезды, угаснет свет галактик, остынет газ, во мне не останется ничего, кроме черных дыр, распавшихся планет, и все это будет разваливаться на атомы, и атомы перестанут излучать энергию и распадутся на частицы, но мысль моя угаснет раньше. Останется тело, мое мертвое тело. И только они, если не погубят себя сейчас, смогут что-нибудь сделать. Станут могучими настолько, что помогут мне не умереть окончательно.

Я для них — Вселенная. У них нет ничего, кроме меня. Они должны спасти меня... Сначала себя, потом — меня. Чернота... Где же свет?.. Да будет ли когда-нибудь свет?!

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Галина
ФОМИНА

Сейчас яснее видно сквозь года,
что испытать нам довелось тогда.

С. ТЕЛЬКАНОВ

Стоит на берегу Иньвы рабочий поселок Майкор, Начался он с древнего поселения, и за долгую его жизнь много примечательных людей познали здесь первые радости жизни и обрели крылья.

Один из них — писатель и поэт, журналист, военный корреспондент Сергей Алексеевич Тельканов.

Родился С. А. Тельканов в поселке Майкорского завода в семье служащего лесничества и учительницы.

На страницах пермской пионерской газеты «Будь готов» в 1925—1926 годах появились его первые стихи.

В память о детстве в заводском поселке над Иньвой он позднее напишет:

К далекому светлому детству
Я вновь возвращаюсь порой,
И вижу: с рекой по соседству
Заводик дымит над горой...
...Та домна уже старовата,
Но делает дело свое,
Бабусею наши ребята
Любовно прозвали ее.
Массивы заводов огромных
Вдали проступали за ней.
Магнитки могучие домны
Почтительно кланялись ей.
«Старая домна»

В 1929 году юноша окончил среднюю школу и пошел в жизнь. Работал учеником слесаря, заведующим библиотекой рабочего клуба, инспектором роно, был на комсомольской и партийной работе.

А с 1931 года и до самой войны Тельканов — сотрудник Свердловской молодежной газеты «На смену!».

Он ушел на фронт в числе первых. Был рядовым солдатом, стал политработником дивизии, потом военным журналистом в газетах «Боевая красноармейская», «Суворовский натиск».

Он принимал участие в сталинградской битве, в боях на Орловско-Курской дуге, прошел с действующей армией всю Украину и Молдавию.

Поля, дубравы и луга,
Сады, пруды, селений крыши...
Все это Курская дуга,
Что не звенит, а громом дышит.
...Дуга из дзотов и траншей,
Из бронированных чудовищ.
Дуга из тысячи смертей.
Из пепла, копоти и крови.
«Курская дуга»

Позади остались границы семи государств — Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии, Монголии, Китая, закончил войну в легендарном Порт-Артуре.

Два ордена Отечественной войны I степени, два ордена Красной Звезды, шестнадцать медалей хранят память о фронтовых годах.

Заслуг особых не припишешь мне,
Кого-то удивить могу едва ли.
Вот разве строки, строки о войне,
О той войне, когда мы мир спасали.
Мне кажется, они не пропадут,
Как плотно бы их время не прикрыло,
Найдут те строки люди и прочтут,
Задумаются: вот как это было.

После войны до увольнения в запас (1963 год) Сергей Алексеевич был корреспондентом на Дальнем Востоке. В эти годы выходят его книги стихов «Пути-дороги», «Знамя полка», «Слово к друзьям», «Великий или Тихий», «Костры походные», «Память сердца», главным героем которых стал советский солдат, надежно оберегающий мирный труд людей.

В 1980 году в Воениздате вышел посмертный сборник поэта «Багульник».

Способный прозаик-очеркист, Сергей Тельканов написал документальную повесть «Особая роль» и много очерков о героях минувшей войны, о тех, кто штурмовал рейхстаг, ходил в рейды по вражеским тылам, сражался в партизанских отрядах. В книге «Семь границ. Фронтовой дневник» он рассказывает о героической битве за Сталинград, о подвигах солдат на дальневосточных границах.

В связи с шестидесятилетием С. А. Тельканов был награжден орденом «Знак Почета», страна отметила 60-летие журналиста, бойца, поэта.

В Майкоре и сейчас чтут память С. А. Тельканова. В местном краеведческом музее хранятся его фотографии, книги с дарственными надписями.

В ГОСТЯХ У ТАНИ САБАНЕЕВОЙ

Тамара
ЧИНАРЕВА

На этом снимке вы видите писателя Рувима Фраермана, автора известной повести «Дикая собака Динго», с дочерью Норой. На обратной стороне фотографии надпись «Это мы. Только очень давно. Нора Фраерман». Очень давно... Когда Рувим Исаевич Фраерман был жив и снежной рязанской зимой в деревянном домике в Солотче писал книги для детей и письма дочери Норе и внуку Коле. Письма на Дальний Восток. В рабочем кабинете его висел портрет дочери — девушки с большими и немножко грустными глазами. Он смотрел в эти глаза, когда писал «Дикую собаку Динго». Дочь Нора стала прообразом всеми любимой героини Тани Сабанеевой. Эту книжку читают счастливой порой, когда кончается детство и начинается юность. Ведь не случайно полное название этой книжки: «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви». Мальчишки обязательно влюбляются в Таню Сабанееву, смелую и отчаянную, а девочки стараются ей подражать. Таню помнят долго, всю жизнь. Как свою первую любовь, как необыкновенный рассвет прощального выпускного вечера. Таня Сабанеева живет в замечательной книжке и в памяти детства и, оказывается, среди нас. В обычном городском доме, на третьем этаже. На ее двери прибитая маленькая металлическая пластинка с номером 11, а на дверном косяке — электрический звонок. Я была у нее в гостях.

...На всей земле стоял ноябрь. Всюду разный. В Хабаровске в парках лежал снег. Лыжники прокладывали первую лыжню, но, разогнавшись, вдруг останавливались и зачарованно смотрели на украшенные новым снегом елки. Во Владивостоке же, городе соседнем, на сопках стойко зеленела трава, на пустынных галечных пляжах ветер шевелил сухие водоросли, на рейде качались белые корабли. Вода всегда навеивает мысли о вечности и далеких неведомых краях. Ветер с моря перелистал страницы книги, которую я держала в руках, и открыл страницу с такими строчками: «Широко открытыми глазами следила она за вечно бегущей водой, силясь представить в своем воображении те неизведанные края, куда и откуда бежала река. Ей хотелось увидеть иные страны, иной мир, например, австралийскую собаку динго».

И подумалось мне, что у Тани Сабанеевой, к которой я иду в гости, непременно должна быть собака.

И еще о том, что должна жить она не в Москве, не на маленькой железнодорожной станции, а именно в таком городе, на берегу океана, где встает солнце и чайки качаются на волнах, иначе писатель придумал бы ее совсем другой.

Дорога поднималась в гору. Весь город Владивосток расположен на сопках, будто и построен он для того, чтобы видеть, как возвращаются из дальних странствий большие белые корабли.

А вот и Танин дом. Во дворе на веревке сушится белье, а дворник сметает бумажки и опавшие за ночь листья. В подъезде на лестничных клетках деревянные ящики с картошкой и резиновые коврики у дверей. Я нажала кнопку звонка у двери одиннадцатой квартиры, и

в ответ на звонок раздался веселый собачий лай. Неужели это и есть дикая собака динго, о которой так мечтала в повести Таня?

Здравствуй, Таня Сабанеева! Здравствуй, друг моего детства! Сердце мое екнуло, когда за дверь раздалась шага, и подумалось мне, что вот сейчас распахнется дверь и посмотрит на меня девочка-подросток, худенькая, с выгоревшими на солнце волосами. Она недоверчиво посмотрит на меня и любопытно и скажет удивленно: «Здравствуйте, вы кто?..» Ведь это я ее знаю, а она меня нет. Я забыла в ту минуту, что люди с годами стареют, только книжки — нет. А «Повесть о первой любви» была написана так давно, когда меня еще на свете не было.

— Здравствуйте... — весело и удивленно сказала Нора Рувимовна. — А я думала, что это почтальон пенсию принес. Сегодня, как мы с приятельницами шутим, день юного пенсионера...

Волосы у нее белые. Только не от солнца, а от времени. Времени много прошло. Вот уж и внук ее Сережа армию отслужил и учится в высшей школе милиции.

В прихожей, виляя хвостом, здороваается со мной черный пудель Варешка. Все верно — у Тани есть собака.

И вот я в гостях. Мне хочется запомнить все-все — и портрет писателя на стене, и высокое кресло, и желтый клубок пряжи на краешке стола, и улыбку Норы Рувимовны, и собаку Варешку, чтобы потом, когда настанет пора и «Дикую собаку Динго» прочтает моя дочь Юлия, рассказать ей про все про это.

Мы листаем книжки, подаренные Норе Рувимовне отцом, на титульных листах рукой писателя написаны простые и необыкновенные слова. Мы смотрим альбом с фотографиями, когда Нора Рувимовна была очень маленькой, просто девочкой, потому что еще не было написано повести о первой любви. Я держу в руках желтые старые конверты-письма писателя. И внимательно читаю одно из них, из Солотчи, из того самого местечка под Рязанью, где писал Фраерман «Повесть о первой любви».

«Дальний Восток в природе остался мне знакомым краем. Край милый, суровый, поэтичный, но к нему следует подходить по-особому. Я недавно прочел — мне нужно для моей работы — довольно много книг по Дальнему Востоку — беллетристику и научных. Ну, разумеется — замечательней всего Арсеньев «Дерсу Узала» и «Сквозь тайгу». Остальные книги меня не очень увлекли, хотя не могу упрекнуть их в неправде. Все там правда — и тайга, и медведи, и тигры, — теперь Коля охотник и сам убедился в том, что все это верно. Но когда думаешь о нем рассказать людям так, чтобы они поняли этот

край — почувствовали его не с той стороны, что там-де есть медведи и тигры, а у нас в Рязани нет. А с другой стороны поняли — с той, что вот, мол, где и глина, как у нас в Рязани, и песок белеет, и снег белый, и камни все те же. И все же это не то — не те же камни, не тот же снег. Живет там нечто, чего у нас нет в Рязани. И это нечто — океан. Должно быть, здесь надо искать его поэзию.

А я живу сейчас в Солотче, работаю. Сейчас ночь, снег выпал и невозможно описать красоту нашей зимней рязанской ночи. Такая мягкость, живая тишина, сверканье — даже покой от неподвижных сугробов».

За окном лежали белые сугробы снежной рязанской зимы, а на столе писателя рукопись повести о Дальнем Востоке. Может быть, писал он первую главу.

«Обогнув круглое болотце, где росли желтые саранки, она наклонилась и острым сучком вырыла из земли вместе с корнями несколько бледных цветов».

Много раз появляются саранки на страницах повести — в саду возле дома Тани Сабанеевой, в ее руках на пристани, когда она встречает пароход. Саранки — любимые цветы писателя. Они были для него олицетворением дальневосточной земли. Нора Рувимовна посылала засушенные саранки в письмах к отцу в Солотчу. Когда он был болен, она посылала веточки лимонника, листочки брусники, кедровые шишки. По углам в писательском доме висели пучки сушеных трав. Иногда Рувим Исаевич раскладывал на листах рукописи цветы и травы, трогал руками, нюхал, рассматривал лепестки. Он считал, что у каждого писателя непременно должен быть гербарий. Он должен знать, как называется то или иное растение, где растет, когда начинает цвести.

У писателя Фраермана тоже была собака. Пчелка. Коричневый пудель. Рувим Исаевич любил разговаривать с Пчелкой о жизни, а по вечерам читал ей стихи. Чаще всего Пушкина. Это происходило так. Писатель клал на краешек стула кусочек сахара для Пчелки и открывал книгу. Он читал, например, это:

Нас было много на челне,
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
Вглубь мощны веслы...

Пчелка прекрасно знала стихотворение «Арион». У нее даже менялось выражение глаз, когда хозяин читал строчку про то, как вихрь смял суденышко и кормщик погиб. Со вниманием слушала она последние строки:

Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце...

Здесь Рувим Исаевич умолкал, поглядев в собачьи глаза. Закрывал книгу и выходил из комнаты, оставив Пчелку наедине с сахаром. Пчелка прекрасно знала, что стихи закончились словом «под скалою», риза сохла на солнце под скалою. Но она умела только думать, преданно смотреть в человеческие глаза, а говорить не умела. А потом правила игры были другими — последнее слово за хозяином. Последнего слова с нетерпением ждали и друзья писателя, которые верили с трудом, что коричневый пудель знает наизусть множество стихов Пушкина. Но приходил через некоторое время Рувим Исаевич и говорил: «...под скалою». Пчелка радостно съедала сахар и благодарно виляла хвостом.

Черной лохматой Варежке скучно слушать наш разговор. Она никак не может понять, как можно так долго сидеть в креслах, когда на улице прекрасная солнечная осень. Можно поваляться на опавших листьях или погнавшись за стаей перелуганных воробьев. Варежка царапается в дверь старинного буфета, Нора Рувимовна, улынувшись, говорит ей:

— Совсем забыла, что уже 11 часов...

Она достает из буфета бумажный кулек и раскладывает перед Варежкой на краешек стула пять кругленьких печеньиц. Так бывает каждое утро — пять круглых пече-

ний и непременно в ряд. Варежка забывает о нас и по порядку своим игрушечным, будто нарочно пришитым носом обнюхивает все пять по очереди, словно пересчитывает. Потом выбирает, одну и с удовольствием, зажмурив глаза, ест. У собак разные привычки, как у людей.

— Папа очень любил Дальний Восток... Очень! — говорит Нора Рувимовна. — Он у него во всех повестях, этот край — в «Никичен», в «Дальнем плаваньи», в повести «Золотой василек».

Я разговаривала как-то о «Дикой собаке Динго» с одной моей взрослой знакомой. Я сказала: «Здорово это, что такая удивительная книжка о нашем Дальнем Востоке». — «Что ты? — удивилась моя взрослая знакомая. — Это повесть о любви, я прочитала ее в 15 лет и до сих пор прекрасно помню то чувство».

И мы снова открыли книжку и прочитали:

«Они присели у подножья лиственницы и прислушались к треску ветвей над головой. Это просыпались птицы в своих убежищах. Над вершиной ближней ели замаяла крыльями кедровка и улетела, оставив за собой в темном воздухе смутный след...»

— Не может быть... — зачарованно сказала моя знакомая. — Лиственницы, елки и птицы-кедровки — это у нас. А я представляла, что в «Дикой собаке Динго» край таинственный и далекий, как гриновский город Зурбаган...

Это из области чуда. Много раз мы рвали в июне в дальневосточном лесу похожие на ирисы желтые саранки. Мы видели неприметных кедровок. И даже смотрели в небо, прислонясь спиной к прохладному стволу лиственницы. Мы считали это обычными житейскими вещами и только в этой книжке, в «Повести о первой любви», наш родной дальневосточный край представился фантастическим гриновским Зурбаганом. Таким увидел и подарил его нам писатель Рувим Фраерман.

В 20-е годы юным комиссаром партизанского отряда шагал Фраерман по дальневосточной земле. В урочища Керби, побережьем холодного Охотского моря, по городу Николаевску-на-Амуре. Боролся он с японскими интервентами. В боевых долгих походах молодой комиссар вглядывался в лица шагавших рядом бойцов, в ком-то из них он увидел будущих героев своих книжек — Ваську-Гиляка, смелого Олешека, верного друга Тани Фильку. Рувим Исаевич писал:

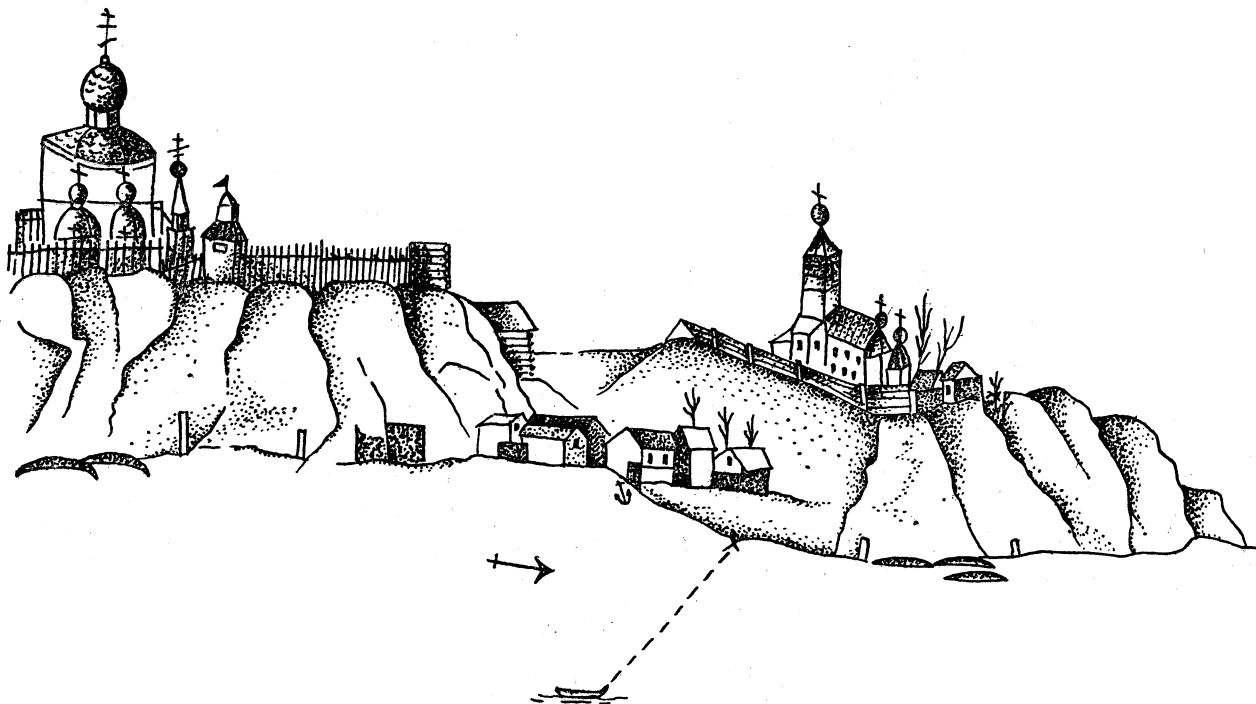
«Я узнал и полюбил всем сердцем величественную красоту этого края, и его бедные, угнетенные при царизме народы. Особенно полюбил я тунгусов, этих веселых неутомимых охотников, которые в нужде и бедствиях сумели сохранить в чистоте свою душу, любили тайгу, знали ее законы и вечные законы дружбы человека с человеком».

Там-то я наблюдал много примеров дружбы тунгусских мальчиков-подростков с русскими девочками, примеры истинного рыцарства в дружбе и любви. Там я и нашел своего Фильку».

Нора Рувимовна никогда не ловила форель, не каталась на собачьих упряжках и не гладила северных оленей. В детстве она училась танцам, бабушка научила ее вязать и шить. Это писатель придумал ее лихой девчонкой с мальчишескими повадками.

Желтый клубок на краешке стола скоро станет сопочками для маленького внука Коля. Таня Сабанеева — бабушка. И все-таки не такая, как все. Раз в месяц по приморскому радио она ведет детскую передачу «Загадки деда Всеведа». Дети присылают ей письма с вопросами про все на свете — про вулканы, про лунные кратеры, про звезды. Тогда Нора Рувимовна снимает с книжных полок справочники и энциклопедии, чтобы найти точные ответы на все вопросы детей.

В окно ее квартиры видно море. По утрам Нора Рувимовна смотрит в голубую морскую даль. «Там, в незримой дали, вставала перед ней иная волшебная страна, простирался светлый край». Этими строчками заканчивается повесть про «Дикую собаку Динго».

ГОРОД БЕРЕЗОВ В 1740 ГОДУ

**София
СМИРНОВА**

В музее Ханты-Мансийска можно увидеть рисунки города Березова, относящиеся к 1740 году. Редкая удача краеведа — найти достоверное свидетельство прошлого: дата звучит внушительно — двести сорок лет назад... Рисунки были сделаны экспедицией астронома Делиля, приезжавшего в Березов для наблюдения прохождения Меркурия по диску Солнца.

В конце прошлого века профессор Казанского университета Якоби и профессор Петербургского университета Поляков пришли к выводу, что на Обском Севере жизнь угасает, и написали письмо царю Александру III. Население на севере, писали ученые, вымирает. Суров климат. Необходимо детям манси и ханты учиться. Хотя бы в объеме первых двух классов. Тогда их, мол, не смогут обманывать купцы и чиновники. Те же ученые утверждали: пройдет пятьдесят, восемьдесят лет — и этих народов не станет.

Царь Александр III, прочитав письмо, написал на нем размашисто: «Ну и пусть!»

Если бы не Великий Октябрь — так и случилось бы. Теперь уже давно обжит дикий, вольно раскинувшийся край, уже не удивляются вогулы и манси крылатым «лодкам» — самолетам, вычеркнуты из памяти местных жителей князьки и шаманы.

Современный Березов растет и строится на месте добычи природного газа, открытого в 1953 году. Старый Березов не сохранил «вещественных» следов прошлого. Как все северные деревянные города, он часто горел, и пожары неоднократно меняли его облик.

Рассказ о Березове следует начать с краеведческого музея Ханты-Мансийска — музея, созданного Аркадием

Николаевичем Лоскутовым, ныне уже покойным. Человек этот стал легендой в здешних местах: он был организатором первой школы в крае, председателем окрисполкома, секретарем окружкома партии; он до конца жизни беззаветно любил свой север, отдавая ему весь пыл сердца, убежденность коммуниста и любознательность краеведа.

Именно в его музее находятся рисунки города Березова, сделанные в 1740 году. Обнаружил их Аркадий Николаевич в архиве, в одной из старых книг. Была она без титульного листа, написана по-французски — кто-то, видно, из ссыльных или гарнизонных офицеров завез ее сюда. Аркадий Николаевич определил по типографским обозначениям, что это подлинник французской книги «Записки Делиля» издания конца XVIII века. Об экспедиции Делиля Лоскутов тогда еще ничего не знал — только позже выяснил все о ней у московских астрономов. Портрет Делиля найден в Ленинграде, в библиотеке имени Салтыкова-Щедрина.

...Делиль Жозеф Николя (1688—1768 гг.), французский астроном и картограф, член академий Французской и Петербургской, совершал путешествие на север. Он был первым директором русской астрономической обсерватории и популяризировал в России гелиоцентрическое учение

Коперника. Делиль разработал интересный способ определения расстояния от Земли до Солнца, наблюдая прохождение планет по диску Солнца.

Это в наше время всякое путешествие задолго до начала прослеживается по картам и чуть не в деталях предстает с помощью справочников и путеводителей. Глобус мы держим в руках с детства, географические карты читаем «с листа»... Но невозможно представить, каким трудным и сложным оказался путь экспедиции Делиля в восемнадцатом столетии. Самым быстрым был санный путь — не зимний, когда короткие дни, метели и морозы мешают путешественникам, а ранневесенний, с еще крепкими дорогами и льдом на реках. Восемнадцать человек везли с собой инструменты, составлявшие целую обсерваторию.

9 апреля, через сорок два дня, после невероятных усилий путешественники достигли Березова. Найден дом, где установили инструменты. В ожидании благоприятных для наблюдения дней члены экспедиции знакомились с краем, осматривали городок. Благодаря этому вынужденному ожиданию мы и имеем сегодня зарисовки города Березова XVIII века. Делал их Товий Кенигсфельд; имея звание адъютанта-астронома, он выполнял в экспедиции множество обязанностей — числился помощником Делиля по части наблюдений и вычислений, рисовал карты, вел дневник, был переводчиком, зная три языка. Подписи под рисунками сделаны на французском, дневник Кенигсфельд вел на немецком.

Члены экспедиции были современниками событий времен падения власти опального полководца Петра I Александра Даниловича Меншикова, затем — Долгоруких. Меншиков был сослан царем в Березов в 1727 году. Конечно, членов экспедиции занимали подробности ссылки сановных приспешников Петра.

В дневнике Кенигсфельда есть запись от 11 апреля: «...Мы посетили начальника караула, прибывшего сюда из Тобольска с пятьюдесятью солдатами, сменяемыми каждый год. Поднялись на колокольню, построенную перед церковью, оттуда смотрели на острог. Здание это расположено за маленькою речкою, через которую сделан мост. Видели церковь, сооруженную Меншиковым и в которой он похоронен под алтарем...» В дневнике есть отметка: «Все это определено (то есть зарисовано) с высоты в 60 футов, с колокольни...»

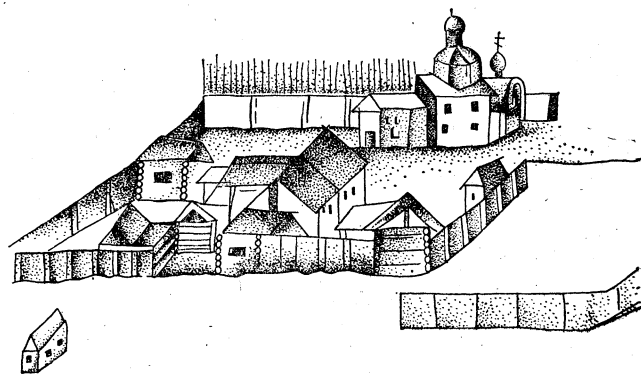
Прошло к тому времени только одиннадцать лет со дня смерти А. Д. Меншикова и его дочери Марии, невесты Петра II. В «острожной» тюрьме содержались и женщины Долгорукие: три дочери, среди них и Екатерина Алексеевна, вторая невеста Петра II, и Наталия Борисовна Шереметьева-Долгорукая с двумя сыновьями.

Острог, который увидели члены экспедиции Делиля, был построен для содержания государственных преступников в 1724 году, за год до смерти Петра I.

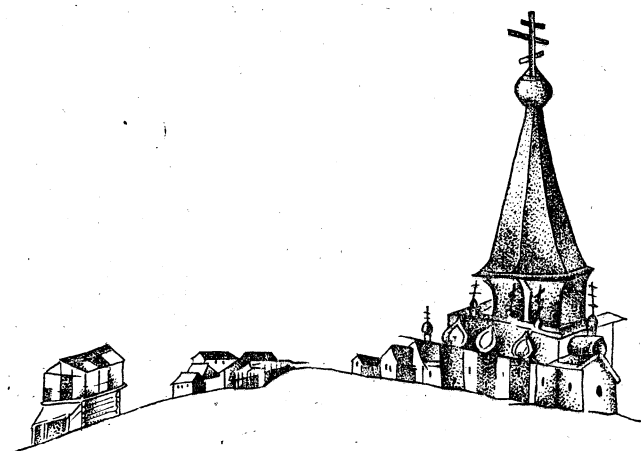
В описаниях Семенова-Тяньшанского записано так: «...Острог был обнесен тыном (частоколом) из толстых стоячих бревен. Внутри небольшого двора находилось невысокое длинное деревянное здание с закругленными сверху окнами. Оно осталось от упраздненного после пожара 1716 года монастыря. Эти остатки жилых помещений и были переделаны в острог».

Наблюдения Делиля не состоялись — солнце так и не открылось из-за облаков. В обратный путь из Березова в Петербург экспедиция тронулась в конце мая и прибыла в столицу в конце декабря, делая в пути продолжительные остановки, чтобы ознакомиться с обычаями населения, с природой.

Делиль работал в Петербургской академии двадцать один год. В 1747 году он уехал во Францию, где стал географом-астрономом французского флота. В Амстердаме в 1779 году, уже после смерти Делиля, вышла его книга «Описание путешествия в Березов» на французском языке, с рисунками Товия Кенигсфельда. В России книга не была известна, и только в 1823 году в приложении к журналу «Русский инвалид» были опубликованы краткие

Вид Березовского острога.

Вид обсерватории и Спасской церкви в Березове.

извлечения из нее вместе с рисунками Березова, но без указания автора.

Историк Д. Н. Бантыш-Каменский поместил один из них на обложку издания своей драмы «Княжна Меншикова»: это вид острога в перерисовке гравера Осипова, приукрашенный и без ссылки на «Русский инвалид» и амстердамское издание.

Позднее, в 1908 году, в книге С. Н. Шубинского «Исторические очерки и рассказы» появляется рисунок «Вид города Березова в XVIII столетии», являющийся также перерисовкой рисунка Товия Кенигсфельда.

Большой пожар 1764 года уничтожил здания, обозначенные на рисунках, сделанных в экспедиции Делиля. Здание тюрьмы в 1784 году было перестроено и перенесено в другое место, в нем помещались присутственные места. И еще один пожар 1806 года совсем истребил это старинное сооружение.

ЭТОТ УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧАЦКИЙ!..

**Николай
НОВЫЙ**

Лидия Фамбулова в роли Чацкого.
Свердловский театр юного зрителя, 1932 год.

Пятнадцатилетним мальчишкой пришел я в кружок художественного слова, который работал в Доме работников искусств при Свердловском отделении Всероссийского театрального общества. Руководила им на редкость живая, энергичная Лидия Александровна Фамбулова.

Мы взяли тогда в работу «Горе от ума» Грибоедова. — «Чуть свет уж на ногах, и я у ваших ног...» — начинал я монолог Чацкого.

— Нет... Нет! Опять не то! — взволнованно перебивала меня Лидия Александровна. — Поймите, что Чацкий — искренний, стремительный, любящий, страстный человек... Души! Больше души вкладывайте!..

Поражала тогда ее собственная страстность, особое видение. Мир, в котором она жила, был нам не совсем понятен, но он был захватывающ и необычаен. Долгими зимними вечерами, когда в ДРИ становилось тихо и пусто, безлюдно, она читала нам стихи Лермонтова, Некрасова, Блока. Неповторимые это были вечера!.. А монологи Чацкого — горькие, ироничные, обличительные — были ее особой любовью.

«Почему Чацкий?» — часто задумывался я.

А вот почему...

Лидия Фамбулова училась в 1927—1930 годах в Ленинградском техникуме сценических искусств, в группе известного советского режиссера Н. В. Петрова. Часто на просмотры спектаклей приходил В. Э. Мейерхольд, его замечания, советы, добрые пожелания студенты принимали всей душой. Однажды, после спектакля по пьесе «Клоп» в Большом драматическом театре, перед ними выступал Маяковский!..

После окончания учебы молодая актриса приехала в Свердловск. И здесь навсегда связала свою судьбу с только что открывшимся театром юного зрителя, тогда его сцена была в Доме культуры имени Свердлова. Амплуа у Лидии Фамбуловой было трагистки — роли мальчиков, подростков.

В 1932 году главный режиссер театра В. Ф. Игреньев решил поставить комедию «Горе от ума».

— Мне очень хотелось сыграть Лизу, — вспоминает Лидия Александровна, — но Владимир Федорович неожиданно предложил мне роль... Чацкого. Я растерялась, долго отказывалась, но он меня убедил, что роль обязательно получится.

Вот это была роль!.. Вот это была увлекательная работа!

Софью играла молодая актриса Н. Артуновская. А Фамбулова, в одном составе играя Чацкого, в другом тоже играла Софью.

— Лидия Александровна! — вновь и вновь настойчиво требовал режиссер. — Нужно играть юно, искренне... Каждое слово должно идти у Чацкого от сердца. От ума — его ирония, а волнение, страстность — от сердца. Надо по-настоящему влюбиться!

Комиссия, принимавшая спектакль, особо отметила свежую, необычную трактовку образа Чацкого «молодым актером».

До сих пор старые театралы помнят Фамбулову в роли Чацкого.

— Спектакль шел на одном дыхании, — вспоминает К. Б. Чечулина, смотревшая спектакль в школьные годы. — Чацкий был удивительный! Мы только из программы узнали, что его играла актриса, женщина!..

Ветеран театра юного зрителя В. В. Розетти сказал, что не встречал в истории театрального искусства примера, чтобы в роли Чацкого выступала женщина.

Потом у Фамбуловой были другие роли: мадам Обломков в «Юности отцов» Б. Горбатова, Бетси в «Плодах просвещения», Оберона в комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь», Еремеевны в «Недоросле», Липочки в пьесе Островского «Свои люди — сочтемся».

А любимой ролью навсегда осталась роль Чацкого!..

ЧТО СКАЗАЛ НЕВЕДОМЫЙ СОММЬЕ

Анатолий
ОМЕЛЬЧУК

Любознательные иностранцы частенько стремились в экзотические края, подобные Полярному Уралу. Если русские путешественники, бывавшие здесь, скромно обходились небольшими путевыми заметочками, то они разражались пухлыми томами. Найти эти книги не трудно: в лучших советских книгохранилищах и библиотеках, наверное, есть все, что посвящено нашей стране,— русские ученые всегда внимательно следили за тем, что пишут их зарубежные коллеги. Иначе обстоит дело с книгой итальянца Соммье. Из всех известных мне библиотек приходил отказ: книги не имелось. Редкие же замечания, оброненные русскими современниками Соммье, только возбуждали любопытство:

«В 1880 году итальянец Соммье пытался пробраться по Войкару до Урала, но отказался от своего намерения, встретив трудности, которые показались ему непреодолимыми». Другой историк Сибири отмечает, что Соммье сделал «ценные флористические и ботанико-географические исследования в низовьях Оби и на Приобской низменности у деревни Лабитнанги».

«Для развлечения Баянус стал показывать осякам рисунки из путешествий Соммье, побывавшего в этих самых местах. Невозможно описать их восторга, когда они узнавали на картинках лица своих соплеменников или предметы своего быта.

— О, йёмас, йёмас! (хорошо, хорошо)... Саход-лабат! (табачник)— и тому подобные восклицания исходили из их уст, когда они узнавали знакомый предмет».

Эта цитата принадлежит перу сибирского журналиста Н. Подревского, она приведена из описания экспедиции тобольского купца Сыромятникова, которого в конце прошлого века на Приполярном Урале поманил блеск уральского золота. Экспедицию возглавлял горный штейгер Кольштед.

Александр Карлович Баянус, упоминающийся в цитате,— один из кольштедских спутников, но здесь он нас интересует как обладатель книги Соммье. Это единственное упоминание о том, что итальянец издал свои путевые записки с иллюстрациями, но где и когда? Да и то, что он — итальянец, еще следовало доказать: единственное подтверждение тому — он называет осяков «донами», как это принято у жителей Апеннин. Кольштед столкнулся с двумя людьми, которые знали Соммье. Это известный в селе Самарове (нынешний город Ханты-Мансийск) крестьянин Василий Трофимович Земцов, он помогал итальянцу, и обыватель из северного села Мужы Петр

Филиппов, сопровождавший его в путешествии. Книга, судя по репликам Баянуса, носит этнографический характер, но и дореволюционные, и советские этнографы, которые дотошно не пропускают ни одного письменного свидетельства об аборигенах Сибири, почему-то не ссылаются на Соммье.

Но книга-то существует, и, надо полагать, Баянус был ее единственным ее обладателем.

Всегда в таких случаях начинают казаться, что именно в этом таинственном фолианте написано то, что не найдешь во всех других книгах.

Случай помогает тем, кто ищет. Следы книги Соммье обнаружили совершенно неожиданно. Елена Александровна Селиванова-Городкова, вдова известного советского геоботаника Б. Н. Городкова, как-то в разговоре упомянула, что ее муж Борис Николаевич в голодные после-революционные годы выменял на какие-то продукты у старого профессора увесистый том, именно книгу Соммье. Интерес Городкова к книге был понятен: он в 1923 году как раз готовился к экспедиции на Полярный Урал и в книге искал «ценные флористические и ботанико-географические» описания. Но позднее щедрой души человек Городков передал уникальную книгу в библиотеку ботанического института считая, что этим редким изданием должен пользоваться не только один он, а все, кто занимался изучением Сибири и Урала. Позднее книга оказалась в ленинградской библиотеке Академии наук. И вот я держу действительно увесистый том, волнуясь при мысли, что он единственный в нашей стране. Книга Стефана Соммье «Путешествие в Сибирь к осякам, самоедам, зирянам, татарам, киргизам и башкирам» издана Ерманом Лохером в Турине в 1885 году и действительно хорошо иллюстрирована репродукциями с картин тюменского художника М. Знаменского и фотографиями Е. Маззанти. Тюменский художник М. С. Знаменский проехал по Оби до Обдорска лет за 20 до Соммье, его работы, зарисовки инородческого быта были приобретены не только сибирскими музеями, но и столичными. В Санкт-Петербурге был издан его большой альбом. Для своей книги Соммье выбрал картины тюменца «Обдорская ярмарка», «Осяки», «Обдорский князь Тайшин». (Фотограф, надо полагать, сопровождал путешественника соотечественника.) Итальянский читатель из этой книги узнавал, наверняка, много нового для себя и о сибирском Севере и о Северном Урале. Однако все, что касается горной страны, здесь эрудированный итальянец обошелся цитатами: он ссылался на Антала Регули, Александра Кастрена, Эрнеста Гофмана, Александра Дренка, Мариана Ковальского и практически ничего нового не добавлял от себя. Но, понимая, что открывает для своих земляков новую сторону, он не обходится только путевыми впечатлениями, дает экономические справки, этнографические описания, исторические выкладки, метеорологические сводки и историю, «антику» Обдорска. Итак, ничего сенсационного «загадочного» Соммье не сообщает, однако значение его труда понятно — это было еще одно достоверное свидетельство любознательного путешественника-европейца, расширяющего границы мира для своих соотечественников, которые познакомились с далеким полярным краем.

Соленые дожди над степью

Федор
КРЕНДЕЛЕВ

Рисунки
Е. Охотникова

«Карфаген должен быть разрушен, и он будет разрушен!» — твердили римские полководцы. В 146 году до нашей эры Карфаген не выдержал осады. Но как разрушить город так, чтобы он уже никогда не возродился? Римляне засыпали Карфаген... солью.

Прошло две тысячи лет, и на месте бывшего города-крепости лежат пустынные земли, там растут только невзрачные солерофиты...

В начале июня 1983 года наша машина вырвалась сквозь багульниковое пламя окрестных лесов Читы и понеслась в Даурские степи. Много приходилось слышать о гнездовьях бакланов и реликтовых чаек на островах Торейских озер, поэтому не терпелось посмотреть этих чудесных птиц среди степей, ограничивающих пустыню Гоби. Пустыня и птицы... Разве не удивительно, что они покидают гнездовья на берегах Байкала и летят на юг Читинской области, в степи, безводье?!

Машина проскочила Цоктор-Хангил, промелькнули мимо десятки высохших озер, превратившихся в белые пятна солончаков. Около одного из них мы увидели, как две цапли гоняют громадного коршуна, а птичья мелочь помогает им, наскакивая на разбойника со всех сторон. Маленький солончак пестреет подвижными комочками, присмотрелись — это монгольские черногалстучные жаворонки клюют горькую соль. Галдят в сорочьих и вороньих гнездах птенцы.

Проехали Цасучейский бор. Такое впечатление, будто деревья сбросили с неба и они воткнулись в песчаные дюны по самую крону, и стволов не видно... К югу лес

становится реже, кроны немного приподнимаются, и отдельные деревья выходят, как богатыри, в дозор, далеко за опушку леса.

На карте, на юге, нарисованы голубой краской два громадных озера: Зун-Торей и Барун-Торей, а на берегу последнего, в самой его северной части — маленькое селенье Кулусутай.

Едем долго, и вот среди степи появилось небольшое село, а вокруг зеленая степь. На горизонте — море и по нему толчками идет не то баржа, не то сухогруз.

У водокачки трактористы наполняют цистерну...

— Далеко ли до Кулусутая?

— Так это ж и есть Кулусутай, — заулыбались мужики.

— А где же озеро?

— Озера давно нет. Ушло...

— Как нет озера? Вон сколько воды, и баржа идет, вон лодки с парусами.

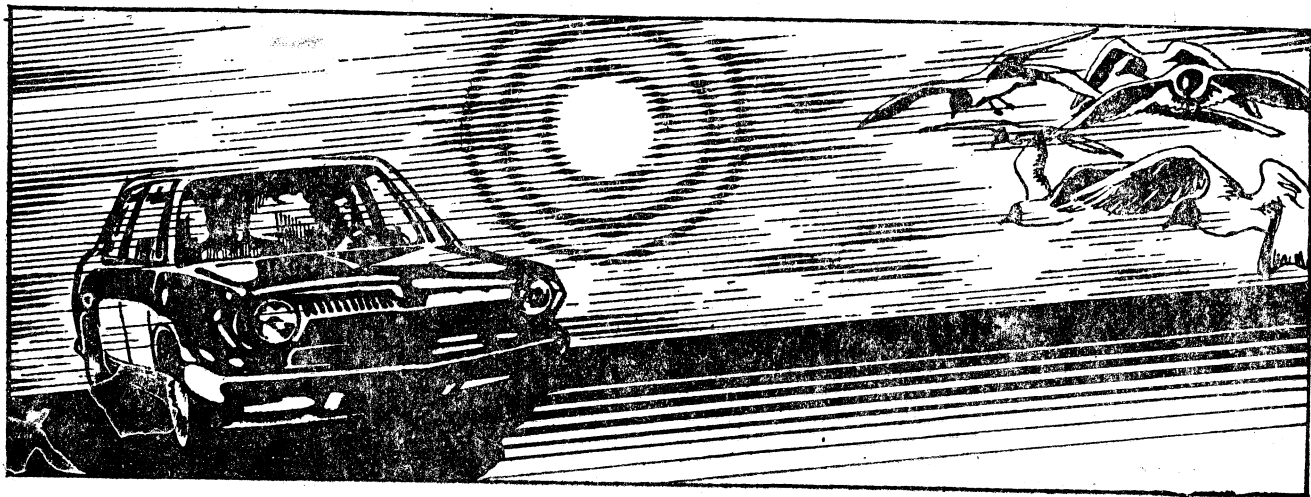
Смеются:

— Это все марево...

— А баржа-то как же?

— Так то ж кошара на том берегу, а это — коровы пасутся... Только искажается все!

И действительно, каждую минуту картина меняется: вот крыша кошары отошла в сторону, деревья перевернулись и стали свисать с неба, а казавшиеся парусниками темные пятна превратились в коров. Затем где-то далеко поднялся, завертелся белой воронкой смерч и стал ввинчиваться в небосвод, прямо в тучи и там растекался снежной пеленой.

— Как проехать к бакланьему острову?

— Дак ведь птиц-то уже там нет давно. Озеро высохло... — слышим ответ.

Однако мы едем вперед... «Волга» идет как по асфальту. На таких озерах, только без камней, американские автогонщики достигают рекордных скоростей.

Не доехав до птиц километра три, останавливаемся (у гнездовья нельзя шуметь) и идем пешком с шофером В. Е. Николенко, взяв фотоаппарат, записную книжку, рулетку и молоток, чтобы отбить образцы базальтов. Не успеваем отойти и сотни метров, как поднимается метель, и, когда накатывает эта снежная стена, дышать становится трудно, глаза наливаются слезами. Это — соляная буря, и над островком даже поднялся смерч.

Над нами с криком пролетают одинокие чайки и два баклана. Вдоль кромки степи чинно расхаживает пара серых журавлей. Когда до островка осталось дошагать метров двести, первыми поднялись с гнезд чайки, затем — бакланы. Отлетели, опустились на соляное поле. Мы ступили на островок и увидели на посыпанных солью скалах гнезда чаек: в каждом было одно-два, иногда три яйца или один-два, даже три птенца. Многие яички уже треснули, и мы видели, как птенцы вставали на ножки и затем старались спрятаться под камешек. Методично, метр за метром обследуем остров. 643 гнезда... В них — 1095 яиц и 303 птенца... Сотни взрослых птиц летали над нами и опрастывали на нас свои желудки.

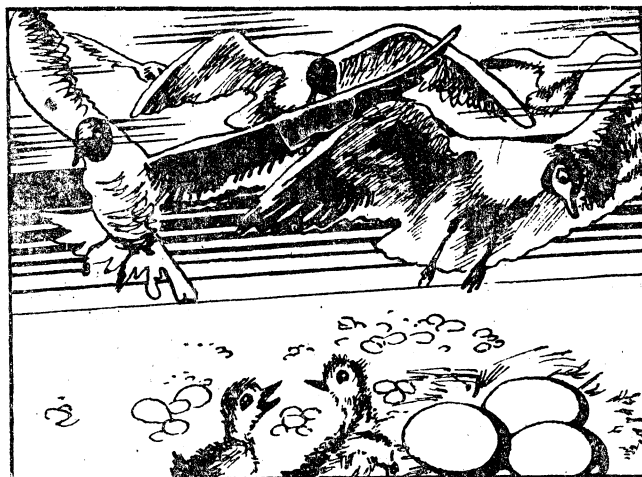
Только закончили подсчет и фотографирование, как поднялся прямо над нами смерч, освещение стало как в операционной — белое, без тени. И я увидел чудо: галло вокруг солнца. Как в морозный день где-нибудь в Оймяконе, где кристаллики льда рассеяны по всей толще атмосферы и создают этот оптический феномен. Но здесь нет снега, мороза, а дышит жара... Откуда же галло?

Снова едем... К Уточьей пади, славящейся гнездовьями шилохвости, связы. Пастухи нам рассказали, что нынче там гнезд не было. Почему? Воды отошли... Прошлой зимой камыши выкосили на подстилку овцам, и теперь там берег обсох, коршуны задрали всех птенцов, которым негде стало прятаться, пока родители на охоте.

Повсюду мы отбираем пробы хужи́ра (солонцов). Тело зудит, хочется пить, а воды мы не взяли. Вдруг шквальный ветер поднимает перед нами пыль, и в ветровое стекло ударяют капли дождя. Выставляю кружку, чтобы набрать дождевой воды. Попить не удается: вода горько-соленая. Потом, когда провели анализ этой влаги, убедились, что содержание соли в ней велико — 55 миллиграммов на литр. Позже я нашел в одной научной статье еще более веские данные: в Борзе, удаленной от этих озер примерно на 90 километров, содержание соли достигало даже 80 миллиграммов.

Над Даурскими степями льются соленые дожди. Они отравляют все вокруг на гигантских площадях.

Но отчего все-таки высыхают озера Даурии? Виновен ли в этом голько человек, что гонится за сиюминутной выгодой и косит, например, камыши, которые охраняют влагу, дают приют птицам, или есть и другие причины, может быть, глобальные? Вопрос непростой. Озера многократно высыхали и снова наливались. Из сообщений путешественников и ученых прошлых веков (Паллас П. С.,

1772, Радде Г. И., 1855) и нашего века известны факты полных пересыханий и заполнений озер. В 1953 году после дождей в верховьях река Ульдза переполнила озеро Барун-Торей и воды из него перелились через перемычку в Зун-Торей. До 1953—1958 годов речка Ульдза несла свои воды на юг в монгольские озера Телик-Гол, Хух-Нор, Ихэ-Далай-Нор, а после периода катастрофических гоби-алтайских землетрясений вдруг повернула на север. в наши края. На берегах Барун-Торей видно более десятка ступенчатых песчаных баров, свидетельствующих о скачкообразных изменениях уровней озер. Об этом же говорят слои гумусированных песчаных отложений и погребенных почв на террасах озер и в береговых отложениях рек. Среди таких слоев встречаются кости бизонов, носорогов, а близ города Кяхты — даже скорлупа яиц страуса. Когда-то в этом районе была совсем другая жизнь, иной климат...

К сожалению, изучение Торей далеко не продвинулось. Рядом с ним располагается реликтовый Цасучейский бор: как связано его существование с судьбой озер? Нет ли в годовых кольцах многовековых сосен «записей» о периодах увлажнения и засух? Нет ли такой же информации в донных илах и солонцах озер? Как использовать эти озера в народном хозяйстве? На берегах озер известны грязевые вулканы, спутники соляных куполов и газовых месторождений. Они еще недостаточно изучены. Любопытно, что геофизические съемки 1953 года показали, что под Торейскими озерами и Кысутайским увалом лежат какие-то легкие массы. И это наблюдение говорит о реальности существования соляных куполов.

Вопросов к природе этого края много, ответов — мало... Но как бы то ни было, выкашивание камышей по берегам озер и особенно в устьях рек недопустимо так же, как вырубание лесов в вершинах рек, питающих озера.

Бассейн реки Ульдзы располагается почти целиком в Монголии, где имеются заказники. Настала пора подумать о создании заповедника в приграничных зонах обоих государств. В этой полосе, кстати, сохранились некоторые редкие животные и птицы. — тарбаган, джейран, серая цапля, реликтовые чайки, бекасовидный веретенник.

Один на сто верст

Валерий
КОРШИК

Снимки
Ю. Подкидышева

Километров за восемь до избышки пошло болото с чахлыми сосенками, потом лесовозная дорога вбежала в густой еловый лес, и председатель исполкома Хорпийского поселкового Совета Савелий Павлович Анямов, облегченно вздохнув, сказал:

— Ну, отсюда до Пеликова рукой подать. Считайте, что приехали.

Мы ехали к человеку в некотором роде необычному.

— Случай, уникальный,— согласился Анямов.— Даже среди нас, охотников-манси, такого не встретишь. Как бы далеко в тайге ни жил человек, а связи с другими не теряют.— И, помолчав, вдруг добавил:— А если о необычном говорить, то у нас есть человек не менее любопытный...

— В каком смысле?

— А один в тайге двадцать лет живет. Представляете, он да собака, и больше никого на сто верст вокруг. И хорошо бы молодой— а то старик, восемьдесят лет. Сам охотится, сам себе дрова заготавливает, пищу готовит...

— Что же, у него никого нет?

— Почему нет? Есть... Дети, внуки. Сын, Павел, живет в мансийской деревне Тресколье, зовет к себе отца, а он— ни в какую, наотрез отказывается переезжать. Места у него там пушнинной богатые, а самое главное— привычка всю жизнь прожить на одном месте и вдруг уехать...— Савелий Павлович замолчал.— Вам, горожанам, этого не понять, в городе не то... А здесь человек сливается с природой, становится частицей того места, где живет— оторваться так же больно, как резать по живому. Впрочем, сами поговорите с Пеликовым. В прошлом году туда зимник проложили, лес вывозят. Если желаете, можете съездить.

И вот, миновав почти сто километров, наш «уазик» останавливается на повороте лесовозной дороги, откуда ведет в лес утоптанная тропа. За редким сосняком виднеется на поляне низенькая, прямоугольной формы избышка, над которой из железной трубы вьется сизый дымок. Значит, не зря ехали: хозяин дома. Из других хозяйственных построек привлекает внимание амбарчик на высоких, гладко затесанных столбах, к которому прилажена легкая жердевая лесенка, и крытый навесом загон для оленей.

— Оленей старик уже не держит,— объясняет Савелий Павлович,— тяжело. Отдал всех сыну. А вот и он сам...

Из избышки вышел небольшого роста старик с длинными, до плеч, седыми волосами, в расшитой узорами национальной рубашке поверх брюк и в резиновых сапогах. В свои восемьдесят лет Николай Николаевич выгля-

дит еще крепким, только слегка сутулится. Во взгляде выцветших глаз— независимость и достоинство.

— Как здоровье?— спрашивает его Савелий Павлович.

— Емас, емас,— отвечает сиплым голосом старик.

— Говорит, хорошо себя чувствует,— переводит Анямов,— только вот спина немного побаливает, должно быть, к перемене погоды.

Избышка охотника разбита бревенчатой перегородкой на две равные половины. Первая— бытовая, с лежанкой в углу, при случае может заночевать гость. Здесь же Николай Николаевич моется в банные дни. Нагревает на «буржуйке» вместительный цинковый таз с водой, «закрывает даери»...

— Можно даже париться,— говорит Савелий Павлович.— Надо только плеснуть на раскаленную «буржуйку» ковш воды. Получится не хуже, чем в бане.

Вторая половина дома— жилая. Стены и потолок обиты пожелтевшей от времени клеенкой, в дальнем углу у крохотного окошечка— лежанка, спрятанная от глаз занавеской, напротив— сколоченный из тесаных досок стол. Тут же вторая печка. Все остальное пространство занимают всевозможные ящики и ящички, приборные доски явно авиационного происхождения. В тридцатых годах здесь, в горах, потерпел аварию самолет, и все пригодное

в быту с оборудованием с него Николай Николаевич привез в дом.

Сидя в удобных самолетных креслах, мы пьем чай со свежим печеньем — недавно к Пеликову приезжал сын и привез гостинцы. Разговор идет о жизни.

Охотиться Пеликов начал с восьми лет и до прошлого года сдавал государству пушнину. В основном — белку. Есть тут и соболь, но он требует к себе внимания: порой два-три дня надо выслеживать осторожного зверька — старому человеку это не под силу. А белки тут много.

— Особенно в этом году, — переводит Савелий Павлович. — Брусника уродилась хорошо, шишка есть. Белки столько, что без собаки можно брать. Но глаза стали плохо видеть, вот и бросил промышлять — пусть этим молодые занимаются. Ну, а в крупного зверя еще может попасть... Недавно отбил у волков лося. Молодой был лось, быстро выдохся, впрочем, и взрослому сохатому бывает трудно уйти — волки здесь крупные, полярные. Хорошее мясо сложил на навес, а остальное оставил в снегу, а рядом два капкана поставил. Но волки хитрые — рядом сутки пролежали, а к мясу не притрунулись... Чувствуют капканы.

А лося отбитого они не простили: на той неделе загрызли собаку... Погналась за зайцем и... Так что теперь Николай Николаевич остался совершенно один. Такова суровая проза таежной жизни.

Пытаюсь представить, как этот седой старик, одетый в малицу, на коротких, подбитых камусом лыжах пробирается по узкой охотничьей тропе. Совершенно один в таежном безмолвии. И удивляюсь спокойному мужеству этого человека, его преданности своим суровым местам. В чем корни этой привязанности? Прав Савелий Павлович: человек здесь слился с природой, стал частицей того места, где живет. Вон та, могучая, как дуб, сосна на краю поляны — что говорит она мне, приезжему человеку? Только то, что она отличается от своих стройных подруг, растущих в тихом светлом бору. А для него, Пеликова, это целый мир. Здесь, под сосной, жена Дарья родила ему дочь, сюда она просила принести ее перед смертью. Что-то тянуло ее сюда в главные моменты жизни... Открывавшийся простор с видом на заливные луга, или бархатный гул вечнозеленой кроны?

И такой живой памятью дышат на старого человека каждый предмет, каждая полянка и тропка. Увезите его отсюда — и вы лишите человека не только памяти, но и нравственной основы существования. Связь человека с прошлым обнажена здесь до предела, переживается остро и трагично. Ради этой памяти он отказывается от удобств, которые сулят ему жизнь в доме сына, ради этого в восемьдесят лет сам добывает и готовит себе пищу...

Везде — на подоконнике, на всевозможных полочках или просто подвешенные на нитку — красуются вырезанные руками Николая Николаевича фигурки оленей, лосей, медведей... Медведь, вырезанный из бурого березового нароста — чаги, не веселый добродушный олимпийский Мишка, а суровый зверь, к которому художник относится с уважением, как к равному. А вот олень, без той гордой позы, которую привыкли придавать ему художники, — это олень-труженик, с опущенной слегка головой и удивительно добрыми глазами.

Реализм и фантазия, полет мысли и область невероятного... Лошадь, вырастающая из человеческого торса — сюжет, скорее близкий древнегреческой мифологии, о которой неграмотный старик охотник, конечно же, никогда не слышал.

Двадцать лет живет человек один-одинешенек, и, кроме сил природы, искусство — вечное и молодое — в этих условиях помогает ему оставаться человеком!.. Вырезает он не только животных. Вот сделанный собственными руками национальный струнный инструмент — санькытап. Что-то похожее на нашу гитару, только сделанное все из цельного куска дерева, внутренность которого тщательно выдолблена. Звук у него тугий, похожий на то, как гудят в непогоду верхушки сосен...

И еще Николай Николаевич занимается домашним конструированием. Изготовил вентилятор, который приводится в движение от колесика, установленного в другом конце избышки. Отшел туда вроде бы по делу — и вдруг над вашей головой неожиданно заскрежетали жестяные лопасти... Игрушка, шутка, но и она говорит многое: в восемьдесят лет человек не утратил чувства юмора.

...Настало время прощаться, тем более что нам надо спешить: пришедшая на Северный Урал ранняя весна в один день растопила проложенный по болотам зимник. Обрато мы шли уже с последней колонной лесовозов.

До зимы ни одна машина больше не приедет сюда. Охотник Николай Николаевич Пеликов остался один со своими удивительными фигурками, с музыкальным инструментом, у которого такое поэтическое название — санькытап, с огромной необъятной тайгой за стенами избышки...

На снимках: фигурки, вырезанные Н. Н. Пеликовым.

Владимир
КУРБАТОВ

Рисунки
С. Малышева

Новеллы

РУБРИКУ ВЕДЕТ

ПИСАТЕЛЬ Б. С. РЯБИНИН

ЛИСА В ЗЕМЛЯНКЕ

Вспоминается лето 1941 года. Моя часть выходила из окружения. Прорывались мы к Смоленску. Бои в окружении всегда неожиданные, кровавые. Мгновенья решают. Не даешь немцу опомниться. Прорываешься грудью — и такое оружие было.

...Оторвались будто от противника. Вышли к речке Басе. Небольшая речушка, чистая, ласковая. А по ту сторону село Черневка. Не знаем, кто там: немцы или уже свои? Разведку отправили. А сами привал сделали. Очень нужен был отдых людям. Вокруг лес и тишина. Отвыкли мы от нее за два месяца непрерывных боев!

На небольшой поляне несколько землянок. В мирное время, верно, здесь был стрелковый полигон. Пожевали у кого что нашлось. Со мной два парня шли, один — совсем молоденький. Миша Рычков. В мае в действительную призванный. Не привыкший еще к солдатской самостоятельности. Все ко мне льнул, я его сынком звал. Черногозый, тоненький, и лицо удивленное. Будто все понять не может: зачем война? Вытащил я из своего сидора заветную краюху хлеба. Ребята достали конфеты-подушечки с фруктовой начинкой. Поели. Запили речной водой, которую Мишка в котелке принес. А соснуть, в отпущенный войною срок, завалились в землянке.

Не знаю, сколько пришлось поспать, только проснулся я от грохота. Землянка тряслась, будто нас в телеге везли. Вой и свист прерывались взрывами. На нас сыпалась глина. Мишка ухватился за мою руку, и я понял, что он хочет выскочить из землянки. «Сиди, дурень, — крикнул я, — от бомбежки не убежишь!»

Лют свист бомбы. Заливает уши свинцом, рвет душу.

Дверь землянки взрывной волной оторвало и метнуло в лес. И вдруг мы увидели в дверном проеме лисицу. А в зубах у нее — лисенок. Смотрит Патрикеевна на меня, я — на нее. И мороз у меня по коже... Не страх, а мольба в глазах у зверя: «Не трожь меня. Помогии!» Видимо, не ожидала людей здесь встретить. Потому и застыла у входа.

— Иди к нам! — позвал ее Мишка, и голос у парнишки дрожал.

Мы отодвинулись, опутив головы, чтобы взглядом не смущать зверя.

Нырнула лиса в землянку, положила лисенка, покрыла его хвостом, как шалкой, а сама вверх, в проем смотрит. Потом метнулась вон из землянки.

— Что это она? — шепчет Мишка,

— Не один у нее детеныш, — догадался я.

И вправду через несколько минут принесла второго. И опять ушла.

Трое их у нее было. А когда собрала всех, не глядя на нас, облизала им мордочки, подмяла под себя и, уже лежа, чутко вслушивалась в происходящее наверху.

Надо ведь, зверь лесной, хищный. Человека в обычных условиях близко не подпустит, а тут беда объединила. Великое материнское начало победило... Так и просидели трое бойцов с лисиним семейством до конца бомбежки.

А когда стихло, лиса, взглядывая на нас глазами с зеленой искрой, по одному вытащила лисят в лес.

ОРЕЛ-ПТИЦЕВОД

Ясный и грозный взгляд у Яшки — орлиный. Черный железный клюв у него — орлиный.

Двухметровый размах богатырских крыльев — орлиный.

Когда радуется или сердится Яшка, клекот вырывается из его горла — орлиный...

О, бескрайняя степь, если в небе твоим биризовом не парит орел — ты бесплодна и мертва, обреченная превратиться в пустыню.

А если в человеке нет больших мыслей и чувств — орлиных, он будет подобен бесплодной ветке саксаула, лежащей без радости и нужды...

— Дядя Сарап, ты хотел что-то рассказать?

— А разве я молчу? Вы привыкли говорить просто: вода, камень, иду, ем... Такая речь бесцветна...

— Но ты обещал рассказать об орле...

— Я и рассказываю о нем. Со скалы Кызыл-Дага из гнезда свалился птенец...

— А почему он свалился?

— Смелый, он не стал ждать пока окрепнут крылья... Я подобрал его. Очень редко орленок выживает в человеческих руках. У меня он выжил...

— Ну, что же ты замолчал, дядя Сарап? Говори!

— Иногда говорит и молчание, только это надо понимать... Так вот, окреп орел мой, красивый и сильный, но в глазах у него тоска. Я вы-

растил его, но не научил делу... Для охоты я уже стар. А разве может жить орел без дела?

— Какого дела, дядя Сарап?

— Хе... Орлиного дела, большого...

— Ну и что дальше?

— Я стал думать... Если уж не к охоте, то к какому делу приспособить орла? Делу, достойному царственной птицы...

— И ты придумал?

— Как не придумать, если ты человек?! Орел парит на крыльях — люди в мыслях...

— Чего же ты придумал?

— Я пошел на птицефабрику и сказал: «Возьмите у меня Яшку». — «Зачем нам хищник?» — удивилась директор Нина. Она мудрая женщина. Каких птиц там выращивают! Разве раньше об этом можно было мечтать?! И куры эти особенные. Они растут, как в сказке. Требуют для себя витаминов и любят делать зарядку. Вы улыбаетесь? Это неверие рождает насмешку. Сходите сами и посмотрите. Молодые должны быть любопытными, иначе они не узнают жизни...

— Как же куры делают зарядку?

— Директор Нина подвешивает свеклу. Куры подпрыгивают и клюют. Вот вам витамины и зарядка! Директор Нина провела сейчас птицам радио. Она говорит, что тихая музыка создает у птиц хорошее настроение. «Яшка тоже даст им настроение!» — сказал я. — Он будет охранять твоих несушек и цыплят». — «Охранять?» — переспросила Нина. Я увидел, что директор Нина задумалось. «Может, ты и прав, дядя Сарап. Давай еще раз подумаем». И мы стали думать вместе.

— Что же вы придумали?

— На крыше установили вольер для орла с высоким наместом. И Яшка стал нести караул. Теперь он веселее, потому что над ним открытое небо, и он с высоты обозревает пространство.

И на фабрике пошли дела лучше. Чувствуя близость грозного хищника, голуби и галки, вороны и воробьи за версту облетают сейчас куриный городок. А раньше они причиняли беспокойство и людям, работающим здесь, и птицам — поедали куриный корм и, как объяснила мне директор Нина, заносили инфекционные заболевания. С приходом Яшки — падеж птицы стал меньше. Мой орел несет свою службу уже третий год! Директор Нина довольна. Доволен и Яшка. Он отзывается на кличку и, взмахивая метровыми крыльями, позволяет себя погладить, прайзда, только директору Нине.

— Ты тоже мудрый, дядя Сарап. Но ответь нам честно, не унижают ли орла куриные хлопоты?

— Хе... Не лукавьте, молодые батыры! Человека не унижит никакое дело, если оно полезно людям... Я правильно говорю?

— Да, это так...

— Почему же тогда оно не достойно орла?

ГУСЯ-ДУСЯ

Прошлым летом побывал я в родимых краях. И радость, и грусть приносят такие поездки. Радостно видеть места, где прошло твоё детство. Вот старая шелковица, дерево, на которое ты впервые влез, а потом боялся спуститься. Оно все еще стоит, но, увы, не кажется великаном. Вот дорожка, ведущая к старому пруду, но он ничем не напоминает море. А ведь когда-то на садовом плотике мы переплывали его, представляя себя отважными морскими волками. Сейчас все кажется не таким значительным, не достаточно ярким. Окружающее обретает свои истинные размеры и ценности. И вы печально улыбаетесь, понимая, что детские впечатления никогда не вернутся к вам. Вот это и вызывает грусть.

Родного села Заветного (прежде — Саурчи) я не узнал. Обилие современных домов, скорее коттеджей, под шифером и железом. Где ты, глинобитная землянка, на крыше которой с весны разрастался бурьян? Молодежь не поверит, что ты существовала и не увидит тебя даже в музеях. Тетка моя, до неузнаваемости постаревшая, долго рассматривала меня. «Та неужели это ты, Петро, племянничек? — и смахивала фартуком слезы с дряблых морщинистых щек. — Не оженился? Горемыка! Забыл батьковщину...» А я растерянно и радостно улыбался. И не оправдывался. Нельзя людям забывать родные места.

Тетка захлопотала на кухне — конечно, на ужин будут вареники. А я пошел поглядеть на село.

У соседнего дома стояла женщина. Она пристально смотрела на меня. Я узнал ее.

— Здравствуй, Катя! — сказал я.

— Ты, Петро?

Я подошел к ней.

Много лет назад мы ходили с Катей в школу. Родители наши были дружны, и я считал себя Катиным защитником. Дразнили ее в школе Кнопкой за малый рост. А в юности вытянулась, похорошела. И я целовал карею под шелковицей.

— Когда приехал?

— Сегодня...

Из дома вышел маленький мальчик и удивленно уставился на незнакомца большими Катиными глазами.

— Сын? — спросил я, не умея скрыть грусти.

— Да, конечно... — И она почему-то смутилась и стала гладить мальчика по белокрысой голове.

И мальчик этот напомнил мне прошлое. Как-то весной четырехлетний Катин братишка Колька принес нам молозево. «Мамка вам передает!» — важно говорил он, пытаясь поставить на стол миску с этим крестьянским деликатесом. Кате-

рина, видимо, постеснялась прийти. Кольку этого знала вся деревня из-за одной истории. Месяцев девяти от роду, еще только ползая, он подружился на своем дворе с ровесницей... гусыней. Что свело чванливую птицу с малышом — оставалось тайной. Но дружба у них была несомненно. Мальчонка ползал по траве, а гусыня подходила к нему и благосклонно изгибала шею. А он вместо «гуся» выговаривал «Дуся». И «гуся-Дуся» замирала, прислушиваясь к лепету ребенка и сама в ответ негромко рокотала: «Го-го-го»...

Дружба с дитятей спасла птицу. Ее не забил. И уже четыре года было Кольке, и четыре года было гусыне, и столько же их неохладающей дружбе. Он таскал ей орехи и вишни, а она спешила к нему, радостно хлопая большими белыми крыльями.

— А Коля как живет? — спросил я.

— Помнишь его? — удивилась Катя. — Да вот он идет, — и она показала рукой в сторону подхившего парня, загорелого и запыленного.

Мы поздоровались.

— Не узнаешь меня? — спросил я.

Он застенчиво улыбнулся и покачал головой.

— Та Петя это Чебыкин, соседом был, — сказала Катя.

— Ну, да мал он был, когда я уехал... В армии отслужил?

— Отслужил... Уже три года механизатором работаю.

Глядя на парня, я улыбнулся вновь.

— О Дусе твоей вспомнил, — пояснил я, — долго еще прожила она после моего отъезда? Николай и Катя переглянулись.

— Дуся! — крикнул он вдруг, повернувшись в сторону дома.

Из двора, тяжело переваливаясь, спеша, вышла жирная гусыня. Она не хлопала, как прежде, крыльями. Птица вытянула шею, коснувшись парня, а он нагнулся и ласково погладил Дусю.

«Да полно, та ли это птица», — подумал я, вопросительно глядя на Катю.

— Та, Петечка. Двадцать четыре года ей уже. И каждый день встречает Колю! — Будто бы слезы набежали Кате на глаза. Помолчав, не дождавись моего ответа, с легким вздохом она добавила: — Правда, верная дружба?

— Правда, Катя, — ответил и я, неловко простившись, быстрым шагом пошел на теткин подворье.

Двадцать четыре года! Что за феноменальное долголетие?!

Сумерки сгустились по-южному быстро. Замигали веселые звезды. Надсадно стрекотали цикады. Где-то лениво лаяла собака. Я остановился в теткин садике и оперся о ствол старой вишни. Меня удивила и встревожила гусиная верность...

НА «АМУРЕ» ПО ТУРУХАНУ

**Владимир
КОРКИН**

Снимки автора

В «Уральском следопыте» № 8 за 1983 год был напечатан путевой очерк Владимира Коркина «Обь-Енисейский канал». В нем рассказывалось о том, как трое туристов, рабочие Каменск-Уральского завода обработки цветных металлов, на лодке-казанке прошли по каналу, соединяющему две великие сибирские реки.

Летом 1983 года Владимир Коркин, Алексей Степанов, Сергей Судариков и новобранец экипажа Владимир Царев отправились в новое водное путешествие в дальние края.

24 июня 1985 года исполняется сто лет со дня рождения выдающегося деятеля большевистской партии, одного из создателей Советского государства, председателя ВЦИК Якова Михайловича Свердлова. Экспедиция имела целью побывать в местах, где отбывал ссылку Я. М. Свердлов, — в низовьях Енисея, в Туруханске и в Курейко. За месяц отпуска предстояло пройти на моторной лодке около 4,5 тысячи километров.

Руководитель экспедиции Владимир Коркин снова стал корреспондентом нашего журнала...

В Тюменском порту мощный горбатый кран, как детскую игрушку, подхватил с машины наш катер и плюхнул его в Туру. Путешествие началось. Однако началось не сразу гладко: никак не можем выйти на глиссирование. Шестидесятикиловаттный двигатель работает на всю мощность, а катер лишь буровит своим телом воду. Перегруз. За Тюменью выбрасываем на берег нужные и ненужные вещи, без которых решили обойтись. Это немного помогает. В Тобольск приходим с опозданием на трое суток, а к Салехарду — в графике.

От капитана судна, у которого мы приткнулись к берегу, узнаем, что Обская губа закрыта. Лед, который по всем законам природы Крайнего Севера в середине июля должен освободить губу, еще стоит: запоздала весна.

Как теперь быть? На берегу, то есть дома в Каменске-Уральском, мы решили идти через Обскую губу к Диксону, а там вверх до Туруханска. Льды преградили нам путь. Значит, остается единственный выход — попасть на реку Таз. Там ведь рукой подать до бассейна Енисея. Каков он — водораздел? Может, волоком перевезем катер или вертолетом удастся перебросить его?

После Салехарда Обь поворачивает на восток, и целый день мы идем по Северному полярному кругу.

Пройдя Надымский бар, уже в Обской губе, берем курс строго на север. В Тазовской губе наш «Амур» попал в переплет. Дул северо-восточный ветер, муссон, как его здесь называют. Волны «с головой» накрывали катер, он не слушался нас. Думали, что тут и будет финиш нашего путешествия. На помощь подоспел теплоход «Ишим». Капитан Александр Леонтьевич Кузлякин распорядился поднять наше суденышко на борт теплохода. Здесь мы и переждали шторм, помылись в бане, отдохнули.

По Тазу шли медленно, были частые остановки, да и скорость против течения поубавилась.

На протоке близ Красноселькупской подбазы мы причалили к одинокому чуму на берегу.

В чуме сидел старик, он молчал, долго молчал, сложив ноги калачом. Наконец обратил на меня внимание и спросил:

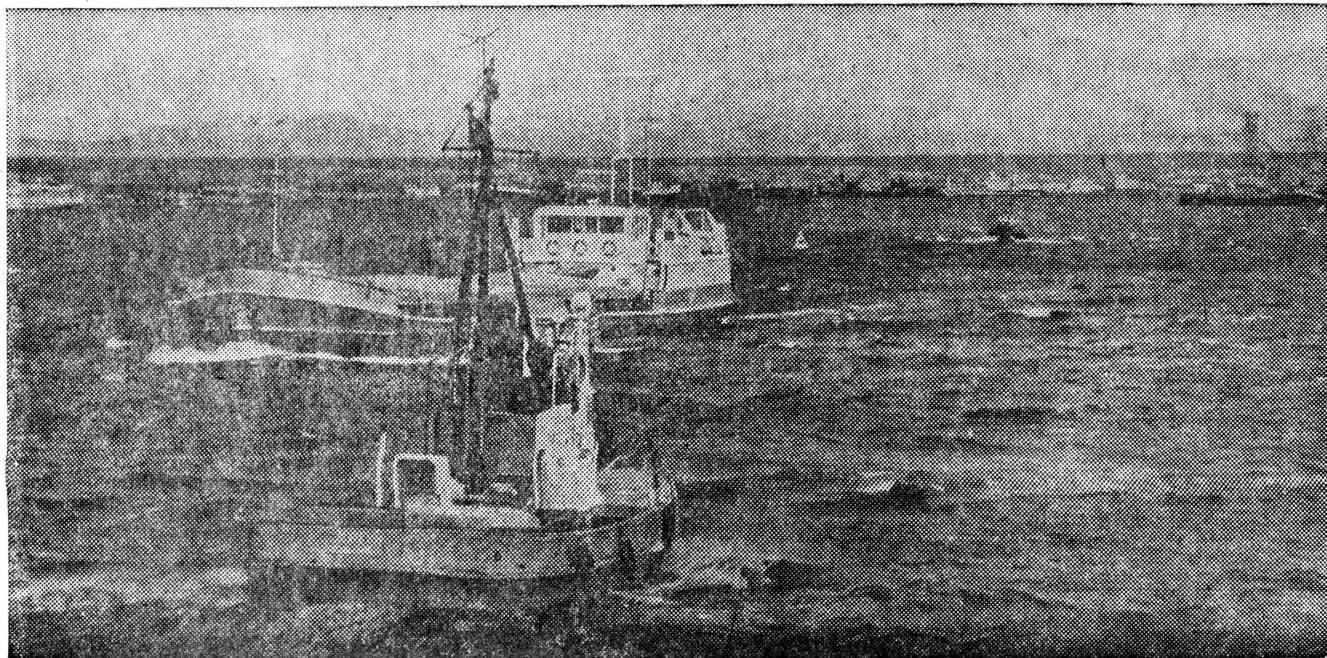
— Пошто на Таз пришел?

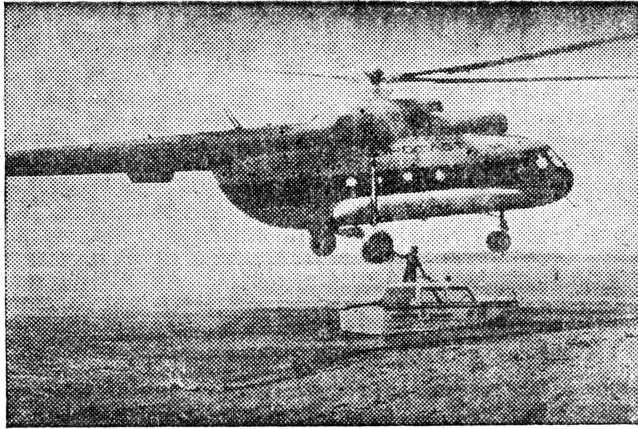
— На Турухан бы нам надо, но пока не знаю, что из этого получится.

Старик опять долго молчал, попыхивая трубкой, потом медленно заговорил:

— Молодой был: туда ходил, сюда ходил. Когда воды много, по реке Худосей в Турухан лодка ехать

Обь у Салехарда

Только вертолетом можно долетать

можно. Солнца много — воды мало. Хой¹ вода выпил, ходить лодка нельзя. Начальнику большой спасибо говорить надо — вертолетку даст. Вертолетка как птица...

Значит, только вертолетом можно долететь до Турухана. Вот и старик хант так считает.

В тот день мы прошли трехсоткилометровую отметку, где сразу два исторических места. Одно связано со знаменитой Мангазеей, другое — с поселком Сидоровск, названным так в честь известного сибирского золотопромшленника, мецената, путешественника, человека, влюбленного в Сибирь, мечтавшего об открытии Северного морского пути. Его люди нашли удобный путь из Таза на Турухан именно в этих местах, где стоит поселок. Было это во второй половине XIX века. Михаил Константинович Сидоров отдал жизнь и все состояние своей великой мечте. От поселка осталось почти только название: мы насчитали семь приземистых избушек и один дом Сидорова, в котором сейчас разместился пионерский лагерь.

Миновав Сидоровск, мы снова пересекли Полярный круг и до Красноселькупы добрались без особого труда. Утром мы с Алексеем шагали по деревянному тротуару в райком. Мы, конечно, понимали, что вертолет — это не грузовая автомашина, которых тут, как я заметил, сотни. Заполучить дорогостоящую технику — дело не шутейное.

С секретарем райкома комсомола Александром Нуждиным идем в кабинет Григория Гавриловича Кулинич, первого секретаря райкома партии.

Познакомились. Кулинич усадил нас с Алексеем за длинный полированный стол. Мы изложили свою просьбу:

— Сейчас, следопыты, соберем нужных людей для этого дела, — не пряча улыбки, сказал Кулинич и подошел к телефонным аппаратам. Вскоре в кабинет секретаря пришли начальник аэропорта и еще несколько человек.

— Владимир Семенович, — обратился Кулинич к начальнику аэропорта, — эти вот ребята идут из Тюмени своим ходом, на катере марки «Амур». Отмахали они уже больше трех тысяч верст. Цель их — попасть в Туруханск. Наша задача — перебросить экспедицию вместе с катером на реку Турухан.

Я ждал, что начальник аэропорта встретит нашу просьбу без энтузиазма: нет, мол, свободного вертолета, что с горючкой — плохо, ну и тому подобное. Но я ошибся. Владимир Семенович встал, подошел к моей карте, которая лежала на столе, и спокойно начал рассуждать:

— До Янова Стана около сотни, но протащить бы вас подальше, сбросить ниже хотя бы на 50—60 километров... Одним словом, докуда хватит горючки с возвратом на базу, туда и отвезем ваш катер.

Так вот неожиданно просто решился вопрос переброски нас на Турухан.

В коридоре райкома начальник аэропорта сказал, что выполнять этот рейс будет экипаж Григорьева, лучший в подразделении.

В воскресенье утром экипаж вертолета Ми-8 — командир Леонид Александрович Григорьев, второй пилот Петр Александрович Федяев и радист Олег Васильевич Гранкин — был готов к необычному рейсу: с катером на подвеске.

Вертолет оторвался от земли, медленно пошел вверх — катер завис в воздухе. Я остался на земле — сделать снимок. С трудом затем взбираюсь по веревочной лестнице через нижний люк в машину. И вот наша верная посудина, катер типа «Амур» с надписью «Уральский следопыт» на борту поплыла по... воздуху.

До реки Турухан летели около часу. Вскоре мы увидели метеостанцию Янов Стан — так когда-то назывался поселок, где сейчас осталась одинокая изба — метеостанция. Но на посадку вертолет не пошел, а потащил нас дальше вниз по-над Туруханом.

— Сейчас садиться будем, — крикнул Олег, сидевший весь путь возле люка: он корректировал подвеску катера.

Мы даже не заметили, как наш катер плюхнулся на воду, как ребята отцепили его от вертолета. Сделали прощальный круг. Мы остались одни...

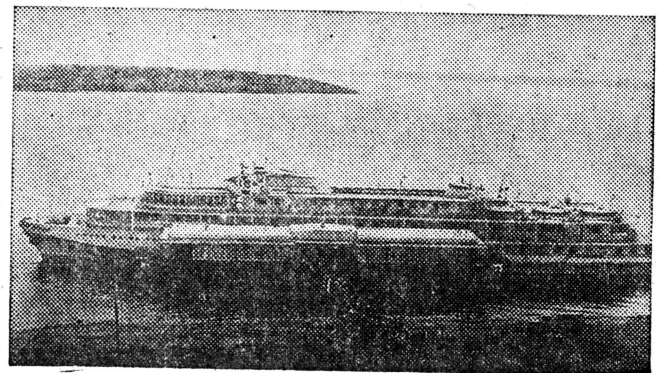
Вот он Турухан, заветная цель нашего пути! Река безлюдна, порой кажется: был ли тут человек вообще? Мы вслепую, без лодии, двинулись вперед на полном глиссировании.

В ста километрах от устья, на правом берегу Турухана, стоит село Фарково, единственный поселок на реке, не считая Старотуруханска. Новой Мангазее, или городу Туруханску, более трехсот лет. И он не избежал печальной участи Мангазеи. Открытие новых южных путей в глубь Сибири, оскудение пушных богатств, суровый климат привели к тому, что уже в начале XVIII века город стал хиреть. В XIX веке город превратился в место ссылки повстанцев-поляков и декабристов. В первые годы Советской власти небольшое поселение стало называться Старотуруханском, а село Монастырское, куда мы держим путь, переименовали в Туруханск.

Место для первой ночевки мы выбрали на Нижней Тунгуске, в четырех километрах от устья ее. Всю ночь напролет просидели у костра на берегу Угрюм-реки. Настроение у нас было не угрюмое, а радостное: одолев четыре с лишним тысячи километров, мы достигли конечной цели.

Наутро поехали в Туруханск. С заведующей музеем Якова Михайловича Свердлова Инной Михайловны Банбенковой набросали план работы здесь. Вскоре о нашем прибытии знал весь Туруханск. Звали нас не иначе, как земляками Якова Михайловича.

Память о Свердлове в Туруханске свято чтут. Только что здесь прошел праздник улицы Свердлова. Свердлов — почетный член бригады строителей, заработная плата Я. М. Свердлова будет зачисляться в Фонд мира, —

Теплоход с туристами прибыл в Туруханск

¹ Хой — болото.

узнаем из газеты «Маяк Севера». Бережно ухаживают туруханцы за домиком, в котором жила семья Свердловых.

На следующий день мы отправились на нашем катере в Курейку, что севернее Туруханска на 120 километров. С нами снова поехала в качестве проводника и гида Инна Михайловна.

Нынешняя Курейка — большое благоустроенное село, вытянувшееся почти на пять километров. В ста километрах от устья строится Курейская ГЭС. Бывшее поселение политкаторжан будет и дальше расти — городом, небось, станет.

В 1660 году близ устья Нижней Тунгуски, на высоком правом берегу безымянной протоки опальный священнослужитель Тихон, сосланный в Мангазею, основал Троицкий Туруханский монастырь. Остров напротив монастыря и безымянную протоку нарекли Монастырскими. Так здесь появилось и село Монастырское. Через него пролегли скорбные и героические пути множества революционеров. После восстания на Сенатской площади Туруханский край и село Монастырское стали местом ссылки декабристов. Здесь жили Н. С. Бобрищев-Пушкин, Н. Ф. Лисовский, И. Б. Абрамов, Ф. П. Шаховский и С. И. Кривцов.

В годы первой мировой войны в туруханской ссылке оказались сразу четыре члена ЦК партии большевиков — Я. М. Свердлов, Ф. И. Голощекин, С. С. Спандарян, И. В. Сталин.

22 июня 1913 года Свердлов был водворен на станок Селиваниху, что в 15 километрах севернее Монастырского. Затем охранка упрятала его ещё дальше — в Курейку. Здесь Яков Михайлович находился с марта по сентябрь 1914 года. По настоянию политических ссыльных, обеспокоенных ухудшением его здоровья, Свердлов был возвращен в Селиваниху, а затем в Монастырское, куда вскоре приехала его жена Клавдия Тимофеевна с двумя детьми, Андреем и Верой.

В Монастырскую были привезены в ссылку депутаты IV Государственной думы большевики А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Н. Ф. Самойлов, Н. Р. Шагов.

3 марта 1917 года телеграфист Монастырского принял сообщение об отречении царя и о буржуазной революции в России. Через три дня в Монастырском началась эвакуация политических ссыльных. Первыми были отправлены члены ЦК Я. М. Свердлов и Ф. И. Голощекин.

В первые годы Советской власти село Монастырское переименовалось в Туруханск. Остатки каменного монастыря сохранились и поныне.

В последний день пребывания в Туруханске рядом с нашим катером приткнулась к берегу лодка «Сарепта» с двумя подвесными моторами. Экипаж судна семейный — муж с женой и дочь. Смотрим: женщина идет к нам, улыбается.

— Здравствуйте, — говорит. — Увидела на вашем борту «Уральский следопыт» и спешу познакомиться.

Мы рассказали о себе, о своей экспедиции. Узнали о них.

Очень интересная семья. Каждый год она отправляется на своем фамильном корабле в какое-нибудь дальнее путешествие. Вот сейчас прибыла в Туруханск. Представляете: из Новосибирска, где они живут, — в Туруханск! Из Оби на Енисей они вышли по Обь-Енисейскому каналу.

Наши новые знакомые оказались давними и постоянными подписчиками журнала.

Жаль, времени у нас не было: пора было идти в аэропорт. Второпях мы даже забыли спросить фамилию этого туристского экипажа. Но, думаем, коль они постоянно читают «Уральский следопыт», то прочитают и эти строки. И откликнутся.

Наше путешествие в Туруханский край закончилось. Его можно считать удачным: посмотрели все своими глазами, собрали материал к 100-летнему юбилею со дня рождения Якова Михайловича Свердлова.

Всего несколько коров чистой якутской породы удалось разыскать сибирским ученым, приступившим к созданию банка генов животных. Гены этих коров определяют их уникальную приспособленность к низким температурам, долголетие. Собран также табун лошадей местных аборигенных пород, родословная которых уходит в глубь тысячелетий. Отловлены самец и самка исчезающей алтайской выдры, на что понадобилось несколько месяцев настойчивых поисков... Чтобы сохранить существующий генофонд, на территории Горного Алтая выделена обширная территория, на которой размещены исчезающие животные.

В труднодоступных лесах Новой Гвинеи ученые после долгой охоты поймали бабочку, размах крыльев которой 24 сантиметра. Этот вид не был известен. Его назвали «Принцесса Александра». Как считают удачливые охотники, им попался в сачок не самый крупный экземпляр.

Ни о чем ином, как о не очень высоком качестве красителей материала, свидетельствуют чаще всего вытертые до белизны джинсы... В нашей стране учеными химиками синтезированы кубогены. На окрашенную ими ткань не действуют ни солнце, ни вода, ни мыло — ткань не выцветает и не линяет. В то же время кубогены, этот новый класс красителей, придают тканям особую яркость. Для производства кубогенов не тре-

буются химические реагенты, которые обычно попадают в сточные воды текстильных предприятий, загрязняя природу.

Пятьдесят миллионов световых лет — относительно не много — разделяют нас и галактику (она расположена на небесной сфере в созвездии Гончих Псов), в центре ядра которой была предсказана теорией массивная «черная дыра». Теперь астрономы, используя данные спутниковой аппаратуры, «взвесили» эту дыру: ее масса в 50—100 миллионов раз больше массы Солнца. Это первое твердое свидетельство существования подобных объектов.

Разгадав секрет изготовления кубика Рубика, инженер из Кишинева Александр Ордынец предложил свою объемную логическую игрушку — «молдавскую пирамиду». Она состоит из четырнадцати элементов, вращающихся, так сказать, усложненно — в наклонных плоскостях (а не под прямым углом, как в венгерском кубике). Пирамида Ордынца имеет сотни миллионов вариантов решения. Новая логическая объемная игрушка, по мнению специалистов, может применяться как наглядное пособие при изучении, например, начертательной геометрии.

На мелководье у Багамских островов обнаружены стены из темного камня. Одна из них имеет длину 70 метров, а ширину 10 метров. Археологи считают, что это дело рук человека, причем стены сложены 8—4 тысячи лет до нашей эры. Геологи же думают иначе: стены «созданы» моллюсками. Ученым еще предстоит разгадать эту загадку.

Дан Гудвин, американский каскадер, за три с половиной часа вскарабкался на крышу 405-метрового небоскреба. Рискованный путь по отвесной стене он проделал на глазах 6-летней дочери, жены и многочисленных зевак. Трюк понадобился Дану, чтобы получить у работодателей хоть какое-нибудь место.

ШКОЛА ЮНЫХ ТАЕЖНИКОВ

Когда в Сыктывкаре при городском обществе охотников и рыболовов открылась секция «Юный охотник», в нее записались десятки подростков.

Чему учатся в секции ребята? По едва заметным следам и приметам определять вид, возраст диких животных. Отбирать для себя и воспитывать собак. Учатся также мастерству устройства таежного костра, вообще — умению жить и работать в тайге под открытым небом. Вместе со своими наставниками-егерями подростки дежурят в лесу, устраивают столовые для лесных обитателей. Зимой ребята сдают своеобразный экзамен на учебной тропе.

В. ДАНИЛИН

ЯКИ-СПАСИТЕЛИ

Яки спасли от волков стадо косуль. Это случилось в урочище Кок-бел (Киргизия). Когда быстроногие животные вдруг помчались прямо к пасущемуся гурту, яки расступились, а затем отгородили их от хищников плотным кольцом. Стая голодных волков не решилась атаковать через частокол мощных рогов. А вскоре подоспели и люди...

А. ПЕТРОВ

На этом снимке вы видите Александра Литвинова и Александра Довженко — известных советских кинематографистов.

Еще в 1918 году Я. Протазанов поставил по сценарию А. Литвинова художественный фильм «Член парламента». А. Литвинов участвовал в съемках на IV конгрессе Коминтерна в 1922 году и вместе с делегатами слушал знаменитую речь В. И. Ленина.

В феврале 1928 года А. А. Литвинов познакомился с Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым, который принял активное участие в снаряжении киноэкспедиции по Дальнему Востоку.

В 1935 году близ Владивостока Литвинов снимал картину «Хижина старого Лувена» по сценарию М. Пришвина. В тех же краях Довженко работал над своим знаменитым «Аэроградом». Для какого-то эпизода ему потребовались олени. Александр Довженко, Юлия Солнцева и Эдуард Тиссэ приехали за ними в совхоз «Майхе». Здесь они и застали группу Литвинова. На память два режиссера сфотографировались.

Б. ЗЕЛИЧЕНКО

ЖИЗНЬ В АКВАРИУМАХ

На территории нашей страны имеется несколько морских аквариумов для наблюдения за жизнью морских животных и рыб. Старейший из них открыт в Севастополе в 1871 году. Он включает центральный бассейн объемом в 45 квадратных метров и 14 стенных витражей-аквариумов. Самый крупный аквариум (открыт в 1965 году) — в Батуми. Помимо 18 морских и пяти пресноводных аквариумов, расположенных по внешней стене полуовального здания, здесь имеется основной бассейн площадью 12×5 метров и глубиной 2,5 метра. Четыре бассейна находятся вне здания. Небольшой морской аквариум есть также в помещении Мурманского биологического института Академии наук СССР.

Д. ЭЙДЕЛЬМАН

КОПИ

УРАЛЬСКИХ ГОРЩИКОВ

Всего на какой-то десяток метров пришлось углубиться в землю геологам — вскрыли занорыш. Выгребли из него вместе с глиной несколько кристаллов голубого топаза, да каких! Один немного недотянул до килограмма, другой оказался еще тяжелее, третий превзошел по весу оба первых вместе... Случилось это на знаменитой Мурзинской полосе (Средний Урал) пятнадцать лет назад — в тот год, когда отмечали 300-летие ее открытия. Конечно, это была редкая удача. Тем более что геологи исследовали места, давно проверенные и даже отработанные уральскими горщиками. Лишь зрелые лесом старые копи и отвалы пустой породы остались тут свидетелями былых находок, прогремевших на весь мир.

История пятнадцатилетней давности вспомнилась мне в зале Уральского геологического музея, где в конце прошлого года в связи со 100-летием со дня рождения академика А. Е. Ферсмана была развернута своего рода экспозиция «Уральские копии». Знаменитый минералог отдал много времени и сил изучению уральских самоцветов. Он оставил после себя около девятисот печатных трудов, из которых почти четверть посвящены Уралу. «Нет во всем мире земли, где бы хранилось столько разнообразных богатств, где бы так могучи были силы недр, грандиозные перспективы, зовущие и манящие к труду и борьбе», — писал А. Е. Ферсман, переполненный впечатлениями от уральских путешествий, спусков в подземные выработки, от встреч с уральскими искателями цветного камня. Новая музейная экспозиция стала подтверждением этих слов ученого.

Вот за стеклом крупные зеленые кристаллы, некогда добытые в изумрудных копиях, вот россыпи минералов из копей Шишимских, Назямских, Ильменских гор на Южном Урале, вот аметисты и морионы из копей Адуя и той же Мурзинской полосы (аметисты из копи Тальян близ Мурзинки до сих пор в особой цене у ювелиров и знатоков: эти фиолетовые камни загораются кровавым огнем при искусственном освещении)... Шайтанская копь ведет свою историю с 1797 года. Заложил ее И. Раздеришин. Это место оказалось крупнейшим уральским месторождением полосчатого кварца, или агат-перелива. Почти полтора века оно разрабатывалось бессистемно, лишь с 1968 года здесь действует предприятие. Запасы камня оцениваются в тысячу тонн... Вот еще самоцветы — из Липовки. Это — розовые, зеленые, черные, полихромные турмалины... Кружишь около витрин зала час, другой — никак не насмотришься!.. А тут еще ловишь краем уха, как экскурсовод рассказывает притихшей толпе: «Бытовало поверье о том, что человек,

взглянувший утром на изумруд, уже ничего дурного за день не сделает...» И — снова кружишь...

К сожалению, сколько ни ходи возле витрин экспозиции, а уходишь из музея с миллионом вопросов в голове. И, пожалуй, главные из них — как сейчас-то в Уральских горах насчет самоцветов? Как насчет новых находок?

...У Бориса Валентиновича Чеснокова, о котором «Уральский следопыт» недавно уже рассказывал, любопытная история. Он один из тех, чью судьбу предопределила переписка с А. Е. Ферсманом (а Ферсману писали сотни и сотни школьников, почти все получали ответы). Чесноков увлекался камнями с малых лет, в 1943 году, будучи семиклассником, прочел книгу «Занимательная минералогия» и написал автору. Скоро академик прислал Борису ответное письмо (оно не сохранилось), в котором советовал своему юному корреспонденту учиться, упорно овладевать науками. В 44-м Борис получает второе письмо Ферсмана: «...Как идет у Вас учеба?.. В чем трудности?..» В январе ученый еще раз пишет Борису: «Из Вашего последнего письма вижу, что успехи по наукам не очень блестящи. Надеюсь, теперь подтянулись и дело идет лучше?.. Чтобы понять минералогию и геологию, безусловно, надо иметь не только представление о химии... Не пугайтесь и смелее овладейте знаниями. Какие будут вопросы — пишите, постараюсь разъяснить».

С 1947 года Чесноков — студент Свердловского горного института. Впоследствии институт стал местом работы — Борис Валентинович преподавал в нем 24 года. Сейчас он трудится в Ильменском государственном минералогическом заповеднике имени В. И. Ленина. Доктор геолого-минералогических наук Б. В. Чесноков открыл на новом месте работы два новых минерала (об этом и шла речь в «Уральском следопыте»).

Увы, в рассказе музея о самоцветах Уральских гор этого последнего факта нет. А ведь он многозначителен.

В. СТАРИКОВ

АВТОМОБИЛЬ

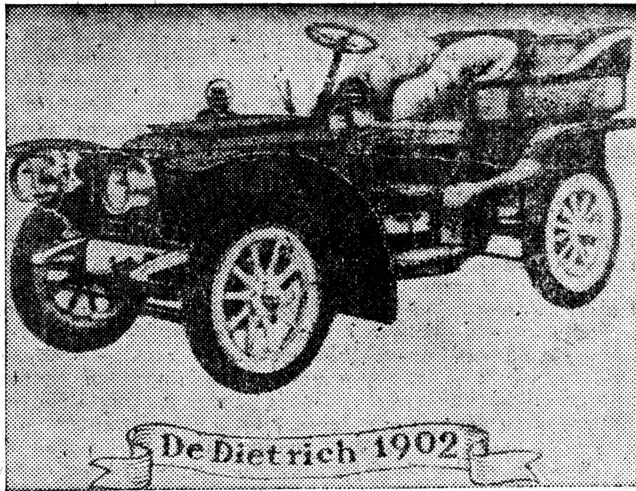
ДЛЯ ОСТАПА БЕНДЕРА

На чем ездил Остап? Давайте вспомним — на извозчиках, на поездах, на пароходах, на автобусах. И еще — большую часть действия «Золотого тельца» — на «Антилопе-гну». Так он прозвал автомобиль Козлевича. А ведь машина имела и фирменное название. Прочитируем Ильфа и Петрова: «Порода машины была неизвестна, но Адам Казимирович утверждал, что это «Лорен-Дитрих». В виде доказательства он приколол к радиатору автомобиля медную бляшку с лорен-дитриховской фабричной маркой».

Не один год в мире мода на старые автомобили. Их изображают на марках и рубашках, снимают в кино крупным планом, а для уцелевших в потоке времени проводят специальные «парады ветеранов». Многие газеты и журналы ведут (или вели) целые разделы, посвященные старым автомобилям. И, читая их, поневоле задумаешься: а была ли машина марки «Лорен-Дитрих»?

В одном из зарубежных журналов десятилетней давности я наткнулся на описание автомобиля, на котором, похоже, ездил Остап Бендер со своими компаньонами. Оказалось, что фирма, выпустившая эту машину, не существует с 1934 года, но история ее такова, что заслуживает внимания.

До франко-прусской войны заводы де Дитрих находились в Эльзасе и производили оборудование для железных дорог. Когда после поражения Франции Эльзас был отторгнут Германией, Эжен де Дитрих переехал в Лотарингию, где в Люневилле выстроил новый завод.

УЧЕБНИК ЮНЫМ СЕВЕРЯНАМ

Для школьников-старшеклассников, живущих в районах Крайнего Севера нашей страны, впервые подготовлен и выпущен учебник по оленеводству. Основы оленеводства юные северяне изучают факультативно уже более двадцати лет, но до сих пор специальной книжки не было. Автор учебника — один из ведущих советских оленеводов А. Мухин. Он изучал северных оленей не только «дома», но и в скандинавских странах, на Аляске. Новая школьная книга отвечает подробно на вопросы, связанные с биологическими особенностями животных, с племенной работой, организацией оленеводческих хозяйств, она поможет массовой подготовке квалифицированных специалистов-оленеводов.

В. ДАНИЛОВ

ПРИПЛЫЛА ЛОДКА В МУЗЕЙ...

Двадцать пять лет назад камчатский рыбак Ион Ичанга выдолбил из ствола векового тополя лодку. Все эти годы пользовался ею на быстрых местных реках. Теперь, когда лодка отслужила свое (но еще, конечно, цела!), переправил ее Ичанга в музей села Эссо. Этот краеведческий музей, созданный на общественных началах, располагает уже несколькими сотнями экспонатов, рассказывающих о труде и быте эвенков.

А. СИДОРОВ

КРАСНОЯРСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

В Красноярске, на родине Василия Ивановича Сурикова, предки которого по отцу пришли в Сибирь с дружиной Ермака, открылся художественный музей. Красноярцы бережно собирали, хранили произведения своего знаменитого земляка, выдающегося русского мастера исторической живописи; теперь они располагают самой большой в нашей стране коллекцией работ Сурикова. Картины Василия Ивановича и стали центром экспозиции нового музея. В залах выставлены также работы других известных русских художников, картины старых голландских, итальянских, английских, немецких, чешских живописцев, представлены произведения сибирских мастеров декоративно-прикладного искусства.

В. АЛЕКСАНДРОВ

ТАИНСТВЕННАЯ МОРСКАЯ ФАУНА

Редких морских животных открыли итальянские ученые в Мессинском проливе, куда Гомер поселил в мифах Сциллу и Харибду. Морское дно между Сицилией и Апеннинским полуостровом пробуровлено своеобразными долинами глубиной до 300 метров. Там обнаружены колонии очень редких белых кораллов, которые прежде, по сведениям океанологов, обитали лишь у берегов Америки.

Приклеившись к этим редким кораллам, живет не менее редкий моллюск педикулярна сидула, которого не изловили вот уже... век. Найдены также беспозвоночные, обитающие обычно лишь у японского побережья. Ученые считают, что эти разновидности морской фауны достигли Мессинского пролива, возможно, на днищах судов.

Н. Э. ЯКОВЛЕВ

Он и стал с 1897 года выпускать автомашины конструкции Амеде Болле (сына), а позже — Этторе Бужатти.

Журнал особо констатировал, что носивший немецкую фамилию Эжен де Дитрих везде подчеркивал свою принадлежность к Франции. Для этого с 1906 года марка автомобиля была изменена на «Лорен де Дитрих», а фабричным знаком стал лотарингский крест. А в 1919 году фамилия владельца вообще была снята, и автомашина стала называться «Де Лорен».

Известно, что модель «Де Дитрих», выпускавшаяся в 1902—1904 годах, имела четырехцилиндровый двигатель в 16 лошадиных сил, объемом 4080 кубических сантиметров. Почему мы говорим о модели именно этих лет, будет сказано ниже.

Как оказалась машина в России? Она могла быть привезена кем-то из Франции или, может быть, приобретена прямо на территории Российской империи (в Варшаве, например, в 1911 году автомобильный магазин предлагал как «Лорен де Дитрих», так и «Пежо»). Но, вероятнее всего, наша «Антилопа-гну», если поверим в ее существование, — единственная, оставшаяся от большой партии автомашин, закупленной военным министерством России в 1902 году. Часть была захвачена японцами «на сопках Маньчжурии», а все остальные машины наверняка закончили свою жизнь в годы гражданской войны.

И лишь на страницах «Золотого тельника» осталась память о старой, но, похоже, весьма добротной машине. Иначе почему бы помнили ее те, кто подсказал название автомашины Ильфу и Петрову, написавшим свой роман в 1931 году. Сами они вряд ли знали ее. Ведь когда Россией была закуплена партия машин, Ильфу исполнилось пять лет, а Петров родился... год спустя.

Э. ЯКУБОВСКИЙ

САМЫЙ ДОРОГОЙ МОСТ

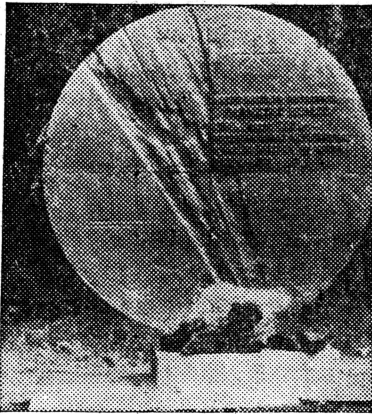
Правительство Малайзии приняло решение о строительстве моста, который должен соединить остров Пенанг с полуостровом Малакка. Общая длина моста составит тринадцать с половиной километров, из них более восьми — над водой. Пока еще не решено, какому типу сооружения будет отдано предпочтение — арочному на опорах или подвесному на металлических тросах. Однако уже сейчас более полутора десятков крупнейших строительных монополий Японии, ФРГ, Великобритании и других стран наперебой предлагают свои услуги. Цена в 272 миллиона долларов говорит о том, что это будет одно из самых дорогих сооружений такого рода.

Э. ДЕЛЬМ

ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА УРАЛА

● Был зимний день, шел одиннадцатый час утра. Над Магаданом появился световой столб, который сразу многие жители города заметили. Он, по мере своего «роста», слегка изгибался. Вскоре, однако, облака закрыли солнце, и столб исчез. Это была, судя по всему, не радуга, отметили метеорологи. Возможно, столб возник как результат отражения и преломления солнечных лучей на кристаллах снежной пыли.

ПАМЯТНИК КОСМИЧЕСКОМУ «ПРИШЕЛЬЦУ»

Осуществилась эта давняя мечта краеведа Ивана Лалетина. Именно он ходатайствовал перед комитетом по метеоритам АН СССР об установлении памятника первому метеориту...

Сопка Метеоритная... С нее в 1749 году местный житель Яков Медведев привез на свой двор загадочную глыбу весом более сорока пудов. А позднее произошла его встреча со знаменитым ученым того времени академиком Палласом. Он-то и определил неразгаданный камень в Петровскую кунсткамеру. Спустя еще десятилетия другой академик, Хладни, доказал, что сибирский камень — метеорит. Можно сказать, с этого момента и началась отечественная метеоритика, которая теперь имеет в своем арсенале более 150 космических «пришельцев».

Сибиряки гордятся, что первым метеоритом, «вторгнувшимся» в науку, был тот самый, найденный крестьянином Медведевым и названный в честь академика «Палласовым железом».

Теперь сибирскому метеориту поставлен памятник.

На снимке: памятник «Палласово железо».

Фото и текст И. ЦЕЛИЩЕВА

Ружейная охота... Самые горячие защитники природы ныне предлагают совсем запретить ее... Речь идет не о промысловой, а о спортивной охоте. Ну, а если уж современные люди, рассуждают алармисты, не могут совладать с древним охотничьим инстинктом, то пусть вооружаются луками и стрелами... Другие же борцы за права природы смотрят на охоту спокойнее, они убеждены в том, что охотники как раз и есть разумные природопользователи. И действительно, опыт таких стран, как Чехословакия, показывает: охота вполне совместима с увеличением в лесах численности птиц и зверья.

Однако же начнем наш маленький рассказ о ружьях независимо от того, имеется ли у охоты будущее. Мы — в Ижевске, в городе, где более полутора веков делают огнестрельное оружие. И здесь, в Удмуртском республиканском краеведческом музее, можно увидеть редкостное оружие. С директором музея Тамарой Алексеевной Шиловой мы стоим подле ружей, включенных в экспозицию. Они, конечно, замечательны, но...

Тамара Алексеевна понимает наше недоумение, наш неизреченный вопрос и начинает рассказывать:

— Не вы первые разочаровываетесь... К нам приезжают гости из разных мест страны. Увидят на слайдах, опубликованных в журналах, великолепно украшенные ружья и вот, попав в Ижевск, спешат к нам, чтобы насладиться неторопливым разглядыванием старинного оружия. Но, увы, убеждаются: в нашем городе пока нет не только музея оружия, но даже постоянной выставки, где можно было бы видеть мушкетеры, карабины да винтовки. А показать нам есть что: с 1807 по 1866 год на ижевском заводе было изготовлено около одного миллиона ружей и винтовок различных моделей. «Выбрать», как понимаете, из такого исторического наследия можно немало интересного. И это уже сделано, то есть коллекция собрана. В ней 600 ружей, сотни охотничьих принадлежностей, также сабли, кортики, пистолеты. И конечно собрана соответствующая литература. Где все эти сокровища? В фондах, разумеется. В порядке исключения мы вас проведем в нашу закрытую оружейную палату...

Чтобы в нее попасть, оказалось, надо покинуть... здание музея и проехать несколько остановок на троллейбусе. Оружейная палата Урала — это всего лишь комната, потолок которой грозит обвалиться. А тут хранят, как мы уже сказали, бога-

тейшую коллекцию оружия, она вполне могла бы стать основой нового музея России, который возбудил бы, в этом нет сомнения, у посетителей чувство патриотизма. Ружья восхищают красотой и напоминают о честной силе русского оружия. Наши предки не несли его в чужие земные пределы, чтобы завоевать мирные народы...

Вот самое старинное оружие, сделанное в Ижевске... Короткоствольный мушкетон (таких мушкетонов было сделано в годы Отечественной войны 1812 года шесть тысяч). Ствол его в конце расширен, словно у кларнета. Для чего сей раструб! Без него гусар не смог бы засыпать в ствол на скаку мерку пороха, а след за ним картечины. Бесценная реликвия... Алексей Панфилович Васильев, исполняющий обязанности заведующего отделом оружия краеведческого музея, дает нам специальные перчатки, чтобы мы надели их. Только теперь можно взять оружие времен Отечественной войны в руки. Это волнует, не каждый день такое переживаешь...

Коллекция оружия в Ижевске пополняется. Недавно Владимир Андреевич Михеев, заведующий реставрационной мастерской, приобрел для музея ружье работы знаменитого петербургского мастера прошлого века Ф. О. Мацке. Двухстволка-«парадокс» может стрелять и дробью, и пулей [в конце ствола есть нарезка]. Ружье сделано по заказу и расчету биолога С. А. Бутурлина для научной охоты. Теперь оно — настоящая редкость.

Будем надеяться, что этот шедевр оружейного мастера-штучника и сотни других раритетов, хранящихся в Ижевской оружейной палате, когда-нибудь увидят ижевцы и многочисленные гости столицы Удмуртии. Все есть для создания в городе музея оружия [в нем могли бы быть и старинные пушки уральского производства]: коллекция ружей, знатоки истории оружейного дела и мастера-реставраторы. Нет лишь помещения для музея, открытие которого стало бы событием не только культурной жизни Удмуртии, но и всей Российской Федерации.

Ю. ЛИПАТНИКОВ

Снимок на 4-й стр. обложки
Александра Лысякова

В НОМЕРЕ

- П. КОДОЧИГОВ 2 Второй вариант. Окончание
24 Былая боль у нас не за плечами. Стихи
А. АБРАМОВ 26 Часы спасли жизнь
И. ЛЫЧАГИН 27 Слово о ветеране
28 Следопытский телеграф
В. КРАПИВИН 30 Паруса
Н. АНДРЕЕВА 33 Разведка, вперед!..
И. КОРНИЕНКО 35 «Потому что это больше, чем мы...»
А. ЯКОВЛЕВ 38 На семи ветрах холодных
С. БОЙЦОВА 42 Ящик с красками
Т. САВЧЕНКО 42 Тезка Барабанщицы
А. РЕЗНИЧЕНКО 43 В роли колдуна
Ю. ДУНАЕВ 43 Как это объяснить?
П. АМНУЭЛЬ 44 Через двадцать миллиардов лет после
конца света. Рассказ
Г. ФОМИНА 59 Память сердца
Т. ЧИНАРЕВА 60 В гостях у Тани Сабанеевой
С. СМИРНОВА 62 Город Березов в 1740 году
Н. НОВЫЙ 64 Этот удивительный Чацкий!..
А. ОМЕЛЬЧУК 65 Что сказал неведомый Соммье
Ф. КРЕНДЕЛЕВ 66 Соленые дожди над степью
В. КОРШИК 68 Один на сто верст
В. КУРБАТОВ 70 Лиса в землянке. Орел-птицевод. Гусь-
Дуся. Новеллы
В. КОРКИН 73 На «Амуре» по Турухану
75 Мир на ладони

Рисунок на 1-й стр. обложки Е. СТЕРЛИГОВОЙ

Редакция

- Ю. Борисихин, заведующий отделом публицистики
В. Бугров, редактор отдела научной фантастики
Л. Будрина, технический редактор
М. Бурангулова, корректор
Л. Гончарова, секретарь-машинистка
А. Кононова, заведующая редакцией и отделом писем
Ю. Липатников, заведующий отделом науки и техники
Е. Пинаев, художественный редактор
Н. Широкова, редактор отдела следопытской жизни

Адрес редакции:
620219, Свердловск, ГСП-353 ул. 8 Марта, 8

Телефоны:

51-22-40 (секретариат)
51-55-56 (отдел писем, публицистики, науки и техники)
51-09-71 (отдел прозы и поэзии, научной фантастики)
51-53-20 (отделы краеведения, следопытской жизни)
Рукописи не возвращаются. Сдано в набор 31.01.84. НС 11060.
Подписано к печати 21.03.84. Формат бумаги 84×108^{1/16}.
Бумага типографская № 3.
Высокая печать. Усл. печатных листов 8,82.
Усл. кр.-отт. 10,92. Учетно-издательских листов 10,9.
Тираж 307 000. Заказ 533. Цена 40 коп.
Типография издательства «Уральский рабочий»
Свердловск, пр. Ленина, 49.

**Борис
АКСАНИЧ**

Художник
С. Ашмарин

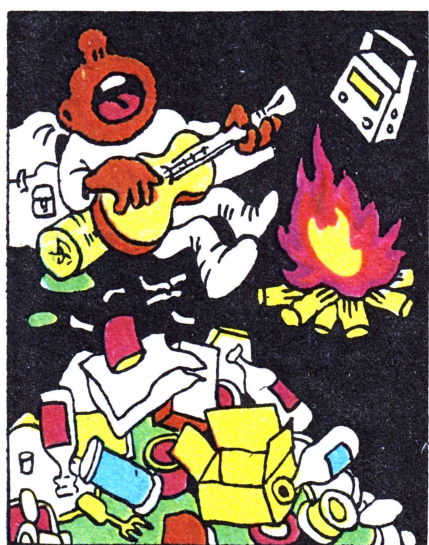
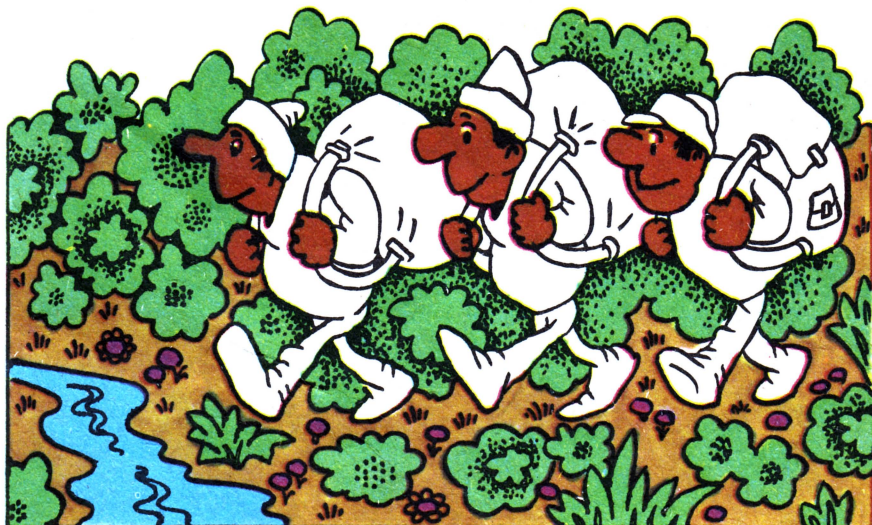
День погожий. Небо чисто.
Горизонты широки.
Вереницею туристы
Шли по берегу реки...

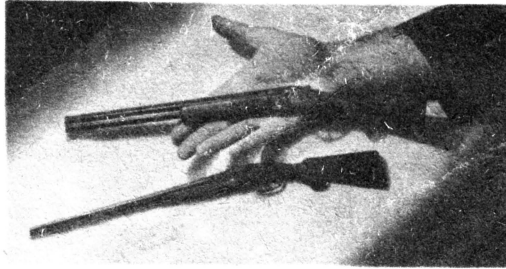
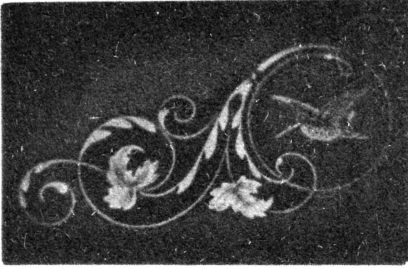
Чтоб сидеть удобней было
У походного костра,
Моментально ель срубили
Под горластое «ур-р-ра!».
Кто-то важно и степенно,
Вынув нож и сморщив бровь,
На березке высек: «Лена+
Сергей=любовь».
А другой, с походкой шаткой,
Покопался в рюкзаке
И с увесистой взрывчаткой
За ухой рванул к реке.
Третий — тоже из «смышленных», —
Он для личного шатра
Наломал ветвей зеленых
Кубометра полтора.
А четвертый — ну, затейник! —
От избытка юных сил
Длинной жердью муравейник
Взял и весь разворотил.
По деревьям лазал кто-то,
Норовя достать до звезд.
Не достал. Но для чего-то
Своротил десяток гнезд.
После кто-то ложки, вилки
В родничке ополоснул.
Заодно туда бутылки
И жестянки зашвырнул.

Было утром небо чисто.
Горизонты широки.
Отдохнувшие туристы
Зашагали вдоль реки...

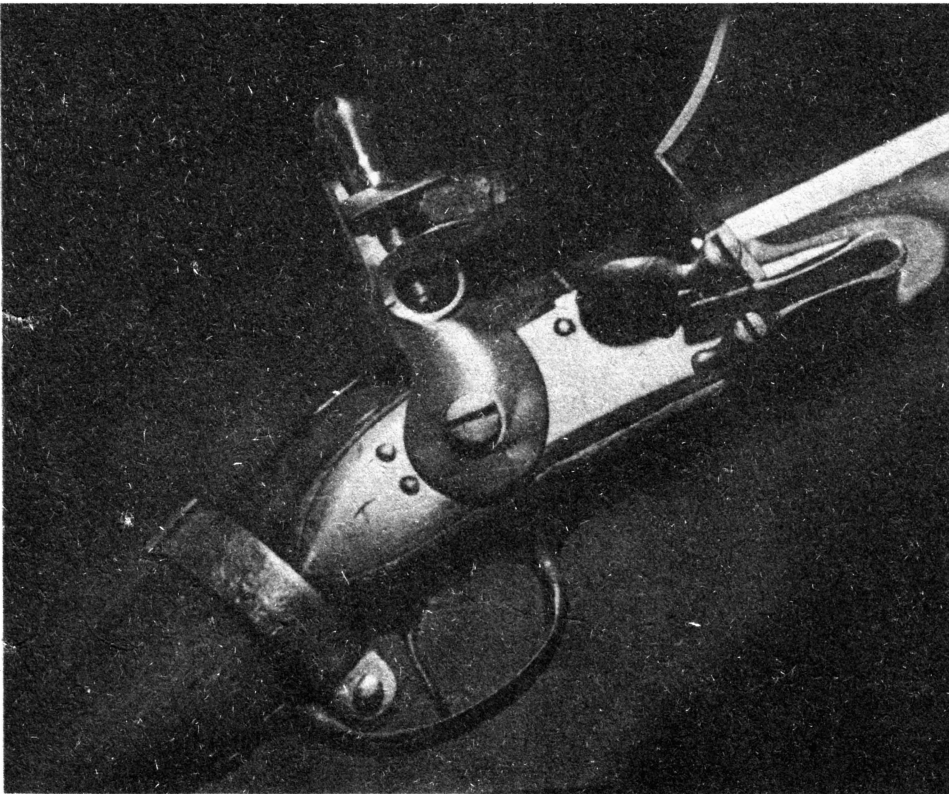
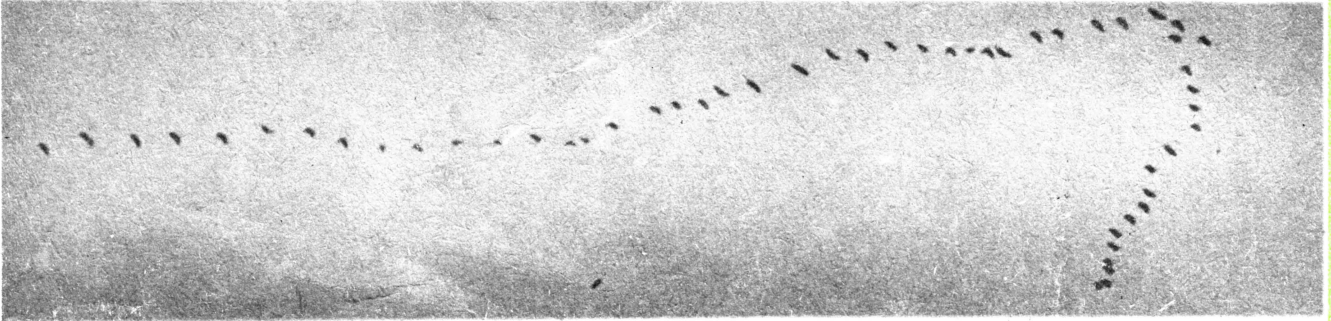
HA NPW. BANE

●●●●

Еще в начале прошлого века в Ижевске сложилась школа оружейных мастеров. Немало внесли оригинального уральские оружейники в искусство украшения охотничьих ружей. Ижевцы сохраняют и такую традицию: мастерить миниатюры.

Коллекция ижевского оружия великолепна, неповторима. В ней сотни самых разных ружей. Например, шомпольные кремневые. Они могли участвовать в Отечественной войне 1812 года. Также и этот мушкетон (вы его видите на снимке) мог быть на войне с Наполеоном. Однако в столице Удмуртии до сих пор не создан музей оружия! Почему?

Читайте об этом на 79-й странице.